

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№. 40.

Воскресенье 3 Октября.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: *И. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набскова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.*

***

Содержаніе: 1) Судъ Божій и судъ человѣческой въ международныхъ дѣлахъ.—*М. А. Лозина-Лозинскаго.* 2) Земская адвокатура.—*В. Д. Кузьмина-Нараева.* 3) Прекращеніе уголовныхъ дѣлъ единоличными судьями.—*И. В. Михайловскаго.* 4) Письмо изъ Лондона.—*Barrister.* 5) Судебные отчеты. 6) Хроника. 7) Юридическія общества. 8) Библиографія: Журн. Мин. Юстиціи, № 7, Сентябрь, 1899 г. 9) Судебно-административная практика. 10) Отвѣтъ редакціи.

11) Приложенія: I. Засѣданіе Уголовнаго Кассационнаго Департамента 28 Сентября по дѣлу браггевъ Скитскихъ. II. Засѣданіе Московской судебной палаты по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

12) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Судъ Божій и судъ человѣческой въ международныхъ дѣлахъ.

„Англичане не хотѣли оказать намъ никакой справедливости; они отказали намъ даже въ третейскомъ судѣ. Такъ пусть же Господь рѣшитъ наше дѣло. Положимся на Его святую волю!“ Слова эти были сказаны однимъ изъ депутатовъ Трансваальскаго фольксраада передъ закрытіемъ его засѣданій въ виду наступленія военнаго времени.

Еще не замерли звуки заключительнаго аккорда Гаагской конференціи, на которой представители Англій настойчиво защищали институтъ обязательнаго международнаго третейскаго суда, грядущаго въ цивилизованный міръ, чтобы упразднить войну,—и вотъ уже затрубили трубы, заиграли рожки, начиная прелюдію военнаго марша, заглушая рѣзкою фанфарою замирающіе звуки мирной симфоніи, сыгранной въ Гаагѣ концертомъ державъ.

Англія не хочетъ разрѣшить свой споръ съ Трансваалемъ путемъ третейскаго суда, она хочетъ рѣшить его силою; полагаясь на свою силу, она, конечно, не упускаетъ изъ виду, что сила—элементъ безразличней, служачій, подобно кондотьеру, какъ хорошему, такъ и дурному дѣлу; избѣгая третейскаго суда, Англія очевидно сознаетъ несправедливость предъявленныхъ ею къ Трансваалу требованій. Идя на войну, Англія полагается только на силу. Трансвааль идетъ на войну, какъ на судъ Божій,—

идетъ такъ, какъ шелъ воодушевленный Давидъ на бой съ нищимъ духомъ, крѣпкимъ тѣломъ Голиафомъ.

Въ старину, когда человѣкъ въ душевной простотѣ былъ ближе къ Богу, чувствовалъ Его волю надъ собою, онъ ежечасно былъ готовъ предстать и на судъ Божій. Заспорятъ ли двое, настаивая каждый на томъ, что ему представляется святымъ и истиннымъ, уличаетъ ли одинъ другого въ совершеніи нехорошаго дѣла, оба ли признаютъ за собою право на какой-нибудь предметъ,—идутъ на судъ Божій, на испытаніе водой, огнемъ, желѣзомъ, на смертный бой. И за cadaго встаютъ его друзья, увѣренные въ его чистотѣ передъ Богомъ, готовые умереть за него, если онъ ошибается, но недопускающіе мысли, что онъ свидѣтельствуеетъ ложно, сознаетъ неправоту своихъ требованій. Смерть однихъ бойцовъ не останавливаетъ другихъ, вѣрящихъ въ правоту дѣла: они продолжаютъ бой, не жалѣя ни себя, ни противниковъ, пока судъ Божій не скажется яснымъ знаменіемъ, убѣдительнымъ для всѣхъ.

Южно-африканскіе буры до сихъ поръ еще сохранили эту древнюю простоту души. Въ устахъ этихъ людей, ушедшихъ изъ нечестивой Европы въ дикую страну, чтобы жить патриархальною жизнью, призывъ къ суду Божьему—не пустое слово. Ихъ вѣра въ справедливость Божью, которая не дастъ окончательной побѣды неправому дѣлу, сколько бы ни погибло борцовъ за правду,—та вѣра, которая горы съ мѣста

сдвигаетъ, которая одна даетъ людямъ неоодолимую силу, потому что она сильнѣе смерти. Англія не допустила Трансваальскихъ буровъ до участія на Гаагской конференціи, буры не подавали своего голоса подобно Англіи за замѣну войны третейскимъ судомъ, но когда разгорѣлся споръ, они первые предложили Англіи разрѣшить его третейскимъ судомъ.

Въ противоположность бурямъ, народы Европы давно утратили библейскую простоту жизни, патриархальную чистоту сердца. Божба, призваніе имени Божьяго въ подтверженіе своей правоты не имѣетъ доказательной силы въ глазахъ европейца. Не къ Богу, а къ человѣческому суду обращаются люди въ современной Европѣ за разрѣшеніемъ своихъ споровъ; самый судъ человѣческой, придававшій въ прежніе вѣка столь большое значеніе присягѣ, т. е. призванію Бога въ свидѣтели, нынѣ уже почти не прибѣгаетъ къ этому доказательству, разрѣшая споры, наказуя виновныхъ, оправдывая невинныхъ на основаніи доказательствъ, доступныхъ простому человѣческому пониманію. Мало того, обращеніе къ человѣческому суду, въ той или иной его формѣ, разрѣшающему дѣло по убѣжденію и совѣсти, считается у европейскихъ народовъ единственнымъ способомъ правильного разрѣшенія споровъ между порядочными людьми. Даже сторонники дуэли, разсматривая ее какъ необходимый по ихъ мнѣнію способъ защиты поруганной чести, не рѣшаются приписывать ей того доказательнаго значенія, которое имѣетъ рѣшеніе или приговоръ суда; всѣ они соглашаются съ тѣмъ, что исходъ дуэли не служитъ всегда доказательствомъ правоты убійцы въ его распрѣ съ убитымъ; что дуэль не смываетъ позорнаго пятна съ человѣка запятаннаго только потому, что онъ ловче, смѣлѣе, а можетъ быть, просто счастливѣе своего пораженнаго противника, бывшаго его обличителемъ, а можетъ быть, и жертвою. Самая необходимость участія секундантовъ въ дуэли, лежащая на нихъ обязанность предварительнаго выясненія распри, примиренія противниковъ свидѣтельствуетъ о недоброуміи современнаго общества къ рѣшенію споровъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вѣдь подобно фарисеямъ, лицемѣрно взывавшимъ: „Господи! Господи!“, подобно торгашамъ, не боящимся ежечасно призывать имя Божіе при обмѣрѣ и обвѣсѣ покупателей, — и къ суду Божьему могутъ взывать люди, сердцемъ далекіе отъ Бога и предпочитающіе гласному суду человѣческому безгласный самосудъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ надеждѣ на свое физическое превосходство.

Въ международныхъ дѣлахъ судъ Божій долѣе всего сохранилъ свое значеніе. Защита своей родины, освобожденіе своихъ собратьевъ по крови и по духу, помощь угнетеннымъ народамъ — все это такіе великіе мотивы, которые и въ наше скептическое время еще не утратили своей силы возвышать и очищать

человѣческія сердца, воодушевлять ихъ на бой и на смерть за правое дѣло, искать правды на Божьемъ судѣ. Но если такъ велика сила этихъ побужденій надъ цивилизованными народами Европы, то развѣ судъ человѣческой, судъ по убѣжденію и совѣсти менѣе суда Божьяго обезпечиваетъ признаніе ихъ правоты и торжество правды? Развѣ можно предположить, чтобы международный судъ, въ той или другой его формѣ, не высказался за правое и великое дѣло, если истецъ обратится къ нему вмѣсто того, чтобы схватиться за оружіе? И въ международныхъ дѣлахъ судъ человѣческой не тому страшенъ, кто правъ предъ Богомъ, а тому, кто, задумавъ нечестивое дѣло, лицемѣрно взываетъ къ Богу.

Мы далеки отъ мысли, чтобы народы и государства цивилизованнаго міра могли стоять за нечестивое дѣло, сознательно идти противъ права и правды, страшиться и избѣгать судебного выясненія и разрѣшенія ихъ споровъ между собою. Представители Англіи, ратовавшіе на конференціи въ Гаагѣ за международный судъ, несомнѣнно были истинными выразителями чувствъ и убѣжденій просвѣщеннаго и культурнаго англійскаго народа. Нечестивые мотивы могутъ принадлежать не народу, не государству, олицетворяющему народъ, а только отдѣльнымъ личностямъ, вынесеннымъ на верхи государственнаго управленія, поставленнымъ на стражѣ интересовъ народа и государства, но злоупотребляющимъ своимъ высокимъ положеніемъ либо изъ нечистыхъ мотивовъ личнаго эгоизма и корысти, либо по недостаточному пониманію своихъ истинныхъ задачъ.

Въ эпоху расцвѣта парламентаризма представительныя собранія казались достаточною гарантіею противъ вовлеченія народа правительствомъ въ несправедливую, противорѣчащую истиннымъ интересамъ государства войну. Но теперь, когда парламентаризмъ успѣлъ уже обнаружить свои слабыя стороны и, между прочимъ, готовность парламентарскаго большинства покрывать промахи и корыстныя побужденія членовъ угоднаго ему министерства, принося въ жертву партійнымъ соображеніямъ интересы государства и народа, когда съ каждымъ днемъ все растетъ сознаніе громаднаго значенія суда въ правовомъ государствѣ, какъ безпристрастнаго, стоящаго внѣ партій защитника правъ всѣхъ и cadaго противъ незаконныхъ посягательствъ, откуда бы они ни шли, — теперь нельзя сомнѣваться, что и для конституціонныхъ государствъ учрежденіе постояннаго международного суда будетъ не лишнею гарантіею противъ фарисейскаго обращенія ихъ правительствъ къ суду Божьему тогда, когда истинные интересы народа требуютъ лишь спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія спора судомъ человѣческимъ, судомъ по убѣжденію и совѣсти.

Благородный починъ русскаго Императора въ созваніи мирной конференціи и въ предложеніи международнаго третейскаго суда, какъ обязательнаго въ извѣстныхъ случаяхъ и желательнаго во всѣхъ остальныхъ способахъ разрѣшенія международныхъ споровъ, показываетъ, что обладающій неограниченною самодержавною властью Верховный Глава неконституціоннаго государства также заинтересованъ, какъ и конституціонныя монархіи и республики, въ цѣляхъ блага своего народа, въ томъ, чтобы скорѣе судъ Божій въ международныхъ дѣлахъ уступилъ мѣсто суду человѣческому.

М. Лозина-Лозинскій.

Земская адвокатура.

(Окончаніе ¹⁾).

У.

Итакъ, потребность въ юридической помощи—вполнѣ реальная и настоятельная—въ деревнѣ есть. Земскими начальниками она не можетъ удовлетворяться. Помощь, въ видѣ временно даннаго совѣта, нужна для устраненія того обычнаго явленія, когда споръ о клочкѣ земли, стоимостью въ 20—40 рублей, обходится каждой сторонѣ въ сотни. При существенности спора—для правильной, съ самаго же начала, постановки иска. Она нужна для письменнаго изложенія всякаго рода прошеній, заявленій и т. д., для законнаго обоснованія жалобъ, для представительства на судѣ.

Наблюденіе и опытъ учать, что всякая потребность, разъ она реальна и настоятельна, необходимо должна быть удовлетворена. Въ противномъ случаѣ, жизнь сама создастъ способы ея удовлетворенія, но получится явленіе, если не всегда уродливое, то всегда печальное. Какъ потребность въ медицинской помощи, оставаясь безъ удовлетворенія, создала знахарство, такъ потребность въ юридической помощи создала, такъ называемыхъ, кабацкихъ адвокатовъ. Явленія одного корня и одинаково ненормальныя. Кабацкіе адвокаты составляютъ нынѣ основной способъ удовлетворенія потребности крестьянъ въ юридической помощи. Всѣ остальные—случайны. О добровольныхъ юрисконсультахъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, само собою разумѣется, нечего и говорить. Волостные писаря сами обладаютъ въ невысокой степени качествами, необходимыми для юридическаго совѣтника. Одинъ присяжный и одинъ-два частныхъ повѣренныхъ, живущіе въ ближайшемъ городѣ, доступны лишь немногимъ, болѣе состоятельнымъ.

Конечно, и дѣятельность отставныхъ, или занимающихся писаніемъ прошеній для увеличенія своего скуднаго заработка, чиновниковъ, или выгнанныхъ со службы писцовъ, или потерявшихъ мѣсто псаломщиковъ и народныхъ учителей заслуживаетъ не одного сплошнаго отрицательнаго къ себѣ отношенія. Не было бы ихъ—некому было бы облекать словъ крестьянъ - просителей, жалобщиковъ, истцовъ, отвѣтчиковъ въ письменную форму, безъ чего немислимо никакое дѣлопроизводство. Какъ и бабки-повитухи, они приносятъ свою долю пользы. Но какъ содѣйствіе бабки нерѣдко ведетъ къ хроническому заболѣванію или даже къ смерти, тамъ и ихъ помощь создаетъ зачастую изъ простаго и яснаго дѣла безконечный процессъ или влечетъ потерю самаго безспорнаго законнаго права. „Я былъ свидѣтелемъ, — пишетъ корреспондентъ „Сибирской Жизни“, — какъ одинъ проситель, старикъ, большой человѣкъ и совершенный бѣднякъ, переплатившій нѣсколько рублей (для него огромную сумму) подпольнымъ ходатаямъ и такъ-таки недобившійся того, чтобы ему написали прошеніе безъ промаховъ, такое, чтобы его хоть приняли, — разводилъ безнадежно руками и шепталъ: „Господи!“ ¹⁾.

Съ другой стороны, вѣковой опытъ на западѣ и тридцатилѣтній опытъ у насъ съ несомнѣнностью доказалъ, что единственно нормальнымъ средствомъ удовлетворенія потребности въ юридической помощи можетъ быть только адвокатура въ точномъ смыслѣ этого понятія, — т. е. совокупность не состоящихъ на государственной службѣ лицъ, получившихъ специальное образованіе, посвятившихъ себя этому дѣлу и дѣйствующихъ исключительно по частному почину и только въ предѣлахъ особаго каждый разъ уполномочія, но подъ контролемъ своей корпораціи или правительственной власти. Если же такъ, то вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы привлечь къ дѣятельности въ уѣздахъ дипломированныхъ присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ, и такъ организовать дѣло, чтобы помощь ихъ была всегдѣ доступна.

Никто и ничто не мѣшаетъ ни присяжнымъ, ни частнымъ повѣреннымъ селиться въ уѣздныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ и заниматься ихъ профессіей. Временныя правила 1889 года ограничиваютъ, правда, представительство на волостномъ судѣ для лицъ, „занимающихся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе“ (ст. 23). Но не этого рода представительства преимущественно не хватаетъ деревнѣ и не о немъ, главнымъ образомъ, ведется рѣчь. Однако, несмотря на отсутствіе препятствій въ законѣ, институтъ сельскихъ адвокатовъ у насъ не создавался и можно быть твердо увѣреннымъ, что онъ не

¹⁾ См. Право № 39.

¹⁾ „Новости“, 1898 г., № 324.

создастся самъ собою и черезъ сто лѣтъ. На вопросъ: почему? — отвѣтимъ сравненіемъ: никто и ничто не препятствовалъ и врачамъ до образованія земской медицины избирать полемъ своей дѣятельности уѣзды и села, но, кромѣ уѣзднаго да городского и кое-гдѣ военнаго врача, развѣ можно было встрѣтить тогда въ уѣздномъ захолустѣ дипломированнаго медика? Нѣтъ, слишкомъ еще малокультурна наша деревня, чтобы въ ней самъ собою, безъ сторонней инициативы и внѣшняго содѣйствія, могъ создаться институтъ какихъ бы то ни было интеллигентныхъ работниковъ—врачей, адвокатовъ, агрономовъ, учителей и т. д. Съ одной стороны, естественная боязнь остаться безъ заработка, съ другой—столь же естественное въ темномъ крестьянинѣ недоверіе къ тому, кто вышелъ изъ другой среды и не имѣетъ за собой официального признанія и полномочія.

Инициатива привлеченія въ уѣзды образованныхъ юристовъ и организаціи юридической помощи можетъ исходить отъ частныхъ лицъ, общественныхъ учреждений и отъ правительства. Въ цѣломъ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ въ прошломъ году настоящему вопросу, приводился разсказъ о духовномъ завѣщаніи нѣкоего крестьянина Софіенко, умершаго въ селѣ, который оставилъ капиталъ въ 30 т. рублей съ тѣмъ, чтобы на % съ 10 тыс. была образована стипендія на прохожденіе гимназій и юридическаго факультета университета способнѣйшимъ мѣстнымъ крестьянскимъ мальчикомъ, а % съ 20 т. шли бы въ видѣ жалованья бывшему стипендіату, обязанному въ теченіе 12 л., пока проходитъ курсъ его преемникъ, жить въ деревнѣ и быть ходатаемъ за своихъ односельчанъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Случай интересный и характерный. Но выводъ изъ него можно сдѣлать одинъ: если у Софіенко окажутся послѣдователи, то лѣтъ черезъ 10—20 изъ ста милліоновъ сельскаго населенія Россіи тысячъ 5—10, пожалуй, будутъ имѣть образованныхъ ходатаевъ. Также не разрѣшаетъ вопроса и другой, несравненно болѣе общій и раціональный, способъ проявленія частной инициативы—учрежденіе консултанціонныхъ бюро повѣренными, состоящими при окружныхъ судахъ, ибо полезное дѣйствіе такихъ бюро едва ли можетъ распространяться далѣе предѣловъ города, гдѣ есть судъ, и окрестныхъ деревень. Даже для развитія дѣятельности только по бесплатной защитѣ подсудимыхъ въ выѣздныхъ сессіяхъ, бюро, учрежденное въ 1898 г. при Екатеринославскомъ судѣ, оказалось вынужденнымъ обратиться за матеріальной помощью къ земству и городскому управленію ¹⁾.

Сторонникъ правительственной организаціи,

г. Дурасовъ ¹⁾, рассуждаетъ такъ: „Для осуществленія столь сложной соціальной задачи, какъ введеніе въ крестьянское сословіе образованныхъ адвокатовъ, которые бы имѣли назначеніемъ пещись исключительно о правовыхъ интересахъ крестьянскаго сословія, замѣнивъ собою неудовлетворительный типъ современныхъ ходатаевъ по дѣламъ, — надобно обладать не только большими средствами, но и многими другими мѣрами, которыя могли бы оказаться пригодными для привлеченія къ дѣлу, столь важному, образованныхъ юристовъ. Это, очевидно, подѣ силу одному лишь государству, но ни обществу, ни земству съ такой задачей вполне удовлетворительно не справиться“. „Общество—не въ состояніи дать тѣхъ привилегій сельскимъ адвокатамъ, кои имѣетъ въ своемъ распоряженіи государство“; „ему не удастся распространить этотъ институтъ быстро и повсемѣстно“, и оно „никогда не вытѣснитъ современнаго типа крестьянскихъ ходатаевъ, для чего необходима запретительная санкція закона“. Земство—помимо тѣхъ же причинъ, „встрѣчаетъ еще одно весьма важное затрудненіе и, пожалуй, самое главное: это—денежное“. Далѣе приводится, что государство во всѣ періоды русской исторіи принимало на себя заботы объ улучшеніи различныхъ сторонъ быта крестьянъ и что эта забота продолжается и по настоящее время.

Оставляя пока отрицательныя соображенія г. Дурасова, касающіяся непосильности дѣла для крестьянскихъ обществъ и земства, остановимся на его положительныхъ доводахъ. Матеріальныя средства необходимы для каждаго дѣла и если помножить хотя небольшую сумму на число уѣздовъ, то получится, конечно, цифра немалая. Но доводъ этотъ, самъ по себѣ взятый, еще ровно ничего не говоритъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Какъ крестьянское общество и земство, такъ равно и государство, никакими капиталами не обладаетъ и имѣетъ одинъ источникъ доходовъ — обложеніе населенія. Различіе въ способахъ обложенія — въ одномъ случаѣ прямыми налогами, въ другомъ преимущественно, косвенными—также никакой разницы не создаетъ. Слѣдовательно, вопросъ заключается въ томъ, что можетъ ли экономическое положеніе населенія вынести повышеніе обложенія на новое дѣло, а вовсе не въ томъ, за чей счетъ будетъ сдѣлано это повышеніе. Съ другой стороны, во всякомъ общественномъ хозяйствѣ не наличность средствъ опредѣляетъ предметы расхода, а наличность потребности. Когда общественная потребность назрѣла и получила признаніе, она должна быть удовлетворена, хотя бы то было и тягостно населенію въ данный моментъ, ибо ея удовлетвореніе ве-

¹⁾ „Право“ 1899 г., № 7, стр. 360.

¹⁾ М. Дурасовъ. „Организація сельской адвокатуры“. Журн. юридич. общества. 1898 г., апрѣль, стр. 1—19.

детъ въ конечномъ результатѣ къ поднятію благосостоянія того же населенія. Подъ „многими другими мѣрами, пригодными для привлеченія образованныхъ юристовъ“, разбираемый авторъ, какъ можно видѣть изъ его послѣдующаго изложенія, разумѣетъ права государственной службы, т. е. право на чинопроизводство, на награжденіе орденами и на пенсію. Этихъ привилегій, дѣйствительно, кромѣ государства, никто въ своемъ распоряженіи не имѣетъ. Но нужны-ли онѣ для того, чтобы организовать юридическую помощь въ уѣздѣ? Думаемъ, что нѣтъ, ибо предположеніе, что безъ правъ государственной службы нельзя будетъ найти достаточнаго контингента образованныхъ юристовъ, вполне разбивается фактомъ существованія земскихъ врачей. Земскіе врачи, такіе же интеллигентные работники съ высшимъ образованіемъ, исполняютъ они еще болѣе трудную и важную миссію, но чиновъ и орденовъ не получаютъ, права на пенсію изъ государственнаго казначейства не имѣютъ, а между тѣмъ недостатка въ нихъ не ощущается. Наконецъ, послѣдній доводъ. Что государство принимало на себя въ прошломъ и принимаетъ по нынѣ нѣкоторыя заботы объ улучшеніи крестьянскаго быта, что оно совершило великую реформу освобожденія крестьянъ съ землею (примѣръ, приводимый г. Дурасовымъ), — несомнѣнно и безспорно. Но одновременно съ реформой 19 февраля 1861 г. было создано крестьянское самоуправленіе, а три года спустя самоуправленіе земское. Сознавъ, что рядъ потребностей полнѣе и цѣлесообразнѣе будетъ удовлетворенъ самими мѣстными жителями, государство сняло съ себя заботы о нихъ и ввѣрило ихъ самоуправляющимся единицамъ: сельскому обществу, волости, земству. Въ виду этого, дабы разсматриваемый доводъ былъ убѣдительнѣе, надлежитъ доказать, что забота объ организаціи юридической помощи не можетъ или не должна быть поручаема государствомъ общественнымъ учрежденіямъ. А такихъ доказательствъ не приведено и привести ихъ нельзя. Напротивъ, вѣскія доказательства говорятъ за то, что эта забота должна быть ввѣрена органамъ самоуправления. Государству свойственно создавать чиновниковъ, государственныя должности съ опредѣленными предметами вѣдомства и степенью власти, а не привлекать къ дѣятельности адвокатовъ, — къ дѣятельности по частному найму и въ предѣлахъ частнаго уполномочія. Права государственной службы, выставляемая г. Дурасовымъ, какъ способъ привлеченія юристовъ къ адвокатской дѣятельности въ уѣздахъ, явятся естественно и неизбѣжно, разъ государство приметъ организацію дѣла на себя. Но, на ряду съ ними, неизбѣжно же явятся и обязанности службы — іерархическая подчиненность и т. п. — и общія основанія опредѣленія, повышенія и увольненія. Словомъ, не адвокаты будутъ привлечены въ

уѣзды, а создадутся новые органы государственнаго управленія, не стоящіе внѣ мѣстной судебной и административной организаціи и не обладающіе самостоятельностью и независимостью — условіями, безъ которыхъ нормальное отправленіе функцій юридическаго представителя невозможно¹⁾.

Въ отношеніи крестьянскихъ обществъ нельзя не согласиться, что имъ не по силамъ будетъ справиться съ задачей. Инертность крестьянъ явится первымъ препятствіемъ. Отсутствіе высшей надъ волостью формы сословно-крестьянскаго самоуправления — вторымъ. Имѣтъ въ каждой волости своего особаго юрисконсульта не только роскошь, но и прямо непроеизводительная трата: онъ не будетъ знать чѣмъ заполнить свое время. Объединеніе же нѣсколькихъ волостей для общаго дѣла, при существующихъ условіяхъ, болѣе чѣмъ трудно. Но въ отношеніи земства, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Въ инертности еще никто и никогда земства не упрекалъ, да и самое возбуденіе вопроса объ организаціи юридической помощи принадлежитъ земству. Уѣздъ представляетъ собою единицу, съ одной стороны, достаточно большую, чтобы обезпечить работу двумъ-тремъ и до пяти юрисконсультамъ, съ другой — достаточно тѣсную, чтобы организація могла цѣликомъ отразить на себѣ мѣстныя особенности (близость къ мѣсту нахождения окружнаго суда — прежде всего). Снабжать будущихъ сельскихъ адвокатовъ правами государственной службы, какъ мы видѣли, не только не нужно, но было бы противорѣчіемъ основной идеѣ института. Быстрое и повсемѣстное распространеніе дѣла вполне обезпечивается заявленной уже готовностью земствъ идти на встрѣчу потребности. Современный типъ крестьянскихъ ходатаевъ исчезнетъ самъ собой и тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе будетъ приниматься запретительныхъ мѣръ.

Остается одно соображеніе, по словамъ г. Дурасова, „пожалуй, самое главное“, — денежное, т. е. отсутствіе у земства средствъ. Это соображеніе не новость: чуть не два десятка лѣтъ его всегда приводить противники развитія земской дѣятельности, желающіе отнять отъ земства самыя жизненныя ея отрасли — попеченіе о народномъ образованіи и здравіи, продовольственное дѣло, заботы о поднятій экономическаго благосостоянія и т. д. Что громадное большинство уѣздныхъ земствъ, вслѣдствіе хроническихъ недоимокъ, постоянно испытываетъ денежные затрудненія — совершенно

¹⁾ Необходимость послѣднихъ двухъ условій признаетъ и г. Дурасовъ. Онъ говоритъ, что самостоятельность и независимость предлагаемыхъ имъ „коронныхъ“ адвокатовъ „должны быть обезпечены спеціальнымъ закономъ ради успѣха самаго дѣла“. Но на какихъ началахъ и какимъ способомъ спеціальныи законъ достигнетъ цѣли — оставлено безъ поясненій.

вѣрно. Но выводъ отсюда, что у земства нѣтъ средствъ и не найдется для полезнаго начинанія—абсолютно неправиленъ. Для его обоснованія слѣдовало бы доказать, что земля—почти единственный источникъ земскаго обложения—обложена собственно земскимъ сборомъ свыше мѣры и что земскія недоимки составляютъ повсемѣстно не случайное явленіе. Между тѣмъ, общеизвѣстно, что по отношенію къ наиболѣе обремененной крестьянской землѣ, первое мѣсто занимаютъ платежи выкупные, а затѣмъ уже конкурирующие между собой земскіе и мирскіе, и что нерѣдко земскія недоимки достигаютъ двухгодоговго оклада тамъ, гдѣ казенныхъ недоимокъ почти нѣтъ. А также общеизвѣстно и объясненіе послѣдняго явленія: земство не имѣетъ особыхъ органовъ для взысканія своихъ сборовъ и у него нѣтъ въ распоряженіи никакихъ способовъ для понужденія неисправныхъ плательщиковъ. Вотъ почему едва ли не всѣми земскими собраніями многократно представлялись ходатайства о равномерномъ распредѣленіи поступающихъ съ населенія платежей, и почему нынѣ, въ виду закона 22 марта 1899 г. (собр. узак. № 65, ст. 884), съ большою вѣроятностью можно ожидать, что накопленіе земскихъ недоимокъ утратитъ свой хроническій характеръ¹⁾. Наконецъ, говоря въ частности объ организаціи юридической помощи, нельзя еще не прибавить, что дѣло это, по крайней мѣрѣ на первое время, потребуетъ столь незначительнаго расхода на уѣздъ—отъ трехъ до пяти тысячъ рублей при бюджетѣ въ 150—250 тыс.,—что и при нынѣшнемъ состояніи земской наличности о непосильности его не можетъ быть рѣчи.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ, мы твердо держимся того взгляда, что выполненіе задачи должно принадлежать земству и что земствомъ она всего успѣшнѣе можетъ быть выполнена. Призванное имѣть попеченіе о благосостояніи мѣстнаго населенія въ отношеніяхъ экономическомъ, санитарномъ, медицинскомъ, обязанное пещись о развитіи средствъ народнаго образованія, земство же должно

имѣть попеченіе и о юридической помощи населенію. Что земство вполне успѣшно справится съ задачей—доказываетъ то, что сдѣлано имъ въ области медицины. Тридцать пять лѣтъ назадъ потребность въ медицинской помощи находилась въ томъ же положеніи, какъ теперь потребность въ помощи юридической. Врачи были также недоступны крестьянину, какъ ему недоступны теперь присяжные адвокаты. Народъ имѣлъ только костоправовъ, знахарей, бабокъ-повитухъ. Земство создало институтъ земскихъ врачей, больницы, врачебные пункты, аптеки. Оно несомнѣнно создастъ и институтъ земскихъ адвокатовъ, консультационныя бюро и юридическія библіотеки. Полное рѣшеніе вопроса—конечно, дѣло отдаленнаго будущаго. Но и вопросъ о медицинской помощи, несмотря на тридцатилѣтніе труды, еще далекъ отъ полнаго разрѣшенія. Отказываться же отъ приступа къ дѣлу только потому, что нельзя сразу охватить его во всей полнотѣ, крайне неблагоприятно.

VI.

Главныя общія черты организаціи земской адвокатуры рисуются намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Общедоступность помощи. Какъ учрежденіе безсословное, органъ самоуправленія, а не благотворенія, земство не можетъ создавать иной институтъ, какъ равно доступный всѣмъ земскимъ плательщикамъ: и дворянину, и крестьянину, и разночинцу, и бѣдному, и богатому. Для бѣдныхъ могутъ быть создаваемы льготы, но принципъ общедоступности безусловно необходимъ.

Возмездность услугъ. Это начало вытекаетъ изъ того, что потребность въ юридической помощи проявляется преимущественно въ области имущественныхъ отношеній, и содѣйствіе адвоката имѣетъ конечною цѣлью или доставленіе выгоды, или огражденіе отъ убытка. Съ другой стороны,—изъ общедоступности помощи, такъ какъ, за отсутствіемъ въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ заслуживающихъ полнаго довѣрія вольнопрактикующихъ адвокатовъ, къ услугамъ земской адвокатуры будутъ, по необходимости, прибѣгать и лица состоятельныя. Въ виду послѣдняго соображенія, врядъ ли окажется возможнымъ принять принципъ безвозмездности уголовной защиты. Неимущіе должны пользоваться совѣтами, составленіемъ бумагъ и защитой въ уголовномъ судѣ бесплатно; за веденіе гражданскихъ ихъ дѣлъ, въ случаѣ выигрыша, въ вознагражденіе земскаго адвоката будутъ поступать присужденныя съ противной стороны судебныя издержки за наемъ повѣреннаго (ст. 396 и 397 учр. суд. уст.).

Таксировка вознагражденія. Выработка справедливой и равномерной таксы встрѣтитъ безъ сомнѣнія немалыя затрудненія. А потому

¹⁾ Закономъ этимъ, наименованнымъ „объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ“, установлено: 1) платежи за земли крестьянскихъ обществъ и за всѣ остальные земли, если при взносахъ ихъ плательщиками не указано назначенія, распредѣляются между казною и земствомъ пропорціонально общимъ по каждому уѣзду годовымъ окладамъ поземельнаго налога, выкупныхъ платежей и земскихъ сборовъ, причемъ размѣръ отчисленія въ доходъ земства не можетъ быть менѣе опредѣленнаго процента, устанавливаемаго на трехлѣтіе въ законодательномъ порядкѣ, и 2) на трехлѣтіе 1899—1901 гг. размѣръ такового наименьшаго отчисленія опредѣленъ въ 20% — по взносамъ съ облагаемыхъ выкупными платежами земель крестьянскихъ обществъ и въ 90% — со всѣхъ остальныхъ земель.

такса должна быть устанавливаема не болѣе, какъ на три года. Проектъ составляется управой, при участіи приглашенныхъ адвокатовъ; утверждение принадлежитъ земскому собранію.

Сохраненіе за приглашенными лицами принадлежности къ своей корпораціи. Отсюда вытекаетъ отвѣтственность земскихъ адвокатовъ передъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ или судебными установленіями на общемъ основаніи, а также то, что во всемъ, не предусмотрѣнномъ специальными условіями, земские адвокаты дѣйствуютъ на основаніи общихъ указаній закона. Этими указаніями разрѣшается, въ частности, вопросъ о правѣ отъказа отъ веденія дѣла.

Комплектуется институтъ *присяжными повѣренными или помощниками ихъ*, а при недостаткѣ лицъ этихъ категорій, вполне благонадежными *частными повѣренными*, имѣющими надлежащія свидѣтельства.

Число земскихъ адвокатовъ должно быть *не менѣе двухъ*, дабы и истецъ, и отвѣтчикъ могли одновременно пользоваться ихъ услугами.

Земство гарантируетъ приглашеннымъ минимит заработка. При возмездности услугъ, такой порядокъ представляется наиболѣе целесообразнымъ, ибо онъ оставляетъ за земствомъ только роль посредника и сохраняетъ обычную зависимость суммы заработка адвоката отъ личныхъ качествъ и энергіи. Учетъ полученнаго отъ клиентовъ вознагражденія производится по корешкамъ квитанціонной книги, изъ итога вычитаются дорожные расходы по дѣйствительной стоимости каждаго проѣзда. Предѣлъ гарантіи—отъ 1,000 до 1,500 р. въ годъ, считая отъ 900 до 1,200 р. личного заработка—примѣнительно къ окладамъ жалованья членовъ управъ, врачей и т. п. — и отъ 100 до 300 р. на канцелярскіе расходы.

Всѣ условія организаціи устанавливаются мѣстнымъ уѣзднымъ *земскимъ собраніемъ*. Право приглашенія адвокатовъ, на установленныхъ собраніемъ условіяхъ, принадлежитъ *управѣ*.

В. Д. Кузьминъ-Нараваевъ.

Прекращеніе уголовныхъ дѣлъ единоличными судьями.

Въ № 35 „Права“ мы отмѣтили одинъ характерный случай изъ нашей судебной практики, доказывающей, до какой степени затемнилось то понятіе судьи, которое выработано наукой и положено въ основу „судебныхъ уставовъ“; вмѣсто авторитетнаго, несмѣняемаго, совершенно независимаго судьи практика стремятся сдѣлать чиновника, связаннаго предписаніями „начальства“,—чиновника, каждый шагъ котораго мелочно регламентируется, причѣмъ эта регламентація касается не только вѣшной стороны служебной дѣятельности, но даже внутренней, чисто-судейской: не-

рѣдко можно натолкнуться на случай, когда „начальство“ пытается заставить судью понимать извѣстный законъ разъ навсегда въ опредѣленномъ смыслѣ, т. е. посягаетъ на *sancta sanctorum* судьи, на свободу его судейской совѣсти...

Позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на новый, столь же характерный случай,—случай тѣмъ болѣе интересный, что онъ, во-первыхъ, касается очень важнаго и совершенно неразработаннаго ни теоріей, ни кассационной практикой вопроса о прекращеніи дѣлъ единоличными судьями, а во-вторыхъ—ярко свидѣтельствуетъ о тенденціи нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ къ извращенію понятія судьи.

Опять тотъ же Черниговскій окружный судъ въ общемъ собраніи отдѣленій (присутствовали весь личный составъ суда) постановилъ *въ порядкѣ надзора* „разъяснить городскому судѣ N неправильность его дѣйствій“. Дѣйствія эти заключаются въ слѣдующемъ: если при предъявленіи уголовного обвиненія судья усматриваетъ отсутствіе состава преступления, или отсутствіе уликъ, то онъ въ судебное засѣданіе вызываетъ только обвинителя, и по выслушаніи его объясненій, если положеніе дѣла не измѣняется, постановляетъ опредѣленіе о прекращеніи дѣла съ правомъ апелляціоннаго обжалованія.

По поводу этой практики окружный судъ „разъясняетъ“: „въ случаяхъ призванія въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ *отсутствія состава проступка*, при *отсутствіи уликъ къ обвиненію*, а также за отказомъ обвинителей отъ обвиненія на судѣ по дѣламъ, которыя не могутъ быть прекращены примиреніемъ, судѣ *не предоставлено права прекращать производство дѣла по этимъ причинамъ*, а онъ *обязанъ*, по выясненіи обстоятельствъ дѣла, постановлять судебные *приговоры*, въ установленномъ порядкѣ, о *невиновности обвиняемыхъ* или (?) *объ оправданіи ихъ* по суду, такъ какъ *обвиняемые привлечены были уже къ суду подачею жалобы*, и послѣдствія недобросовѣстныхъ жалобъ предусмотрѣны ст. 203 правилъ судопроизв.“ (курсивъ нашъ).

Постараемся доказать: 1) что это „разъясненіе“ по существу совершенно неправильно и 2) что оно представляетъ собою незаконное вторженіе въ непринадлежащую окружному суду область, такъ что если можно говорить о „неправильныхъ дѣйствіяхъ“, то таковыми представляются дѣйствія не городского судьи, а Черниговскаго окружнаго суда.

Вопросомъ, подлежащимъ нашему разрѣшенію, является слѣдующій: съ какого момента обвиняемый считается привлеченнымъ къ суду у единоличныхъ судей? Другими словами: существуетъ ли у названныхъ судей обрядъ преданія суду и, если существуетъ, то въ чемъ онъ выражается?

Здѣсь, конечно, незачѣмъ говорить объ уголовно-процессуальномъ институтѣ преданія суду, незачѣмъ напоминать общепризнанную важность этого момента процесса, гарантирующаго и интересы личности, и интересы общества: все это, во-первыхъ, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей задачѣ, а во-вторыхъ съ достаточной полнотою изслѣдовано въ научно-юридической литературѣ. Но литература эта почти совсѣмъ

не коснулась вопроса, составляющего предмет настоящей статьи: кроме отрывочных замечаний в 2—3 строки у двух-трех авторов¹⁾, наиболее подробно (сравнительно) касается этого вопроса Неклюдовъ в своемъ „Руководствѣ для мировыхъ судей“ (стр. 305 и слѣд.), причемъ выводы и этого почтеннаго криминалиста страдаютъ противорѣчіями, быть можетъ, вслѣдствие комментаторскаго способа изложенія. А между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ интересъ не только теоретическій, но и, какъ увидимъ ниже, практическій, и неудачное разрѣшеніе его затрагиваетъ слишкомъ чувствительнымъ образомъ права гражданъ.

Прямого отвѣта на этотъ вопросъ законъ не даетъ. Хотя въ виду колебаній практики было бы въ высшей степени желательно точное законодательное опредѣленіе по этому предмету. Въ законѣ (ст. 42 и слѣд. уст. уг. суд.) лишь общимъ образомъ указаны поводы къ началу дѣла, и наличность условий, которымъ должно удовлетворять обвиненіе. При толкованіи этихъ статей необходимо прежде всего имѣть въ виду элементарное, азбучное требованіе уголовного процесса, что привлеченіе кого-либо къ суду должно имѣть достаточное основаніе. На этомъ требованіи основанъ обрядъ преданія суду, и такъ какъ требованіе это представляетъ собою безусловный, абсолютный принципъ, то очевидно, что преданіе суду есть составной элементъ „динамики процесса“ всякаго уголовного дѣла безъ исключенія. Все различіе между общими судебными мѣстами и судами единоличными заключается въ томъ, что въ первыхъ преданіе суду является рѣзко выдѣленной, самостоятельной, сложной стадіей процесса, а въ послѣднихъ, съ ихъ суммарнымъ характеромъ разбирательства, эта стадія сливается съ другими. Для того, чтобы выдѣлить ее и опредѣлить, въ какомъ именно моментѣ она заключается, необходимо имѣть въ виду лежащій въ ее основѣ принципъ: привлеченіе къ суду должно имѣть достаточное основаніе. Что же считать этимъ основаніемъ?

По аналогіи съ общими судебными мѣстами такимъ основаніемъ необходимо признать не самый фактъ предъявленія обвиненія, а извѣстную степень обоснованности этого обвиненія, его достовѣрность. Если мы обратимся къ законамъ, относящимся къ мировымъ судьямъ, то мы и здѣсь найдемъ подтвержденіе этого правила: мировой судья приступаетъ къ разбирательству дѣла а) по жалобамъ частныхъ лицъ и б) по сообщеніямъ администраціи (ст. 42), но ст. 46, перечисляя условия, которымъ должны удовлетворять жалобы частныхъ лицъ, указываетъ на „свидѣтелей, или иныя доказательства, коими жалоба подтверждается“ (п. 5), а въ ст. 50, трактующей объ условіяхъ, которымъ должны удовлетворять сообщенія администраціи, также помѣщены доказательства обвиненія (п. 2); значитъ—поводами къ началу дѣла служатъ лишь жалобы, подкрѣпленныя доказательствами.

Такимъ образомъ и теорія, и законъ требуютъ для привлеченія обвиняемыхъ къ суду у мировыхъ судей не одного только факта обвиненія, но и дока-

зательствъ справедливости этого обвиненія. И въ самомъ дѣлѣ, если для привлеченія гражданина къ суду, для поставленія его въ положеніе обвиняемаго со всеми неудобными, а подчасъ и тягостными послѣдствіями такого поставленія, достаточно одного факта подачи судьѣ жалобы, то легко могутъ случиться (и на практикѣ, къ сожалѣнію, нерѣдко и случались) такіе казусы: предъявляется обвиненіе въ кражѣ, мошенничествѣ или присвоеніи; обвиняемый живетъ за тысячу верстъ отъ камеры судьи; посылаются повѣстки; обвиняемый, не чувствуя за собой никакой вины, не является; дѣло откладывается и къ слѣдующему засѣданію обвиняемый приводится черезъ полицію (претерпѣвая такимъ образомъ массу страданій и моральныхъ, и матеріальныхъ) для того, чтобы выслушать оправдательный приговоръ, въ виду полного отсутствія уликъ. Согласна ли такая практика съ здравымъ смысломъ, со справедливостью, съ уваженіемъ къ правамъ человѣка, съ требованіями науки, съ духомъ закона,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: если по всякой кляузной жалобѣ я могу быть привлеченъ къ суду, если судья превратится въ пассивное орудіе прихотей каждаго желающаго, то для полученія такого порядка вещей не для чего было создавать великіе „судебные уставы“!

Но помимо указанныхъ печальныхъ результатовъ для обвиняемаго, порядокъ, защищаемый Черниговскимъ окружнымъ судомъ, имѣетъ еще весьма невыгодныя стороны и для потерпѣвшаго, и для государства. Не говоря уже о непроизводительной тратѣ силъ (писаніе повѣстокъ, подписи ихъ, пересылка въ полицію, врученіе, отвлеченіе вызываемаго отъ занятій, лишнее судоговореніе и записи въ протоколъ, и т. д.),—тратѣ, которая въ общей массѣ отражается весьма чувствительно и должна быть принята во вниманіе, привлеченіе къ суду обвиняемаго безъ достаточнаго основанія, т. е. безъ доказательствъ его виновности, имѣя своимъ неизбѣжнымъ результатомъ *оправдательный приговоръ*, лишаетъ потерпѣвшаго или полицію возможности просить судью о возобновеніи производства дѣла въ случаѣ открытія впослѣдствіи доказательствъ виновности, а между тѣмъ при защищаемомъ нами порядкѣ такое возобновеніе вполне возможно (ст. 24 у. у. с.).

Итакъ моментомъ преданія суду у единоличныхъ судей долженъ считаться не моментъ принятія дѣла къ производству (а тѣмъ болѣе не моментъ подачи жалобы), а посылка обвиняемому вызывной повѣстки къ суду, другими словами—распоряженіе судьи о назначеніи дѣла къ слушанію съ вызовомъ обвиняемаго¹⁾: только этимъ актомъ судья выражаетъ свое мнѣніе, что обвиненіе имѣетъ за собою извѣстную степень вѣроятности и обоснованности для провѣрки его судебнымъ разбирательствомъ.

Неклюдовъ, доказывая, что право прекращенія мировыми судьями дѣлъ безъ вызова обвиняемаго можетъ имѣть мѣсто во многихъ случаяхъ—и между про-

¹⁾ Даже въ такомъ обширномъ и основательномъ курсѣ, какъ проф. Фойницкаго, этотъ вопросъ совсемъ не затронутъ.

¹⁾ А если необходимо предварительно допросить свидѣтелей, живущихъ въ другомъ судебномъ участкѣ, то требованіе о допросѣ этихъ свидѣтелей съ указаніемъ обвиняемаго.

чимъ, въ случаѣ неуказанія полиціей или другою властью доказательствъ обвиненія ¹⁾—утверждаетъ, что неуказаніе доказательствъ обвиненія въ жалобахъ частныхъ лицъ не можетъ быть поводомъ къ прекращенію дѣла. Почтенный криминалистъ ничѣмъ своего мнѣнія не мотивировалъ, кромѣ ссылки на то, что жалобы частныхъ лицъ есть достаточный и обязательный поводъ для начатія дѣла. Да, для *начатія*, но не для *привлеченія къ ответственности* обвиняемаго. Въ требованія закона относительно указанія доказательствъ обвиненія одинаковы и для частныхъ лицъ, и для полиціи: и 2 п. 50 ст. и 5 п. 46 ст. одинаково требуютъ этихъ доказательствъ, причемъ для частныхъ лицъ законъ требуетъ ихъ „по возможности“, предоставляя судѣ право поручить полиціи собраніе всѣхъ необходимыхъ для дѣла матеріаловъ (ст. 47). Такъ оно обыкновенно и дѣлается: если подается жалоба на кражу, мошенничество и т. п. безъ всякихъ доказательствъ, то судья препровождаетъ ее въ полицію для производства дознанія и, лишь получивъ таковое опять безъ всякихъ доказательствъ, прекращаетъ дѣло по вызовѣ и выслушаніи одного обвинителя. Если принять мнѣніе Неклюдова, то ему можно отвѣтить его же словами: „при отрицательномъ рѣшеніи настоящаго вопроса... приходилось бы вызывать подсудимыхъ изъ отдаленныхъ губерній единственно только для того, чтобы сказать имъ: вы невинны,—и ежели судъ васъ вытребовалъ за нѣсколько сотъ верстъ, не имѣя противъ васъ никакого подозрѣнія, то единственно только для того, чтобы сказать вамъ это въ лицо“ (стр. 312).

Наконецъ, рѣшительно непонятно (не говоря уже о полной непоследовательности и нарушеніи требованій логики), почему частнымъ лицамъ должно быть оказано болѣе довѣрія и дано больше преимуществъ, чѣмъ органамъ государственной власти: въ то время какъ управляющій акцизными сборами, полиціимейстеръ и др., обвиняя кого-либо, обязаны представить судѣ и доказательства обвиненія, какой-либо подпольный адвокатъ, занимающійся доносами, можетъ подать судѣ жалобу на любого гражданина, живущаго далеко, обвиняя его въ кражѣ, мошенничествѣ или присвоеніи, и судья, не имѣя въ виду никакихъ доказательствъ, обязанъ превратиться въ орудіе низкихъ цѣлей, привлекая обвиняемаго къ ответственности, требуя его личной явки и предоставляя ему утѣшеніе просить о признаніи обвиненія недобросовѣстнымъ ²⁾.

Впрочемъ, всѣ приведенныя соображенія, какъ бы убѣдительны они ни были, блѣднѣютъ передъ чисто-научнымъ доказательствомъ, приведеннымъ раньше. Наука уголовного процесса тѣмъ въ особенности и привлекательна, что выводы ея отличаются необычайной последовательностью, убѣдительностью и солидностью. Это происходитъ потому, что въ основу науки положены простые, ясные и безспорные принципы, изъ которыхъ всѣ слѣдствія выводятся чисто дедуктивнымъ путемъ съ помощью одной только логики. Такъ и въ

разсматриваемомъ вопросѣ: изъ безспорнаго положенія, что привлеченіе къ суду должно имѣть достаточное основаніе (положеніе, производное отъ другихъ, высшихъ положеній), изъ важности и неизбѣжности вытекающаго отсюда обряда преданія суду, изъ того, что центромъ тяжести этого обряда является не фактъ предъявленія обвиненія, а обоснованность такового, съ логической неизбѣжностью вытекаетъ, что если мы захотимъ изъ общаго суммарнаго порядка производства дѣла у мир. судьи выдѣлить моментъ преданія суду, т. е. моментъ привлеченія обвиняемаго къ ответственности, то этотъ моментъ мы должны видѣть не въ фактѣ принятія судьей дѣла къ производству (если дѣло является подсуднымъ, то судья во всякомъ случаѣ не въ правѣ не принять его: это чисто пассивный моментъ), а въ фактѣ назначенія дѣла къ слушанію для провѣрки представленныхъ обвиненіемъ доказательствъ, т. е. въ вызовѣ обвиняемаго къ суду.

Еще болѣе неправильнымъ представляется мнѣніе Черниговскаго окр. суда, что и въ случаѣ отсутствія въ дѣяніи обвиняемаго состава проступка судья обязанъ привлечь его къ суду и постановлять оправдательный приговоръ.

Содержатель буфета на желѣз.-дор. станціи въ Одессѣ Н. Х. подалъ мировому судѣ въ Одессѣ жалобу, въ которой изложилъ, что У. потребовалъ обѣдъ, съѣлъ таковой и уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ, не заплативъ; усматривая въ дѣяніи У. мошенничество, Х. просилъ подвергнуть обвиняемаго уголовной ответственности. По теоріи Черниг. окр. суда мировой судья обязанъ потребовать личной явки У. изъ Петербурга, привлечь его къ ответственности и оправдать, причемъ У. даже не можетъ требовать признанія обвиненія недобросовѣстнымъ, ибо буфетчикъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ былъ убѣжденъ въ правильности своей квалификаціи поступка обвиняемаго. Но даже и при менѣ рѣзкихъ примѣрахъ могутъ получиться куріозы: NN обвиняетъ XYZ въ клеветѣ, утверждая, что послѣдній распространяетъ о немъ слухи, какъ о плохомъ игрокѣ въ шахматы. Одинъ изъ совладѣльцевъ дома въ отсутствіи втораго открылъ черезъ приглашеннаго слесаря запертую ушедшимъ товарищемъ дверь и вошелъ въ домъ, чтобы взять свои вещи; второй обидѣлся и подалъ судѣ жалобу, обвиняя перваго въ самоуправствѣ, и т. д. до безконечности. Во всѣхъ такихъ случаяхъ судья, слѣдуя теоріи Черниг. окр. суда, *обязанъ* привлечь обвиняемыхъ къ ответственности и оправдывать ихъ.

Думаемъ, что послѣ такихъ примѣровъ другія доказательства не нужны: если первая часть нашей статьи можетъ кому-либо показаться не достаточно убѣдительною, то едва ли могутъ найтись какія-либо возраженія противъ второй. Въ законъ ясно требуетъ отъ жалобы частныхъ лицъ, чтобы она заключала въ себѣ указаніе на *преступное* дѣяніе, т. е. на дѣяніе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія; очевидно, что если такого дѣянія нѣтъ, а подъ видомъ преступленія описывается безразличное съ точки зрѣнія угол. закона дѣйствіе, то о привлеченіи къ ответственности не можетъ быть и рѣчи, ибо *привлеченіе къ ответственности за непроступное дѣйствіе* есть *contradictio in adjecto*.

¹⁾ Это право, какъ извѣстно, подтверждено Сена-томъ въ общ. собраніи.

²⁾ Что такого рода примѣры не составляютъ нашего измышленія, можетъ подтвердить любой мировой судья.

Итакъ, и здѣсь привлеченіе къ суду, вопреки „разъясненію“ Черниговскаго окр. суда, отнюдь не совпадаетъ съ подачей жалобы.

Послѣ всего сказаннаго не представляется необходимымъ долго останавливаться на незаконномъ вмѣшателствѣ Черниговскаго окр. суда въ непринадлежащую ему область: если даже въ такихъ вопросахъ, какъ разсмотрѣнный, — вопросахъ, какъ видимъ, далеко не дающихъ повода примѣнять порядокъ надзора, окружный судъ считаетъ себя вправѣ приказывать судѣбъ понимать законы разъ навсегда въ извѣстномъ (какъ мы старались доказать, совершенно неправильномъ) смыслѣ, то что уже говорить о другихъ, болѣе простыхъ вопросахъ! Вѣдь при такой практикѣ нѣтъ границъ для порядка надзора, и порядокъ этотъ можетъ быть примѣненъ по каждому апелляціонному дѣлу, рѣшенному съѣздомъ, если только судъ найдетъ, что рѣшеніе суда неправильно. Получается самая печальная путаница понятій, и все потому, что забыты научные принципы. Скажемъ еще разъ: порядокъ надзора можетъ быть примѣняемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ *явно-грубого незнанія* для всѣхъ *яснаго и безусловно закона*, — незнанія, происходящаго отъ небрежности; порядокъ надзора въ несвойственной ему сферѣ пониманія и примѣненія законовъ долженъ примѣняться лишь какъ рѣдкое исключеніе, съ крайнею осторожностью, и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ долженъ уступать мѣсто порядку инстанцій, — порядку, единственно совмѣстимому съ тѣмъ высокимъ понятіемъ судьи, которое знаетъ наука.

И. В. Михайловскій.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

Допросъ подсудимаго въ качествѣ свидѣтеля.

Законъ 12 октября 1898 г. — о допросѣ подсудимаго въ качествѣ свидѣтеля, столь рѣзко расходящійся съ укладомъ континентальнаго процесса, можетъ быть уясненъ лишь въ связи съ ученіемъ англійскаго права объ условіяхъ, при наличности коихъ допустимы показанія на судѣ.

Въ Англии свидѣтелемъ можетъ быть каждый, но показаніе должно быть дано подъ присягой и, за исключеніемъ очень немногихъ предусмотрѣнныхъ закономъ случаевъ, въ присутствіи той изъ сторонъ, противъ которой свидѣтель показываетъ; другими словами, свидѣтель долженъ присягнуть и подвергнуться *crossexamination*. Никакой судебный приговоръ, никакая позорящая кара не лишаютъ права свидѣтельствовать на судѣ, и только приговоренные къ смерти, съ момента произнесенія вердикта, не могутъ быть свидѣтелями. Усилія нѣкоторыхъ судей, направленныхъ къ недопущенію дѣтей, въ качествѣ свидѣтелей, разбились о сопротивление остальныхъ судей. Единственнымъ критеріемъ, которымъ теперь долженъ руководиться судья, является вопросъ о вмѣняемости свидѣтеля, въ смыслѣ сознательнаго отношенія къ приносимой присягѣ.

Хотя законъ и разрѣшаетъ свидѣтелю давать обѣщаніе вмѣсто присяги, но вопросъ о религіозномъ вѣрованіи, какъ о критеріи компетентности свидѣтеля, не былъ въ принципѣ разрѣшенъ этимъ законодательнымъ нововведеніемъ. Мы имѣемъ лишь прецедентъ въ дѣлѣ *Ormichund versus Barker*, въ которомъ судья *Willes* долженъ былъ разрѣшить вопросъ, можетъ ли быть свидѣтелемъ язычникъ. Рѣшеніе судьи *Willes*'а говоритъ, что англійское право требуетъ отъ свидѣтеля не опредѣленной религіи, а только вѣрованія въ силу Божію, въ Провидѣніе, карающее ложную присягу на этомъ или на томъ свѣтѣ. Но новые законы дозволяютъ замѣну присяги аффирмаціей и торжественнымъ увѣреніемъ въ правдивости, такъ какъ ни судья, ни противная сторона не могутъ допросомъ дойти до констатированія религіозныхъ понятій свидѣтеля, если не имѣютъ въ этомъ отношеніи независимыхъ доказательствъ. На практикѣ религія не является вовсе критеріемъ компетентности свидѣтеля.

Единственнымъ важнымъ обстоятельствомъ, которое могло лишить кого-нибудь права выступить въ качествѣ свидѣтеля, была заинтересованность его въ результатѣ судебного рѣшенія. Поэтому лицо, явившееся стороной въ процессѣ, не могло быть свидѣтелемъ, то есть *показанія* такого лица не могли служить *доказательствами*. Какъ мы уже видѣли, всякое показаніе только тогда имѣетъ значеніе, когда оно дано подъ присягой и при такихъ условіяхъ, чтобы противная сторона могла подвергнуть ее *„crossexamination“*. Поэтому каждая сторона, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ, а также мужъ или жена заинтересованной стороны не могли быть свидѣтелями. Въ гражданскомъ правѣ этотъ принципъ господствовалъ на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ, хотя судъ и могъ *ex officio* требовать отвѣта подъ присягой. Другое исключеніе было внесено благодаря судопроизводству по *Equity*, позволявшему посредствомъ процедуры *discovery* (открытіе) одной изъ сторонъ принудить другую сторону къ выдачѣ документовъ или же къ отвѣту подъ присягой на рядъ вопросовъ, имѣющихъ цѣлью облегчить разрѣшеніе тяжбы. Процедура *discovery* была очень хорошо принята юридическимъ міромъ и обществомъ, но въ уголовномъ процессѣ присяга *ex officio* сдѣлалась крайне непопулярной вслѣдствіе злоупотребленій, которыя вносились въ *ordre du jour* исключительной юрисдикціей въ эпоху религіозной борьбы. Послѣ революціи 1688 года принципъ *nemo tenetur accusare se ipsum* получилъ абсолютное примѣненіе. Подсудимый не допрашивается, а остается „съ закрытыми устами“ во все время судебного разбирательства.

Послѣ перваго отвѣта о своей виновности или невиновности, подсудимый уже не могъ датѣе быть допрашиваемъ, онъ не могъ также и давать показанія, которыя, какъ мы уже знаемъ, англійская процедура принимаетъ только подъ присягой. Не будучи допрашиваемъ, подсудимый былъ также свободенъ даже отъ отвѣта на вопросъ, подвергался ли онъ когда-либо наказанію по суду.

На обвиненіи, и только на немъ одномъ, лежала обязанность представить противъ обвиняемаго, пользующагося презумпціей невиновности, столько дово-

довь, чтобы устранить всякое рациональное сомнѣніе. Не подлежит сомнѣнію, что при такихъ условіяхъ судебная процедура должна была отличаться спокойствіемъ и благопріятностью, исключаящей какъ судорожные порывы обвиняемаго, такъ и пылъ обвинителя во что бы то ни стало найти противорѣчія въ его объясненіяхъ. Порядокъ судебного разбирательства въ англійскихъ судахъ въ общихъ чертахъ рисуется слѣдующимъ образомъ.

По выслушаніи обвинительнаго акта и послѣ отвѣта подсудимаго на вопросъ о виновности, предоставляется слово обвинителю, который указываетъ представляемые имъ доказательства. Послѣ этой краткой рѣчи вызываются, по очереди, свидѣтели обвинения. Представитель обвинения допрашиваетъ свидѣтеля; затѣмъ вопросы переходятъ къ защитѣ для *cross-examination*, чтобы снова вернуться къ обвинителю для дополненій или разъясненій. Если имѣются свидѣтели со стороны защиты, то обвинитель резюмируетъ доказательства, послѣ чего защита приступаетъ къ допросу своихъ свидѣтелей, которые затѣмъ подлежатъ допросу обвинителя и т. д. Послѣ допроса всѣхъ свидѣтелей, вызванныхъ обвиняемымъ, предоставляется слово защитнику; послѣднее же слово принадлежитъ обвинителю. Но на практикѣ нѣкоторые судьи приступаютъ къ „*summing up*“, т. е. къ резюмированію всего хода процесса, и предоставляютъ слово обвиняемому даже въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ защитника. Но далеко не всѣ судьи слѣдуютъ этому обычаю, и, во всякомъ случаѣ, заявленіе подсудимаго не можетъ быть принимаемо въ качествѣ показанія, такъ какъ оно не подлежитъ контролю перекрестнаго допроса и не дается подъ гарантіей присяги.

Противъ этого вынужденнаго молчанія подсудимаго всегда выступала, такъ называемая, либеральная партія въ криминологіи. Почти 30 лѣтъ велась агитація о предоставленіи обвиняемому правъ свидѣтеля въ собственномъ процессѣ. Конечно, сторонники реформы нисколько не стремились къ нарушенію принципа „*nemo tenetur accusare se ipsum*“. По ихъ мнѣнію, реформа должна была только доставить подсудимому новыя гарантіи. Они говорили: „даже на континентѣ подсудимый можетъ защищаться“, упуская при этомъ изъ виду, что на континентѣ обвиняемый даетъ только свои объясненія и не связанъ присягой. Цитировалась масса примѣровъ изъ практики, имѣвшихъ цѣлью доказать, что обвиняемый въ преступленіи, благодаря невозможности выступить свидѣтелемъ въ своемъ дѣлѣ, неспособенъ защищаться, и осуждается только потому, что законъ не даетъ ему слова.

Агитація въ пользу реформы росла. Въ парламентѣ періодически дѣлались предложенія въ пользу измѣненій въ приемахъ полученія доказательствъ. Законъ 1885 года, измѣнившій судопроизводство по нѣкоторымъ преступленіямъ противъ нравственности, и законъ 1894 года, карающій дурное обхожденіе съ дѣтьми, уже категорически указываютъ, что обвиняемый въ вышеупомянутыхъ преступленіяхъ можетъ давать показанія, а также, что жена подсудимаго или мужъ подсудимой, могутъ быть допрашиваемы въ качествѣ свидѣтелей. Съ 1885 года обвиняемый въ изнасилованіи также можетъ пользоваться этой привилегіей,

причемъ въ этихъ случаяхъ суду предоставляется принять показаніе малолѣтнихъ (жертвъ или свидѣтелей преступления) даже безъ присяги.

Въ 1897 году правительствомъ маркиза Salisbury внесло проектъ закона, допускающаго обвиняемаго къ дачѣ показанія. Главными сторонниками закона, съ консервативной стороны, были лордъ-канцлеръ Halsbury и главный прокуроръ Sir Richard Webster; съ либеральной же стороны реформу защищали, главнымъ образомъ, люди крайнихъ убѣжденій, такъ называемые „сторонники принциповъ“. Съ 12 октября 1898 года этотъ законъ получилъ обязательную силу во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ.

Такъ называемый предварительный допросъ обвиняемаго, производящійся или предъ мировымъ судьей, или предъ полицейскимъ судьей, подвергся измѣненію въ томъ только отношеніи, что обвиняемый можетъ давать показанія подъ присягой, вмѣсто того, чтобы, какъ это было прежде, дѣлать заявленіе безъ присяги. До реформы каждый обвиняемый могъ, какъ мы уже это видѣли, давать судѣ свои объясненія, указывать факты, или свидѣтелей; органы же полиціи, если обвиняемый не имѣлъ защитника, должны были содѣйствовать ему путемъ, провѣряя указанные факты и вызывая свидѣтелей въ судъ. Затѣмъ мы видѣли, что судья былъ обязанъ предупредить обвиняемаго, что его слова могутъ послужить матеріаломъ для обвиненія; эта формальность была безусловная, и она остается въ силѣ и нынѣ, пока обвиняемый не выражаетъ желанія давать показанія подъ присягой. Но это предостереженіе утрачиваетъ свое значеніе, когда обвиняемый оставляетъ скамью подсудимыхъ, чтобы фигурировать въ качествѣ свидѣтеля относительно самого себя. Благодаря принимаемой имъ въ этомъ случаѣ присягѣ, было бы даже неприлично обращать его вниманіе на соблюденіе своихъ интересовъ. Посмотримъ, какія условія создалъ новый законъ для показанія, даваемого обвиняемымъ.

Прежде всего, обвиняемый или обвиняемая, или же его жена или ея мужъ, могутъ быть вызываемы, какъ свидѣтели, только защитой. Другими словами, подобныя показанія могутъ быть даваемы только добровольно. Однако, условіе это трудно осуществимо въ дѣлахъ съ нѣсколькими подсудимыми. Если А и Б обвиняются въ общемъ преступленіи, законъ позволяетъ давать показанія подъ присягой какъ А, такъ и Б. До сихъ поръ оба соучастника не могли давать показаній ни за, ни противъ другъ друга. Если обвиненіе хотѣло получить возможность имѣть отъ А показанія, обвиняющія Б, то нужно было или судить каждаго изъ нихъ отдѣльно, или же обвиненіе должно было объявить относительно А—*nolle prosequi*, т. е. отказаться отъ обвиненія. Но и въ подобномъ случаѣ практика наложила на судью извѣстную моральную обязанность указать присяжнымъ въ своемъ резюме на подозрѣнія, порождаемыя, употребляя техническій терминъ, показаніями „свидѣтеля короны“. Юридически подобное показаніе имѣетъ всю свою силу, но, какъ мы сказали, эта моральная обязанность, лежащая на судьяхъ и санкціонированная практикой, не могла не имѣть извѣстнаго вліянія на совѣтъ присяжныхъ. На основаніи же новаго закона какъ А,

такъ и Б могутъ выступатьъ въ качествѣ свидѣтелей. Конечно, обвинитель не можетъ вызвать А, какъ свидѣтеля противъ Б, и наоборотъ, но А, какъ и Б, могутъ добровольно выступить, какъ свидѣтели, каждый для собственной защиты и въ своемъ собственномъ интересѣ. Но что можетъ сказать А? Возможны 4 комбинаціи: 1) А можетъ сознаться въ преступленіи и въ то же время выгораживать Б; 2) А можетъ признаться въ преступленіи, совершенномъ имъ совмѣстно съ Б, или же давать показанія противъ Б; 3) А можетъ утверждать, что онъ невиновенъ и что преступленіе долженъ былъ совершить нѣкій Х; или же, наконецъ, 4) А можетъ показать, что онъ невиновенъ, и что преступленіе совершено Б. Однимъ словомъ, въ двухъ случаяхъ изъ четырехъ А можетъ оказаться свидѣтелемъ, обвиняющимъ Б — результатъ, совершенно не предусмотрѣнный закономъ и стоящій въ противорѣчій съ другими принципами судопроизводства. И упомянутые нами случаи нисколько не исключенія: значительная часть преступленій совершается нѣсколькими лицами совмѣстно.

Судья Hawkins замѣтилъ: „пусть новый законъ провалится, но я не допущу, чтобы одинъ участникъ выгораживалъ себя на счетъ другого“. Но не слѣдуетъ забывать, что судья Hawkins былъ горячимъ противникомъ новаго закона, да, кромѣ того, онъ принадлежитъ къ той категоріи англійскихъ судей, число которыхъ все убываетъ. Крайне строгій, прозванный въ преступномъ мірѣ „вѣшателемъ“, судья Hawkins, въ то же время, олицетворяетъ собою лучшіе принципы англійской юстиціи, черпающей свою моральную силу въ революціонныхъ традиціяхъ. Но судья Hawkins уже покинулъ судейскую скамью, а вскорѣ за нимъ уйдетъ и лордъ Russel. Когда представители старой традиціи сойдутъ со сцены, начнется иное прилѣженіе новаго закона. Помимо указанныхъ неудобствъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду ослабленіе значенія присяги, потому что не слѣдуетъ забывать характерной черты показанія обвиняемаго: оно дается подъ присягой, имѣетъ цѣльное юридическое бытіе и не можетъ подвергаться произвольному раздѣленію на части.

Законодатель опасался, чтобы обвиняемый-свидѣтель не сдѣлался жертвою безопаднаго и безжалостнаго *crossexamination* — привязыванія къ словамъ, допрашиванія о прошломъ и о вещахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣломъ, разсматриваемымъ на судѣ. И кромѣ увѣреній, данныхъ во время обсужденія закона, что судьи не позволятъ безопаднаго и слишкомъ упорнаго „*crossexamination*“, самъ законъ запрещаетъ допрашивать подсудимаго какъ относительно преступленій, совершенныхъ имъ въ прошломъ, такъ и относительно его нравственности. Новый законъ не вноситъ никакихъ новшествъ въ этомъ отношеніи и не болѣе обезпечиваетъ обвиняемаго отъ „моральнаго впечатлѣнія“, чѣмъ это было донинѣ. Наоборотъ: въ извѣстномъ отношеніи новый законъ открываетъ дверь массѣ злоупотребленій. Обвиняемый-свидѣтель можетъ подлежать допросу относительно своего прошлаго и т. д., если онъ самъ сослался на свою честность и доброе имя, или же другимъ приписалъ безнравственные поступки. Трудно будетъ подсудимому удержаться отъ какого-нибудь слова, бросающаго тѣнь на

свидѣтеля, и слѣдовательно съ этого момента онъ станетъ жертвою безопаднаго перекрестнаго допроса. Я самъ присутствовалъ на судѣ, гдѣ обвиняемый, показывая подъ присягой, говорилъ о томъ, что онъ честный человѣкъ и что онъ пользуется хорошей репутаціей у сосѣдей, а затѣмъ было доказано, что онъ былъ осужденъ 20 лѣтъ тому назадъ.

Но важнѣе, по нашему мнѣнію, другой упрекъ, который можно сдѣлать новому закону. Показаніе, изъятое отъ испытующаго огня перекрестнаго допроса, теряетъ въ глазахъ присяжныхъ, обвинителя и судьи значеніе обычнаго присяжнаго показанія. Зачѣмъ же вводить въ процедуру элементы, которымъ придается законныя формы, но которыхъ матеріальное значеніе ослаблено? Зачѣмъ требовать отъ обвиняемаго присяги?

Представимъ себѣ человѣка, совѣсть котораго, можетъ быть, не вполне чиста, но который сознаетъ себя невиновнымъ во взводимомъ на него преступленіи. Мы легко поймемъ, что правдивость его, какъ свидѣтеля — относительна, поймемъ также, что этотъ волнующійся свидѣтель будетъ лавировать, находится въ тревожномъ состояніи, будетъ безъ надобности часто избѣгать разныхъ важныхъ обстоятельствъ. Положимъ, что судья и обвинитель окажутся снисходительными, т. е. не употребятъ противъ него оружія *crossexamination*. Но присяжные всегда прочтутъ эту снисходительность въ глазахъ судьи и обвинителя, и невольно наступитъ между ними нѣкотораго рода безмолвное соглашеніе: и вотъ, кромѣ обычныхъ уликъ, въ мысляхъ присяжныхъ сложится противъ подсудимаго новое обвиненіе — въ неправдивости. Подобные случаи будутъ повторяться, и постепенно присяжные или, по крайней мѣрѣ, извѣстная ихъ часть пріучатся смотрѣть на данное подъ присягой показаніе свидѣтеля — обвиняемаго иначе, чѣмъ на другія свидѣтельскія показанія.

Правда, законъ лишь *дозволяетъ*, но не обязываетъ обвиняемаго давать показаніе; обвиняемый можетъ выбирать одно изъ двухъ: или молчать и ожидать, выполнитъ ли свою задачу обвиненіе, на плечахъ котораго лежитъ *onus probandi*, или же подъ присягой дать свои объясненія. Но не только обвиняемый знаетъ о томъ, что онъ можетъ выбрать одинъ изъ двухъ путей для своей защиты, но объ этомъ знаютъ и присяжные. И вотъ передъ глазами послѣднихъ проходятъ подозрѣнія, улики, разныя отягчающія вину обстоятельства; принимая извѣстную отвѣтственность за вердиктъ, который они обязаны вынести, удручаемые сомнѣніями, присяжные захотятъ услышать обвиняемаго, чтобы имѣть новые факты, новыя впечатлѣнія, новый критерій. И легко можетъ случиться, что обвиняемый, будучи въ дѣйствительности невиновенъ, не рѣшится рассказать правду изъ опасенія — и часто не безъ основанія, — что обнаружится нѣчто иное. По „нѣкоторому поводу“ онъ хочетъ молча ожидать рѣшенія своей судьбы. Слѣдовательно, присяжные, которые надѣялись непосредственно отъ обвиняемаго получить какія-нибудь данныя, разочаровываются. Чѣмъ болѣе имъ хотѣлось свѣта, тѣмъ болѣе раздражаетъ ихъ и даже сердитъ молчаніе обвиняемаго. Кто можетъ предвидѣть послѣдствія подобнаго положенія? Законъ запрещаетъ обвинителю выводить изъ молчанія подсудимаго какія бы то ни было невыгодныя для него заключенія. Но что изъ

того, что обвинитель не сдѣлаетъ выводовъ, формальныхъ выводовъ? Его тонъ, его вопросы и напоминанія будутъ говорить такъ же, какъ и слова, и встрѣтятъ сочувствіе, потому что и сами присяжные готовы дѣлать тѣ же заключенія. Но важнѣе всего то, что судья будетъ дѣлать эти выводы. Уже въ первый мѣсяцъ имѣли мѣсто прямо скандальныя замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ судей. Въ будущемъ, когда померкнетъ старая традиція, нынѣ еще живая, почти всѣ судьи будутъ дѣлать замѣчанія, которые законъ запрещаетъ дѣлать обвинителю. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, какія сцены могутъ разыгрываться предъ англійскимъ судомъ, приведемъ здѣсь случай, имѣвшій мѣсто въ ноябрѣ 1898 года во время сессіи суда присяжныхъ въ графствѣ Worcester. Обвиняемый, который къ тому же имѣлъ защитника, хотѣлъ дать показаніе подъ присягой, но судья Ridley, предсѣдатель сессіи, прежде всего справился, въ чемъ будетъ заключаться защита обвиняемаго. Когда защитникъ далъ требуемое разъясненіе, судья не пожелалъ совсѣмъ выслушать обвиняемаго, говоря: „эта защита глупа и ложна, и я не думаю, чтобы присяжные могли повѣрить хоть одному слову изъ того, что хочетъ сказать обвиняемый“. Но защитникъ продолжалъ настаивать, и судья заявилъ, что если, по его мнѣнію, обвиняемый скажетъ неправду, то онъ отдастъ его подъ судъ за клятво-преступленіе. Послѣ этого защитникъ посоветовалъ своему клиенту ограничиться заявленіемъ безъ присяги. Присяжные отвѣтили, что обвиняемый виновенъ и признали его заслуживающимъ снисхожденія (mercy). Судья Ridley былъ столь же послѣдователемъ, усиливъ тюремное заключеніе каторжными работами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что судья Ridley поступилъ уже слишкомъ рѣзко, но онъ не будетъ исключеніемъ. Въ первые три дня примѣненія новаго закона, въ центральномъ криминальномъ судѣ я сдѣлалъ наблюденіе, что „выразительные взгляды“, которые судьи бросаютъ, лучше понимаются присяжными, чѣмъ такъ называемыя юридическія поученія и „summing up“.

Нигдѣ нельзя избѣжать личнаго вліянія судьи, но въ Англійи оно составляетъ неизбѣжный элементъ судопроизводства. Не говоря о низшихъ инстанціяхъ: мировыхъ судахъ и судахъ графствъ, представители которыхъ не имѣютъ титула „justice“, Англійа вмѣстѣ съ княжествомъ Wales едва имѣетъ около тридцати судей, включая сюда апелляціонный судъ и такъ называемыхъ судей - лордовъ, засѣдающихъ въ палатѣ лордовъ, какъ въ послѣдней инстанціи. Члены высокаго суда, съ резиденціей въ Лондонѣ, являются нѣкоторымъ образомъ *missi dominici*, изрекающіе законъ во всей странѣ и руководящіе сессіями какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской юрисдикціи. Такимъ образомъ, въ рукахъ судей сосредоточилась огромная власть, которая даетъ имъ, если такъ можно выразиться, характеръ судебныхъ властелиновъ. Судьи являются не только органами національнаго права, но вмѣстѣ съ тѣмъ и творцами понятія справедливости; ихъ приговоры пополняютъ и замѣняютъ законъ, поскольку онъ не принялъ опредѣленнаго вида въ горнилахъ законодательства—въ парламентѣ. Въ уголовномъ процесѣ, гдѣ корона представлена только обыкновеннымъ адвокатомъ, гдѣ Regina выступаетъ

только какъ сторона versus N, судья представляетъ собой какъ общіе интересы страны, такъ и юридическія понятія Англійи. Не можетъ быть, слѣдовательно, рѣчи о нейтральномъ положеніи судьи; его моральное я должно проявиться. Тѣмъ не менѣе, увеличеніе этихъ атрибутовъ власти и того ореола, которыми судьи облечены, благодаря историческому развитію англійскихъ юридическихъ учреждений, составляетъ ошибку, и эту ошибку мы встрѣчаемъ въ послѣдней реформѣ полученія доказательствъ.

Немного бываетъ такихъ случаевъ, когда люди, которымъ нечего скрывать, попадаютъ въ сѣть подозрѣній и должны отвѣчать на обвиненія и оправдываться предъ блюстителями закона. Гораздо чаще случается, что тѣ, которые имѣютъ на совѣсти не одно уголовное прегрѣшеніе, обвиняются въ совершеніи преступнаго акта, котораго они не совершили. Если цѣль полицейскихъ учреждений состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за всякими нарушеніями закона, то обязанность суда совсѣмъ иная. Судъ назначаетъ преступнику наказаніе только за опредѣленный поступокъ, за поступокъ точно доказанный.

Дѣло не въ томъ, чтобы дать обвиняемому возможность „облѣпить себя“, но въ томъ, чтобы не лишать юстиціи ея вѣрныхъ вѣсовъ и мѣръ. Реформа же въ приемахъ доказательствъ въ Англійи, дѣлающая изъ обвиняемаго свидѣтеля, по нашему мнѣнію, не согласна съ цѣлями рациональной криминалистики.

Однако, эта реформа была встрѣчена ея сторонниками побѣдными кликами. Почти вся пресса привѣтствовала новый законъ, какъ новое проявленіе гуманности въ криминалистикѣ, какъ прогрессъ либерализма въ уголовной процедурѣ. Откуда это увлеченіе?

Двѣ причины вліяли на настроеніе такъ называемаго либеральнаго мнѣнія. Съ одной стороны, друзья реформы не давали себѣ отчета въ историческомъ происхожденіи прежней процедуры. Забыли о присягѣ *ex officio*, утратилось воспоминаніе о борьбѣ съ исключительными трибуналами. Общество слышало о Бентамѣ и о перемѣнахъ въ гражданской процедурѣ 1851—53 гг. и хотѣло „равенства“. Увѣрили себя, что присяжная процедура—результатъ варварской строгости, замыкающей уста подсудимаго и не позволяющей челоуѣку, обвиняемому въ преступленіи, давать показанія подъ присягой. О томъ, что даже осужденные являются компетентными свидѣтелями, общество такъ же мало знаетъ, какъ и объ исторіи уголовной процедуры. Другой причиной было сочувствіе обвиняемому, часто принимающее симптомы болѣзненно сентиментальнаго сочувствія, не отдающаго себѣ отчета въ употребляемыхъ средствахъ. Демократія по природѣ своей болтлива и легко удовлетворяется свободой слова; нужно, значить, дать подсудимому „свободу слова“, а для равенства—свободу слова подъ присягой. Это требованіе получало постоянно новую пищу въ стереотипной уверткѣ защитника, который всегда обращался къ присяжнымъ съ увѣреніемъ, что всякія подозрѣнія и улики исчезли бы передъ дуновеніемъ „одной правды“, о которой—о несчастьи!—обвиняемому не можетъ заявить, „такъ какъ законъ закрылъ ему уста“. Слушатели уходили изъ залы, проклиная этотъ законъ, который замыкаетъ уста подсудимому, и начинали разсуждать за себя и

за обвиняемого. И никто, ни изъ агитаторовъ, ни изъ законодателей, не задалъ себѣ простаго вопроса, дѣйствительно ли человекъ, который является обвиняемымъ, можетъ быть свидѣтелемъ подъ присягой? Но—взывали реформаторы—развѣ обвиняемый есть *jure victus*, чтобы отказывать ему въ довѣрїи, развѣ законъ не предполагаетъ его невиновности? Удивительная нивелирующая логика требуетъ затѣмъ отъ обвиняемаго, которому законъ хочетъ дать всякія гарантіи, давая ему абсолютное предположеніе невиновности, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ противъ себя. Впрочемъ, возглашаютъ негодующіе реформаторы: вездѣ обвиняемый имѣетъ „право голоса“. О томъ, что онъ не является свидѣтелемъ, о томъ, что онъ не даетъ присяги—о томъ даже въ парламентѣ не было упомянуто.

Когда обвиняемый долженъ давать свое показаніе подъ присягой? Законъ 1898 года требуетъ выслушивать его „по представленіи дѣла обвиненіемъ“, т. е. послѣ рѣчи обвинителя и допроса свидѣтелей обвиненія. Если обвиняемый имѣетъ своихъ свидѣтелей, то его показанія, согласно принципу о регулированіи защиты очереди своихъ свидѣтелей, могутъ имѣть мѣсто въ концѣ или въ началѣ представленія доказательствъ со стороны защиты. Итакъ, мы видимъ новую аномалію: обвиняемый-свидѣтель выслушивается всѣхъ свидѣтелей и лишь затѣмъ является, если хочетъ, передъ барьеромъ суда со своимъ показаніемъ. Что касается права отвѣта, которое имѣетъ обвиненіе, какъ мы это выше указали, то фактъ, что обвиняемый даетъ показаніе, не создаетъ еще права отвѣта для обвиненія, если защита не вызываетъ иныхъ свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе обвиненіе можетъ вызвать *новыхъ* свидѣтелей для опроверженія утвержденныхъ обвиняемаго, и этотъ принципъ вытекаетъ изъ дѣйствующихъ началъ процесса.

Нѣсколько мѣсяцевъ судебной практики не могутъ дать и въ дѣйствительности не даютъ настоящихъ и рѣшительныхъ указаній. И по сей день каждый видитъ, что ему угодно, а большинство судей не имѣетъ намѣренія отдавать обвиняемыхъ съ пылкой фантазіей подъ судъ за клятвенное преступленіе. Пока судья Ridley остается исключеніемъ. Въ процессахъ, на которыхъ я присутствовалъ, данныя подъ присягой показанія подсудимыхъ не производили большого впечатлѣнія; иногда борьба обострялась и принимала видъ спорта. Адвокаты, представляющіе обвиненіе, проявляли большую умѣренность и извѣстное великодушіе; вмѣсто этого, на ихъ устахъ появлялась легкая улыбка сожалѣнія, которая на присяжныхъ производила большее впечатлѣніе, нежели обычное краснорѣчіе. Со временемъ эта улыбка исчезнетъ и тогда „*crossexamination*“ будетъ принимать все болѣе и болѣе страстныя формы.

Barrister.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Казанская судебная палата.

(Отъ нашего корреспондента).

Побѣгъ изъ Сибири.

16 сентября въ Пермь Казанской судебной палатой, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, было рассмотрѣно дѣло о ссыльно-поселенцѣ Мордухѣ

Лейбимовѣ Губерманѣ, обвиняемомъ въ третьемъ побѣгѣ изъ Сибири. Обстоятельства этого дѣла, какъ они выяснились изъ доклада члена палаты, таковы.

Губерманъ, бывший кронштадтскій мѣщанинъ, по справкамъ, наведеннымъ слѣдователемъ, будучи 17 лѣтъ, дважды судился за мелкія кражи у мировыхъ судей г. Петербурга. Затѣмъ, въ 1894 г. по приговору Петербургскаго военно-окружнаго суда за побѣгъ съ военной службы и проживание по похищенному виду на жительство посланъ на поселеніе въ Сибирь. Въ Сибири онъ былъ поселенъ въ Канскомъ округѣ, откуда дважды бѣжалъ, былъ пойманъ и наказанъ плетями. Въ 1898 г., получивъ временный видъ на жительство для слѣдованія въ Красноярскъ къ жандармскому полковнику, онъ вновь бѣжалъ въ предѣлы Европейской Россіи. Въ Екатеринбургѣ онъ явился въ полицію, заявивъ, что онъ кандидатъ правъ Петербургскаго университета, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Максимъ Александровичъ Славинскій, что во время дѣловой побѣдки по Сибирской жел. дор. у него украли всѣ его вещи, а также и видъ на жительство, выданный ему изъ Петербургскаго градоначальства. Вслѣдствіе этого онъ просилъ полиціймейстера выдать ему временный видъ на жительство. Полиціймейстеръ распорядился выдать ему видъ на три мѣсяца. Съ этимъ видомъ въ карманѣ, занявъ на побѣдку денегъ у желѣзно-дорожныхъ служащихъ, Славинскій-Губерманъ явился въ Пермь, гдѣ и былъ арестованъ. Сначала онъ упорно утверждалъ, что онъ Мордухъ Губерманъ, ссыльно-поселенецъ, и бѣжитъ изъ Сибири съ цѣлью добраться до Петербурга и тамъ раскрыть извѣстный ему заговоръ на жизнь Государя Императора, а также различныя злоупотребленія сибирской администраціи—поджоги тюремъ съ цѣлью скрыть подлоги, растраты и т. д.

Въ засѣданіи Пермскаго окружнаго суда Губерманъ не призналъ себя виновнымъ въ побѣгѣ изъ Сибири. Когда во время судебныхъ преній председатель спросилъ его, что онъ можетъ сказать въ послѣднемъ словѣ, „подсудимый, какъ значитъ, въ протоколѣ, попросилъ объяснить ему, въ какихъ рамкахъ онъ можетъ защищать себя, что можетъ говорить и что нѣтъ? *Предсѣатель объявилъ пренія сторонъ прекращенными*“. Окружный судъ приговорилъ Губермана къ четырехлѣтней каторгѣ и пятидесяти плетямъ.

На приговорѣ Губерманъ подалъ апелляціонный отзывъ на 12 страницахъ, въ которомъ указывалъ на то, что судъ лишилъ его права послѣдняго слова, не допустилъ прочтенія показаній свидѣтелей, не вскрылъ и не осмотрѣлъ вещественныхъ доказательствъ, не спросилъ его объ имени, отчествѣ, фамиліи, занятіи, не примѣнилъ къ нему 153 ст. ул. о нак., по которой преступленіе не вмѣняется въ вину, если совершено съ цѣлью предупредить исполненіе злого умысла, грозившаго опасностью цѣлому государству. Далѣе, въ томъ же отзывѣ Губерманъ описываетъ цѣлый рядъ противозаконныхъ поступковъ прокурора Пермскаго окружнаго суда Храбро-Василевскаго и товарища прокурора Дагельмана.

По докладѣ дѣла, Губерману было предложено подтвердить отзывъ. Онъ обратилъ вниманіе палаты на то, что справки объ его прежней судимости (за кражи) невѣрны, относятся не къ нему и тенденціозно подогнаны прокуратурой къ его личности. „Я не могъ судиться до приговора военно-окружнаго суда, иначе въ этомъ приговорѣ были бы приведены справки о моей прежней судимости. Ихъ тамъ нѣтъ,—стало бы, до приговора военно-окружнаго суда я не судился“.

Предсѣатель палаты: „но въдѣ это не имѣетъ отношенія къ настоящему дѣлу и ваша прежняя судимость не можетъ повліять на приговоръ палаты“.

Губерманъ. Да, но эти справки имѣютъ нравственное значеніе. Ими хотятъ опорочить меня въ глазахъ общества.

Затѣмъ Губерманъ просилъ прочесть отношеніе Пермскаго жандармскаго полковника къ слѣдователю, изъ котораго видно, что Губерманъ подавалъ въ департаментъ полиціи заявленіе объ известномъ ему государственномъ преступленіи. На вопросъ предсѣдателя, какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу, Губерманъ отвѣтилъ, что по закону во всякомъ преступномъ дѣяніи имѣютъ значеніе его мотивы и что мотивы его преступления дѣлаютъ это преступленіе ненаказуемымъ. Онъ разсказалъ, что во время пребыванія его въ Сибири среди администраціи ссыльныхъ ему отъ нѣкоего д-ра Мицкевича удалось узнать о готовящемся покушеніи на священную особу Государя Императора и что съ цѣлью открыть этотъ замыселъ онъ бѣжалъ изъ Сибири.

Предсѣдатель палаты. Все это къ дѣлу не относится. Для раскрытія подобныхъ преступленій есть государственная полиція,—обратитесь къ ней.

Губерманъ. Виновать, но моихъ заявленій не пропускаютъ, какъ бы невинны они не были.

Предсѣдатель. А въ такомъ случаѣ на дѣйствія начальства жалуйтесь министру юстиціи.

Губерманъ. Я жаловался и прокурору палаты, и министру юстиціи, и на Высочайшее имя, но прокуроръ суда не пропустилъ ни одной бумаги и всѣ ихъ возвратилъ мнѣ при объявленіи, что они пропущены быть не могутъ. Что же мнѣ дѣлать?..

Предсѣдатель (съ недоумѣніемъ пожимаетъ плечами). Какія заявленія вы еще имѣете?

Губерманъ попросилъ вскрыть и предложить защитнику для осмотра отобранныя отъ него бумаги. Палата постановила огласить протоколъ осмотра этихъ бумагъ. Оказалось, что у Губермана была отобрана громадная масса бумагъ; среди нихъ есть его стихи, прозаическія произведенія беллетристическаго характера, тетрадь рѣчей, много прошеній отъ имени разныхъ лицъ на различныхъ чинахъ сибирской администраціи, кошіи приговоровъ, доверенностей и т. п. По прочтеніи протокола осмотра Губерманъ заявилъ, что въ этихъ бумагахъ содержались всѣ свѣдѣнія объ открытомъ имъ заговорѣ на жизнь Государя Императора, что слѣдователь тогда же сдѣлалъ постановленіе о препровожденіи его въ Петербургъ, но товарищъ прокурора Дагельманъ, найдя среди бумагъ жалобы на лицъ прокурорскаго надзора,—все это уничтожилъ.

Послѣ этихъ объясненій судебное слѣдствіе объявлено было оконченнымъ и начались пренія сторонъ. Товарищъ прокурора, находя преступленіе Губермана доказаннымъ, просилъ приговоръ суда утвердить.

Защитникъ находилъ возможнымъ примѣнить къ Губерману 153 ст. ул. о нак., приостановить дѣло, провѣрить заявленія Губермана и только тогда его судить. Губерманъ въ послѣднемъ словѣ высказалъ, что въ другой разъ онъ не позволитъ себѣ бѣжать изъ Сибири съ цѣлью раскрывать заговоръ на жизнь Государя Императора, такъ какъ теперь онъ убѣдился, что за это вѣрноподанный получитъ лишь плети и каторгу. Въ виду же мотивовъ его преступленія онъ, на осн. 153 ст. ул. о нак., просилъ сослать его на поселеніе и не подвергать каторжнымъ работамъ.

Палата утвердила приговоръ окружнаго суда.

Хроника.

Министръ юстиціи, статсъ-секретарь Муравьевъ, возвращаясь изъ отпуска, будетъ принимать по пятницамъ, съ 11 час. до 1 часа дня.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что лицо, имѣя лично право на участіе въ городскихъ выборахъ, можетъ въ то же время, при соблюденіи условій ст. 30 гор. пол., быть представителемъ того, содержащаго самостоятельное предпріятіе торгово-промышленнаго общества, товарищества или компаніи, въ составъ коего сіе лицо само входитъ, такъ какъ такое соединеніе голосовъ въ одномъ лицѣ есть не болѣе какъ совмѣщеніе личнаго голоса съ голосомъ по представительству, и что участіе въ городскихъ выборахъ съ двумя голосами на основаніи владѣнія общимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ, въ силу даннаго по поводу сего участія совладѣльцами имѣнія соглашенія, и содержанія въ то же время отдѣльнаго торгово-промышленнаго предпріятія, допустимо быть не можетъ потому, что означенное соединеніе голосовъ въ одномъ лицѣ представляетъ собой совмѣщеніе двухъ голосовъ по личному праву, что недопускается ст. 31 гор. пол. (Указъ 22 сентября за № 9755).

По жалобѣ на Псковское губернскае земское собраніе Пр. Сенатъ указомъ отъ 22 сентября за № 9762 вновь подтвердилъ, что баллотировка лицъ, баллотировавшихся въ какую-либо земскую должность и не избранныхъ земскимъ собраніемъ, можетъ быть допущена лишь въ слѣдующія сессіи собранія, такъ какъ допущеніе перебаллотировки забаллотированныхъ лицъ въ ту же самую сессію, въ которую они забаллотированы, уронило бы значеніе земскихъ выборовъ.

Пр. Сенатъ, подтверждая взглядъ, высказанный въ указѣ 10 февраля 1898 г. № 1577, разъяснилъ, что законъ считаетъ доходными и посему подлежащими земскому обложенію даже такія казенныя помѣщенія, которыя избавляютъ казну отъ расходовъ, и что къ такимъ же именно помѣщеніямъ слѣдуетъ, несомнѣнно, отнести и зданія казенныхъ, работающихъ на нужды арміи и флота, заводовъ, если на заводахъ этихъ, попутно съ изготовленіемъ орудій государственной обороны, исполняются также и частные заказы, такъ какъ подобные заказы, давая казнѣ возможность пустить въ дѣло остатки матеріаловъ и заняты свободныхъ отъ работъ рабочихъ, очевидно, избавляютъ казну отъ ненужныхъ затратъ и расходовъ (Указъ 20 сентября № 9598).

По жалобѣ дворянки К. на собраніе предводителей и депутатовъ дворянства Новгор. губ. Пр. Сенатъ разъяснилъ, что ст. 115 зак. сост. одинаково относится какъ къ дворянамъ родителямъ—отцамъ, такъ и къ дворянкамъ матерямъ и, слѣд., право послѣднихъ на представительство въ дворянскихъ выборахъ въ качествѣ опекуновъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей должно быть поставлено лишь въ зависимость отъ соответствія ихъ требованіямъ ст. 115 зак. сост. (Указъ 22 сентября № 9761).

По разъясненію Пр. Сената, согласно пп. 4 и 7 прил. къ ст. 49 учр. Сен., возвращеніе съ надписью жалобъ, въ виду допущенныхъ въ оныхъ укоротившихъ выражений, представлено усмотрѣнію тѣхъ правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, которымъ жалобы приносятся, а не черезъ которыхъ подаются, и что посему губернаторъ не имѣетъ права

возвращать поданную ему на имя Пр. Сената жалобу. (Указъ 20 сентября № 9256).

Тѣмъ же указомъ разъяснено, что при **снабженіи** городскимъ общ. управленіемъ **войскъ дровами** основнымъ правиломъ слѣдуетъ признать то положеніе, что топливо для казарменныхъ помѣщеній и зданій, занятыхъ нижними воинскими чинами, должно быть отпускаемо гор. общ. управлениями сообразно количеству помѣщающихся въ названныхъ зданіяхъ людей, въ установленной нормѣ на каждые 10 человѣкъ.

Въ военномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ объ **отмѣнѣ въ войскахъ тѣлеснаго наказанія**, примѣняемаго нынѣ къ нижнимъ чинамъ, состоящимъ въ разрядѣ штрафованныхъ, согласно 4 п. 25, 26, 27, 2 п. 28, 6 п. 29 и 84 ст. дисциплинарнаго устава. Изъ числа запрошенныхъ по этому поводу г. командующихъ войсками въ военныхъ округахъ генералъ-адъютантъ М. И. Драгомировъ высказался за полную своевременность отмѣны тѣлеснаго наказанія. При разрѣшеніи же упомянутаго вопроса въ утвердительномъ смыслѣ въ высшихъ инстанціяхъ, наказаніе розгами, уничтожаемое для нижнихъ чиновъ, находящихся подѣ штрафомъ, сохранится у насъ только для лицъ крестьянскаго сословія, какъ ограниченныхъ, такъ и не ограниченныхъ въ правахъ состоянія.

Въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходятъ засѣданія комиссіи **по вопросу о передачѣ государственнаго квартирнаго налога въ пользу городовъ**. Вопросъ этотъ оказался крайне сложнымъ, такъ какъ съ его разрѣшеніемъ предстоитъ рядъ измѣненій нынѣ дѣйствующаго городского положенія. Къ числу наиболее существенныхъ вопросовъ, которые подлежатъ разрѣшенію комиссіи и которые внесены въ программу занятій комиссіи, относятся нижеслѣдующіе:

1) Надлежитъ ли передаваемый въ пользу городовъ государственный квартирный налогъ сдѣлать обязательнымъ городскимъ сборомъ, или же введеніе его должно быть предоставлено, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, усмотрѣнію городского общественнаго управления?

2) Надлежитъ ли при передачѣ въ пользу городовъ квартирнаго налога сохранить въ силѣ дѣйствующія табели окладовъ этого налога и распредѣленія городовъ на разряды по его взиманію, или же слѣдуетъ предоставить городскимъ управлениямъ известную въ этомъ отношеніи свободу?

3) Долженъ ли или можетъ ли быть устанавливаемъ городской квартирный сборъ въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ которыхъ не взимается нынѣ государственный квартирный налогъ?

4) Долженъ ли быть взимаемъ городской квартирный сборъ въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ (мѣстечки и посады съ мѣщанскими управлениями и безъ оныхъ), которыя не имѣютъ городского общественнаго управленія. Въ чью пользу долженъ въ утвердительномъ случаѣ поступать этотъ сборъ и на какіе предметы и по распоряженію какихъ учреждений расходоваться?

5) Въ какомъ порядкѣ и на какихъ основаніяхъ долженъ быть разрѣшаемъ вопросъ о введеніи и взиманіи городского квартирнаго сбора въ городахъ губерній Царства Польскаго въ случаѣ, если въ городахъ, гдѣ дѣйствуетъ городское положеніе, введеніе сего сбора будетъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія городского общественнаго управления?

6) Должны ли быть привлекаемы къ платежу городского квартирнаго сбора лица, занимающія квартиры въ собственныхъ домахъ, съ которыхъ уплачивается ими городской оцѣночный сборъ?

7) Надлежитъ ли предоставить городскимъ общественнымъ управлениямъ или замѣняющимъ ихъ учрежденіямъ, непосредственно или съ надлежащаго утвержденія, разрѣшать, по ходатайству плательщика, обремененнаго семействомъ или находящагося въ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, потери имущества или заработка и т. п., отсрочку уплаты квартирнаго сбора, а равно сложеніе его и на какую именно сумму?

Проектъ правилъ **наказа земскимъ начальникамъ**, разосланный на заключеніе подлежащихъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, раздѣляется на нѣсколько частей въ соотвѣтствіи съ различными сторонами административной дѣятельности земскихъ начальниковъ.

Проектируемыя правила „наказа“ содержатъ въ себѣ:

1) Статьи, опредѣляющія формы, въ коихъ проявляются земскимъ начальникомъ попечительная надѣ сельскимъ населеніемъ власть и надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и волостнымъ судомъ и имѣющія ближайшею цѣлью достигнуть наиболее дѣятельнаго осуществленія земскимъ начальникомъ предоставленныхъ ему въ этомъ отношеніи правъ и устранить, въ тоже время, случаи такого вмѣшательства земскаго начальника въ дѣла крестьянскихъ обществъ или въ область вѣдомства другихъ установлений, которое выходитъ за предѣлы присвоенной ему дѣйствующими узаконеніями власти.

2) Статьи, которыя опредѣляютъ порядокъ производства земскимъ начальникомъ поступающихъ къ нему дѣлъ, имѣютъ цѣлью установить однообразную форму разсмотрѣнія и рѣшенія послѣднихъ, необходимую для надлежащаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняющую, по возможности, въ производствѣ земскаго начальника медленность и излишнюю канцелярскую письменность.

Значительная часть статей „наказа“ земскимъ участковымъ начальникамъ посвящена, между прочимъ ближайшимъ указаніямъ на отношенія земскаго начальника къ установленіямъ крестьянскаго общественнаго управленія, а также на порядокъ производства земскими начальниками провѣрки приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Проектируется постановить, что земскій начальникъ можетъ лично присутствовать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязанъ, только при открытіи общественнаго схода; при производствѣ же выборовъ, какъ и при самомъ обсужденіи и рѣшеніи дѣла, земскій начальникъ присутствовать не долженъ. При разсмотрѣніи же земскимъ начальникомъ

приговоръ сходовъ, повѣрка таковыхъ должна производиться посредствомъ опроса земскимъ начальникомъ лицъ, до коихъ приговоры относятся, должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія и наконецъ, тѣхъ лицъ, коихъ земскій начальникъ признаетъ полезнымъ для дѣла, а равно и посредствомъ выѣзда въ подлежащихъ случаяхъ для осмотра мѣста. По просьбамъ же объ отмѣнѣ приговора волостнаго схода, когда таковыя принесены отъ имени одной пятой части домохозяевъ волости, земскій начальникъ, по проекту „наказа“, долженъ при дознаніи, запросить не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ участвовавшихъ въ постановленіи приговора. Проверка объ общемъ передѣлѣ земли должна производиться земскимъ начальникомъ въ самомъ селеніи, причемъ на обязанность земскаго начальника возлагается проверка правильности опредѣленія доли землепользованія каждаго домохозяина. Приговоры же о передачѣ обществомъ земельныхъ участковъ, поступающихъ въ его распоряженіе, въ случаяхъ указанныхъ закономъ, до общаго передѣла имѣютъ быть допускаемы къ исполненію не иначе, какъ по истеченіи 30 дней со дня объявленія ихъ лицамъ, коихъ они касаются. При проверкѣ же земскимъ начальникомъ приговоровъ объ удаленіи изъ среды общества или непріятіи въ свою среду порочныхъ членовъ опросу подлежатъ сельскія должностныя лица и выборные отъ селеній въ волостной сходъ, а при проверкѣ волостнаго схода—волостной старшина, засѣдатели и судьи. При проверкѣ приговоровъ: 1) о новомъ распланированіи усадьбъ послѣ пожара, 2) объ общемъ перемерѣ всѣхъ усадебныхъ участковъ, 3) объ отчужденіи надѣльной земли, 4) о раздѣленіи и соединеніи обществъ, 5) о переходѣ отъ общиннаго къ подворно-участковому землепользованію—выѣздъ земскаго начальника на мѣсто и допросъ не менѣе $\frac{2}{3}$ участниковъ схода, проектомъ „наказа“ признается обязательнымъ. Независимо отъ этихъ случаевъ, другіе приговоры—о выдѣлѣ подворнаго участка, о согласіи схода на совершеніе однообщественниками сдѣлокъ по обмѣну и арендѣ надѣловъ, а также проверка другихъ приговоровъ, можетъ, по усмотрѣнію земскаго начальника, быть поручаема волостному старшинѣ.

По проекту положенія о страховых инспекторахъ въ губерніяхъ, въ коихъ не введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, предполагается означенныя должности замѣщать лицами, неимѣющими соответственныхъ чиновъ, вовсе неимѣющими чиновъ, а равно не имѣющими права на поступленіе въ гражданскую службу, причемъ послѣднія изъ этихъ лицъ пользуются всѣми служебными преимуществами, присвоенными занимаемымъ ими должностямъ, но въ чины не производятся.

На страховых инспекторовъ имѣется въ виду, подъ руководствомъ губернскихъ страховых управленій, возложить: а) постоянный надзоръ за правильностью дѣйствій волостныхъ правленій по взаимному губернскому страхованію и б) исполненіе порученій губернскихъ страховых управленій по дѣламъ взаимнаго страхованія и по надзору за состояніемъ строительной части въ селеніяхъ въ пожарномъ отношеніи.

Изъ Канева сообщаютъ въ „Пряз. Край“ о рѣдкомъ случаѣ примѣненія 818 ст. угол. суд. Обвинялся нѣкій Бѣликъ въ поджогѣ, и всѣ косвенныя улики были противъ него.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, пожаръ приписали дѣлу рукъ Бѣлика, и слѣдственной властью онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго. На-дняхъ дѣло было разсмотрѣно выѣздной сессіей Кіевскаго окружнаго суда въ гор. Каневѣ, и присяжные засѣдатели, несмотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, добытыхъ на судѣ свидѣтельскими показаніями противъ подсудимаго Бѣлика въ совершеніи поджога, признали его виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія.

Окружный судъ не согласился съ вердиктомъ присяжныхъ и постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ засѣдателей.

Изъ Сигнаха пишутъ въ „Норъ Даръ“, что въ виду непрекращающагося въ сел. Кабалъ, населеннаго татарами и осетинами, воровства и д. тифл. губернатора распорядился о выселеніи коренныхъ жителей изъ названнаго селенія, которое рѣшено заселить русскими переселенцами или грузинами. Выселенные крестьяне подали прошеніе о разрѣшеніи имъ остаться въ селеніи до уборки посѣвовъ.

14 сентября совершенно неожиданно, за работой, съ перомъ въ рукахъ, скончался еще на дняхъ только обращавшійся къ учащейся молодежи здѣшной съ глубокою прочувствованнымъ словомъ, призывавшимъ къ правдѣ и къ свѣту, только что оставившій должность ректора Гельсингфорскаго университета, профессоръ уголовного права, **д-ръ Якко-Оскаръ Форсманъ**, родной братъ приобрѣтшаго широкую извѣстность историка, главы финноманскаго движенія въ Финляндіи, впослѣдствіи сенатора и барона Г. З. Ирѣ-Коскинена. Склонность ко всему финскому заставила послѣдняго передѣлать свою чисто шведскую фамилію на финскій ладъ. Покойный нынѣ криминалистъ Я. Форсманъ родился въ пасторской семьѣ въ 1839 году. Онъ поступилъ въ университетъ въ 1857 году, въ 1864 году сдѣлался магистромъ философіи и въ 1868 году — кандидатомъ *juris utriusque*, т. е. правъ, и аускультантомъ въ абсокомъ гофгерихтѣ. Уже въ слѣдующемъ году Форсманъ былъ избранъ профессоромъ финскаго языка въ здѣшнемъ университетѣ, а черезъ 10 лѣтъ—профессоромъ уголовного права и исторіи права. Въ 1874 г., когда онъ былъ удостоенъ степени доктора, имъ представлена первая на финскомъ языкѣ работа по уголовному праву. Въ 1878, 1879 и 1881 гг. Форсманъ усиленно работалъ за границей, преимущественно въ Германіи. Съ 1882 по 1896 годъ Форсманъ былъ деканомъ юридическаго факультета, а съ 1896 г. ректоромъ университета. Въ 1882—1890 гг. покойный стоялъ во главѣ здѣшняго юридическаго общества, имѣющаго такое немаловажное вліяніе на ходъ финляндскаго законодательства. Его труду, главнымъ образомъ, обязано новѣйшее уголовное уложеніе Финляндіи своей ясностью; онъ принималъ первостепенное участіе почти во всѣхъ комиссіяхъ по юридическимъ вопросамъ, которыя создавались за послѣдніе годы. Съ

1882 года онъ непосредственно, въ качествѣ представителя Куопіо, участвовалъ въ политической жизни края, занимая мѣсто въ первыхъ рядахъ финномановъ; впрочемъ, началомъ его политической дѣятельности можно даже считать 1877 годъ, когда онъ впервые выступилъ кандидатомъ крестьянскаго сословія (съ 1882 года онъ избирался отъ духовнаго сословія, въ вѣлѣніи котораго, какъ извѣстно, состоитъ и дѣлшій университетъ). Его огромная эрудиція и выдающіяся личныя качества, какъ человѣка, дѣлали его всегда незамѣнимымъ членомъ сейма и предводимой его братомъ партіи. Большое вліяніе имѣлъ Форсманъ и какъ публицистъ, то наиболѣе усердный сотрудникъ, то редакторъ разныхъ финляндскихъ изданій и газетъ, и между ними наиболѣе выдающейся „*Uusi Suometar*“, въ которыхъ статьи его какъ специально юридическаго, такъ и общеполитическаго характера, читались на расхватъ и обсуждались наиболѣе горячо. (Спб. Вѣд.).

Проживающій въ с. Антоно-Кодынцево, Одеск. уѣзда, куп. Дмитрій Силла въ прошеніи на имя уѣзднаго исправника заявилъ, что полиц. урядникъ **В. Рыковъ** **вымогаетъ у обывателей деньги** и сельскохоз. продукты. Въ подтвержденіе своего заявленія Силла указалъ на слѣдующіе факты: урядникъ долженъ былъ вручить посел. Штраубу окладные листы. За врученіе этихъ листовъ Рыковъ потребовалъ четыре мѣры овса, но когда Штраубъ отвѣтилъ, что овса у него нѣтъ, потребовалъ окороковъ. Штраубъ отказалъ въ этомъ требованіи, Рыковъ ему окладныхъ листовъ не далъ. Далѣе, съ проживающаго въ дер. Спиридоновкѣ И. Скортулянскаго урядникъ, за врученіе также исполнительныхъ листовъ, потребовалъ и получилъ 4 мѣры овса и столько же ячменя. Отъ управляющаго имѣніемъ Шполянскаго М. Вакса Рыковъ за свои служебныя дѣйствія потребовалъ и получилъ „гарбу“ сѣна и половы. Наконецъ, у него, Силлы, Рыковъ взялъ въ аренду полдесяти земли подъ баштанъ и взаймы полтора ведра вина, но денегъ до сего времени не уплатилъ. При допросѣ свидѣтелей нѣкоторые утвержденія Силлы не подтвердились и обвинитель превратился въ обвиняемаго въ подачѣ ложнаго доноса. Силла на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ продолжалъ утверждать, что изложенное имъ въ заявленіи на имя исправника вполне справедливо, но свидѣтели скрыли истину.

На судебномъ слѣдствіи общій смыслъ свидѣтельскихъ показаній былъ таковъ, что урядника Рыкова приходилось „ублажать“. Правда, никто не говорилъ объ отдѣльныхъ случаяхъ, никто не могъ сказать, что Рыковъ „вымогалъ“, но фактъ тотъ, что ему давали и онъ бралъ. Присяжные засѣдатели послѣ очень непродолжительнаго совѣщанія вынесли Силлѣ оправдательный вердиктъ. (Вол.).

Мелитопольскимъ уѣзднымъ земствомъ сдѣлано крайне интересное исчисленіе отношенія числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ къ площади cadaqua изъ уѣздовъ Таврической губерніи: оказывается, что на одного уѣзднаго земскаго гласнаго приходится земельной площади въ уѣздахъ: Ялтинскомъ 74 квадратныхъ версты, въ Симферопольскомъ—140, Феодосійскомъ—

192, Евпаторійскомъ—204, Перекопскомъ—243, Днѣпровскомъ—448, Бердянскомъ—520 и, наконецъ, въ Мелитопольскомъ—782. Результатомъ сравнительной малочисленности гласныхъ по отношенію къ размѣрамъ территоріи въ Мелитопольскомъ земствѣ нерѣдко бывали случаи, когда собраніе испытывало крайнее затрудненіе при избраніи представителей земствъ въ какую-либо комиссію или при назначеніи распорядителя по какой-либо отрасли хозяйства въ уѣздѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Административное отдѣленіе.

Въ субботу, 25 сентября, состоялось первое послѣ каникулъ засѣданіе административнаго отдѣленія юридическаго общества.

Открывая засѣданіе, предсѣдательствовавшій *М. И. Свѣшниковъ* предложилъ административному отдѣленію поручить редакціонному комитету поздравить отъ имени отдѣленія бывшаго его предсѣдателя М. Н. Капустина съ исполнившимся 50-лѣтіемъ его ученой и административной дѣятельности. Предложеніе М. И. Свѣшникова принято было собраніемъ единогласно. Вслѣдъ затѣмъ В. Д. Кузьминымъ-Караваемымъ прочитанъ былъ рефератъ о земской адвокатурѣ, напечатанный въ предыдущемъ и настоящемъ № „Правъ“.

Затронутый референтомъ вопросъ объ юридической помощи населенію, по огромной своей важности, не могъ не заинтересовать собранія и вызвалъ весьма оживленныя пренія.

М. А. Лозина-Лозинскій, считая необходимымъ провѣрить съ болѣе высокой, государственной точки зрѣнія выводы референта, основанные на соображеніяхъ исключительно мѣстнаго, „земскаго“ свойства, пришелъ къ тому убѣжденію, что крестьянское нестроеніе объясняется совокупностью общихъ и глубокихъ причинъ, а именно, низкимъ уровнемъ культуры и коренной неудовлетворительностью крестьянскаго законодательства. Земская адвокатура горю не поможетъ: законы не станутъ лучше, если жалобы будутъ писаться грамотнѣй — необходима коренная реформа крестьянскаго законодательства, а послѣ такой реформы и земская адвокатура окажется излишней. Но и независимо отъ этого, проектъ докладчика представляется неосуществимымъ. Аналогія между юридической и врачебной помощью, подтверждающая, по мнѣнію докладчика, необходимость земской адвокатуры, представляется неправильной. Медикъ не окажется въ затруднительномъ положеніи, если къ нему обратится за помощью нѣсколько больныхъ, такъ какъ интересы послѣднихъ не противорѣчатъ другъ другу. Совѣтъ другое при разрѣшеніи юридическихъ споровъ, — трудно установить принципъ, которымъ долженъ руководиться адвокатъ, принимая на себя дѣло.

В. Д. Спасовичъ отмѣтилъ неизбежную зависимость земской адвокатуры отъ земскихъ учреждений, противорѣчающую самой идеѣ адвокатской дѣятельности. Званіе присяжнаго повѣреннаго требуетъ многолѣтней

подготовки; никто не согласится, получить это звание, обречь себя на жизнь в деревенской глуши. Адвокаты крестьянского права не знают. Помогать крестьянину литература, а не адвокатура; необходимыми руководства, пособия, популярное изложение действующего права.

Г. Б. Слюзбергъ, признавая желательными и симпатичными идеи референта, считает их, однако, неосуществимыми. Земской адвокатуры нѣтъ ни в одной изъ культурныхъ странъ. Въ основаніи проекта объ учрежденіи земской адвокатуры лежитъ идея опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ, — та самая идея, которая привела къ учрежденію института земскихъ начальниковъ. Не опека необходима, а огражденіе населенія отъ субъективнаго усмотрѣнія всевозможныхъ начальствъ.

Г. С. Волтке вѣ длинной рѣчи доказывалъ, что найдется много охотниковъ идти вѣ деревню, что земскіе адвокаты призваны быть проводниками права въ народное сознаніе, и отмѣтилъ въ противоположность господствующимъ тенденціямъ, необходимость открыть всѣмъ желающимъ широкій доступъ въ адвокатуру, а также на юридическіе факультеты университетовъ.

В. М. Гессенъ, присоединяясь къ основнымъ положеніямъ реферата, считаетъ возраженія противъ него не вполнѣ убѣдительными. Ссылки на необходимость исправленія законовъ, поднятія культуры и т. д. напоминаютъ обычный вѣ петербургскихъ канцеляріяхъ приемъ, — отсрочку рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ до „общаго пересмотра законодательства“. Опека — страшное слово. Современное культурное государство, въ отличіе отъ индивидуалистическаго теоріи манчестерской школы, не отказывается отъ опеки надъ низшими, экономически и культурно-зависимыми классами; конечно, впрочемъ, необходима соотвѣтственная форма опеки, но противъ такой формы опеки, какъ земская адвокатура, врядъ-ли ктонибудь станетъ возражать.

А. Н. Турчаниновъ отмѣтилъ почти полное единодушіе, съ которымъ земство высказалось въ пользу земской адвокатуры. Это фактъ, съ которымъ юридическое общество должно считаться. Вреда отъ земской адвокатуры быть не можетъ. Могло-ли земство отказывать населенію во врачебной помощи въ ожиданіи улучшенія санитарныхъ условий? Точно также оно не можетъ отказывать населенію въ юридической помощи въ ожиданіи улучшенія законовъ. Весь вопросъ, привѣтсели къ крестьянской жизни проектируемый институтъ. Для того, чтобы на этотъ вопросъ увѣренно отвѣтить, надо попытаться.

М. И. Мышь выразилъ полное сочувствіе основной мысли реферата, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на необходимость измѣненія существующихъ законовъ, при которыхъ независимость и самостоятельность земскихъ адвокатовъ невозможна. Узднныи съѣздъ, напримѣръ, можетъ въ настоящее время воспретить неудобнымъ ему присяжнымъ повѣреннымъ выступать въ немъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ практикѣ оппонента бывали случаи, когда безспорныя дѣла проигрывались крестьянами изъ-за незнанія процессуальныхъ правилъ.

І. В. Гессенъ считаетъ желательнымъ, чтобы земство имѣло не адвокатовъ, а юрисконсультовъ, которые получали бы опредѣленное содержаніе отъ земства и ограничивались въ своей дѣятельности подачей

совѣтовъ и разъясненіемъ сторонамъ ихъ юридическаго положенія, причѣмъ никакой платы отъ обращающихся къ нимъ за юридической помощью брать не должны.

К. К. Ватсонъ прочиталъ отрывокъ изъ брошюры Зубова, въ которомъ убѣдительно доказывается серьезное экономическое значеніе земской адвокатуры. Въ настоящее время только меньшая часть крестьянскихъ дѣлъ разрѣшается положительно; большая часть либо разрѣшается отрицательно, либо вовсе оставляется безъ движенія изъ-за незнакомства просителей съ правилами судостройства и судопроизводства. Отсюда — весьма значительная и вполнѣ безплодная трата и времени и средствъ. Учрежденіе земской адвокатуры не только не убыточно, но, наоборотъ, прямо выгодно для населенія.

М. М. Винаверъ отмѣтилъ доктринерскій характеръ всѣхъ возраженій, сдѣланныхъ противъ земской адвокатуры. Неясность крестьянскаго законодательства, въ особенности, требуетъ для его выясненія помощи адвоката. Возраженія противъ земской адвокатуры объясняются, въ значительной степени, господствующимъ въ нѣкоторыхъ сферахъ недоувѣріемъ къ адвокатурѣ вообще.

Возражая своимъ оппонентамъ, *В. Д. Кузьминъ-Караваевъ* развилъ подробнѣе положенія своего реферата. Конечно, и земская адвокатура не будетъ вполнѣ свободна отъ недостатковъ. Но неужели изъ-за этого сидѣть сложа руки и ждать совершенства?

Послѣ резюме предсѣдателя, отмѣтившаго полное сочувствіе большинства ораторовъ защищаемому референтомъ институту, засѣданіе было объявлено закрытымъ.

Библіографія.

Журналъ Министерства Юстиціи, сентябрь 1899 г.

Въ официальномъ отдѣлѣ напечатанъ, между прочимъ, весьма интересный **всеподданнѣйшій докладъ министра юстиціи** о ходѣ работъ по улучшенію судебной части за 1894—1899 гг. Докладъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что подобные обзоры управленія министровъ юстиціи до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не составлялись и, во всякомъ случаѣ, не публиковались во всеобщее свѣдѣніе. Отмѣтивъ основныя начала дѣятельности министерства за послѣднее пятилѣтіе, — начала, указанныя уже въ рѣчи по поводу закрытія комиссіи для пересмотра суд. уставовъ (см. „Право“ № 29 стр. 1452), министръ останавливается на распространеніи и окончаніи судебного преобразованія, въ общихъ чертахъ характеризуетъ дѣятельность названной комиссіи и за-самъ подробно перечисляетъ „отдѣльныя улучшенія и мѣропріятія по судебной части“. Изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія новыя правила объ отвѣтственности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ и о порядкѣ суда надъ ними (законъ 2 іюня 1897 г.), и упорядоченіе вызова свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ для упрощенія и ускоренія судебного ихъ разсмотрѣнія и уменьшенія издержекъ казны (законъ 18 марта 1896 г.). Къ сожалѣнію, оба эти закона, какъ извѣстно, вызвали на практикѣ много недоразумѣній (см. „Право“ № 35 стр. 1617—1629 и № 26 стр. 1315—1321), а разъясненіе,

данное Сенатомъ второму изъ этихъ законовъ, повело лишь къ новому стѣсненію защиты. Изъ циркулярныхъ распоряженій обращаютъ вниманіе на интересный циркуляръ 1895 г. о сокращеніи переписки (любопытно было бы знать, сколь значительны были его практическія послѣдствія) и изданный въ 1896 г. обязательный для чиновъ прокуратуры всѣхъ ранговъ приказъ, „въ 48 статьяхъ котораго излагаются общій порядокъ и приемы дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора при исполненіи ими обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ“. Помимо такихъ упоминаемыхъ въ докладѣ мѣропріятій, которыя вообще принимаются министрами, какъ, напр., „почти ежегодныя поѣздки въ различные судебные округа“, „заботы объ обстоятельномъ изученіи и безпристрастной провѣркѣ данныхъ для всенеподданѣйшихъ докладовъ по ходатайствамъ о помилованіи и смягченіи участи осужденныхъ“ и т. п., отмѣтимъ еще указываемое въ докладѣ учрежденіе по свободному почину чиновъ министерства подъ попечительствомъ министра юстиціи благотворительнаго общества судебного вѣдомства. Общество это располагаетъ нынѣ фондомъ на сумму около 300 тысячъ руб. при ежегодномъ расходованіи на пособія до 30 тысячъ р. За время управленія Н. В. Муравьева бюджетъ министерства юстиціи возросъ съ 26 милліоновъ руб. до 31 милліона, „что объясняется какъ открытіемъ новыхъ судебныхъ установленій при завершеніи судебной реформы на окраинахъ, такъ и неотложнымъ штатнымъ усиленіемъ нѣкоторыхъ отраслей судебного устройства впродъ до осуществленія всѣхъ новыхъ о немъ предположеній, вытекающихъ изъ оконченнаго пересмотра судебныхъ уставовъ“. Такимъ образомъ, „поддержаніе и поднятіе судебного вѣдомства на надлежащемъ уровнѣ въ отношеніи матеріальномъ“, выставленное также въ числѣ руководящихъ принциповъ дѣятельности министерства, нисколько не вліяло на увеличеніе бюджета, изъ чего можно заключить, что этотъ принципъ осуществился въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

Неофициальная часть книги, за исключеніемъ двухъ небольшихъ замѣтокъ въ хроникѣ, вся посвящена вопросамъ уголовного права и процесса. Въ статьѣ „Преступность малолѣтнихъ въ Западной Европѣ“ г. Е. Н. Тарновскій останавливается на данныхъ, обнаружившихся въ послѣдніе годы въ Германіи, Англіи, Франціи и Австріи. Приведенныя въ этомъ изслѣдованіи цифры даютъ основанія сдѣлать въ высшей степени важныя практическія выводы. Въ наиболѣе благоприятномъ положеніи находится Англія, гдѣ замѣчается непрерывное и довольно рѣзкое уменьшеніе дѣтской преступности. Съ 1884 до 1896 г. „по отношенію къ соответствующему населенію уменьшеніе должно быть отъ 40 до 45%“. Далѣе слѣдуетъ Франція, гдѣ преступность малолѣтнихъ до 16 л. начиная съ 1851 г. почти не увеличилась, въ возрастѣ же послѣ 16 л. увеличеніе идетъ весьма быстро (съ 1851—55 по 1891—95 на 77%), такъ что начиная съ пятилѣтія 1871—1875 число обвиняемыхъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 г. увеличилось даже въ процентномъ отношеніи къ общему числу обвиняемыхъ, т. е. стало расти скорѣе общей преступности. Растетъ число молодыхъ преступниковъ и въ Германіи, причемъ и здѣсь „увеличивается главнымъ образомъ преступность несовершеннолѣтнихъ, число же малолѣтнихъ растетъ относительно медленно“. Въ Австріи „въ особенннсти рѣзко выдѣляется увеличеніе числа осужденныхъ въ возрастѣ до 14 лѣтъ, что составляетъ уже весьма неблагоприятный симптомъ и невыгодно отличаетъ движеніе дѣтской преступности въ Австріи по сравненію съ Франціей и даже Германіей“. Эти данныя получаютъ особенное значеніе, если сопоставить рядомъ съ ними, что въ Англіи лучше всего поставлено дѣло принудительнаго воспитанія: къ концу 1896 г. здѣсь насчитывалось 207 исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ и

расходъ на ихъ воспитаніе простирался до 12 милліоновъ франковъ; во Франціи же, напр., впервые провозгласившей законодательнымъ путемъ основные принципы принудительнаго воспитанія, существуетъ въ настоящее время всего 28 исправительныхъ заведеній „въ Германіи, въ свою очередь, вообще меньше заведеній исправительнаго характера, чѣмъ въ Англіи или Франціи“. А между тѣмъ, какое огромное вліяніе имѣютъ эти заведенія на сокращеніе роста дѣтской преступности, чрезвычайно ярко видно изъ того, что „въ такомъ стяжавшемъ себѣ дурную славу центрѣ, какъ Парижъ... за послѣдніе годы преступность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ уменьшается и уменьшается весьма замѣтно“. Тоже самое наблюдается и относительно Берлина, уступающаго печально первенство многимъ чисто земледѣльческимъ округамъ, и относительно Вѣны. Поэтому, нельзя не согласиться съ окончательнымъ выводомъ автора, что „дѣтская преступность въ большинствѣ случаевъ гораздо болѣе поддается дѣйствию предупредительныхъ и исправительныхъ мѣръ, чѣмъ преступность старшихъ возрастовъ“. „Подсудимые въ возрастѣ до 16 или даже до 20 лѣтъ составляютъ, такъ сказать, слабый, неукрѣпленный флангъ арміи преступленія (l'armée du crime, по выраженію Г. Жоли); на это слабое крыло и должны быть направлены всѣ усилія государства и общества съ тѣмъ, чтобы, отрѣзавъ по возможности притокъ свѣжихъ силъ къ преступной арміи, обезпечить въ будущемъ окончательную побѣду здоровыхъ началъ правильной общественной жизни надъ элементами нравственнаго упадка, порока и преступленія“.

К. А. Шишко. Частное обвиненіе у насъ и на Западѣ. Авторъ задается цѣлью изслѣдовать этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія процессуальной и дать оцѣнку общимъ основнымъ положеній нашего дѣйствующаго устава по дѣламъ частнаго обвиненія. Правильная постановка уголовной процедуры по этимъ дѣламъ, замѣчаетъ авторъ, имѣетъ громадное значеніе, въ особенности у насъ, гдѣ область этихъ преступленій такъ широка, а чувство законности и благовоспитанности такъ мало распространены въ народѣ. Авторъ находитъ, что эта постановка у насъ неудовлетворительна въ томъ отношеніи, что ею недостаточно охраняются интересы потерпѣвшаго, лишеннаго юридическихъ знаній, нерѣдко вызываемаго въ судъ въ самое неудобное для него время и понапрасну подвергаемаго безцѣльному по большей части обряду примиренія у слѣдователя и т. п. По мнѣнію автора, въ нашемъ уставѣ уг. суд. все направлено къ тому, чтобы такъ или иначе заставить потерпѣвшаго отказаться отъ полученія удовлетворенія законнымъ путемъ. Но и обвиняемый находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ по дѣламъ публичнаго обвиненія, въ виду того, что ему противустоятъ не прокуроръ, а частное лицо, преслѣдующее исключительно личные интересы и нерѣдко возбуждающее дѣло для того лишь, чтобы причинить неприятности противнику, потаскать его по судамъ.

Авторъ сравниваетъ постановку частнаго обвиненія у насъ и на Западѣ и отдаетъ предпочтеніе французской постановкѣ процесса, гдѣ всѣ обвинительныя функціи исполняются государственными органами и самый объемъ уголовно-частныхъ преступленій очень узокъ.

Въ ряду другихъ, заслуживаетъ вниманія указаніе автора на неудобства, вызываемыя тѣмъ, что за смертью обвинителя, при отсутствіи его жалобы, дѣло объ уголовно-частномъ преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ мѣстамъ,—подлежитъ прекращенію.

Предлагая возложить обвиненіе по уголовно-частнымъ дѣламъ, подсуднымъ общимъ судамъ, на прокуроровъ, авторъ находитъ, что и въ послѣднеуказанномъ случаѣ (смерти потерпѣвшаго) слѣду-

еть предоставить прокуратурѣ право поддерживать обвиненіе.

Свои пожеланія, вытекающія изъ вышеприведенныхъ воззрѣній, авторъ резюмируетъ въ восьми весьма подробныхъ пунктахъ.

Я. Н. Городыскій: Предъявленіе слѣдственного производства.—Авторъ указываетъ на значительныя недоразумѣнія, вызванныя этимъ вопросомъ, въ особенности въ первое время дѣйствія судебныхъ уставовъ, и вытекающія изъ того обстоятельства, что, согласно ст. 476 уст. уг. суд., предъявленіе слѣдственного производства не обязательно, а находится въ зависимости отъ просьбы о томъ обвиняемаго. Между тѣмъ, важность этого акта въ настоящее время такъ хорошо сознается, что неисполненіе его является лишь рѣдкимъ исключеніемъ, хотя оно и не служитъ поводомъ въ кассациі.

Другой вопросъ, затрагиваемый авторомъ, касается того, въ чемъ именно должна состоять и какъ должна исполняться самая процедура этого порядка. Не разрѣшаемый прямо въ законѣ, вопросъ этотъ вызвалъ весьма разнообразную практику,—въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ грамотности и неграмотности обвиняемаго. Въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно прочитывается все производство вслухъ, что по большей части оказывается нецѣлесообразнымъ: обвиняемый не понимаетъ содержанія слѣдственныхъ актовъ.

Поэтому, въ послѣднее время чтеніе стало постепенно замѣняться словеснымъ изложеніемъ обвиняемому выясненныхъ слѣдствіемъ обстоятельствъ дѣла, причемъ иногда обвиняемый проситъ ему прочесть то или другое показаніе. Авторъ находитъ весьма желательнымъ, чтобы такой порядокъ былъ санкціонированъ закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ полезнымъ—и съ этимъ нельзя не согласиться—по дѣламъ, направляемымъ въ судъ безъ производства предварит. слѣдствія, установить особый обрядъ ознакомленія обвиняемаго съ данными, выясненными при производствѣ полицейскаго дознанія.

М. И. Любимовъ. Границы укрывательства, продажи завѣдомо-краденаго и покупки по дѣйствующему уложенію (14 и 1701 ст. улож. и 180 ст. уст. наназ.).—Авторъ доказываетъ, что ст. 1701 п. 1 ул. о нак. должна быть примѣняема лишь въ случаяхъ, специально ею предусмотрѣнныхъ, а именно: въ случаѣ самостоятельно произведенной третьимъ лицомъ продажи завѣдомо похищеннаго, когда къ продавцу непримѣнимъ законъ объ укрывательствѣ, притомъ

же исключительно при наличности добросовѣстнаго покупателя, въ интересахъ котораго этотъ законъ (т. е. ст. 1701?) и постановленъ. Законъ же объ укрывательствѣ (ст. 14 ул.) долженъ находить себѣ примѣненіе ко всѣмъ случаямъ сокрытія плодовъ преступленія, хотя бы главный виновный уже былъ наказанъ.

Нельзя пройти молчаніемъ маленькой, но замѣчательной въ своемъ родѣ замѣтки г. И. Никольскаго о порядкѣ выдачи окружными судами свидѣтельствъ на право бѣдности. Начинается она съ утвержденія, что „юрисстамъ-практикамъ извѣстно, что сотни исковъ возбуждаются и ведутся въ каждомъ (!) окружномъ судѣ по праву бѣдности и что почти всѣ эти иски (!) оказываются неосновательными и неподлежащими удовлетворенію“.

Это утвержденіе, столь же категорическое, сколь и голословное, служитъ отправной точкой для доказательства того, что при выдачѣ свидѣтельствъ на право бѣдности нельзя ограничиваться удостовѣреніемъ о недостаточности средствъ на веденіе дѣла, а необходимо требовать представленія доказательствъ и оснований того иска, который проситель намѣренъ предъявить. И это не скромное desiderium автора, нѣтъ! г. Никольскій думаетъ, что этого требуетъ „положительный и точный текстъ закона“. Впрочемъ, этому его утвержденію не слѣдуетъ, повидимому, придавать серьезное значеніе, потому что нѣсколькими строками выше авторъ самъ говоритъ, что „въ законѣ нѣтъ прямого указанія“ на такой порядокъ, а затѣмъ опять оказывается, что открытая авторомъ обязанность суда вытекаетъ „изъ тѣхъ прямыхъ указаній, которыя имѣются въ положительномъ законѣ по сему предмету“. Такимъ образомъ остается все же неизвѣстнымъ, есть ли прямые указанія или ихъ нѣтъ? И мы весьма сочувствуемъ затруднительному положенію автора, такъ какъ ему приходится утверждать, что прямое указаніе заключается въ примѣчаніяхъ къ 190 и 800 ст. уст. гр. суд. (а о правѣ бѣдности трактуютъ статьи 880—887), разрѣшающихъ Сенату возвращать въ опредѣленныхъ случаяхъ жалобщикамъ кассационный залогъ. Но когда, затѣмъ, г. Никольскій увѣряетъ насъ, будто предлагаемый имъ порядокъ „на практикѣ часто и бываетъ“, то мы положительно отказываемся этому вѣрить, полагая, что судамъ знакомо правило юридической герменевтики, гласящее, что законъ спеціальныи не можетъ служить базисомъ для истолкованія закона общаго.

Судебная и судебно-административная практика.

Первый Департаментъ Правительствующаго Сената.

Приведеніе въ дѣйствіе привилегіи. Ст. 191 т. XI ч. 2 устава о промышленности. Указъ 31 августа 1899 г. № 8809.

28 декабря 1895 года иностранное товарищество подъ фирмою Babcok & Wilcox, Limited получило русскую привилегію на усовершенствованія въ аппаратахъ для выдѣлки концевыхъ коробокъ и концевыхъ частей разборчатыхъ паровиковъ.

Въ серединѣ 1898 года товарищество Бабкоксъ и Вилькоксъ представило два удостовѣренія, а именно: 1) подписанное двумя англійскими патентными агентами заявленіе о томъ, что привилегированные аппараты поставлены на заводѣ товарищества, находящемся около г. Glasgow и 2) списокъ котловъ, снабженныхъ усовершенствованными концевыми коробками и доставленными на большое количество различныхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ. Ссылаясь на эти два удостовѣренія, товарищество просило, согласно ст. 191 т. XI ч. 2, признать привилегію

№ 26367 приведенною въ дѣйствіе. Департаментъ торговли и мануфактуръ, однако, не нашелъ возможнымъ удовлетворить такое прошеніе товарищества Бабкоксъ и Вилькоксъ, слѣдствіемъ чего и явилась жалоба въ Пр. Сенатъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и принимая во вниманіе: 1) что хотя въ ст. 191 т. XI ч. 2 изд. 1893 г. уст. о промышл. не содержится прямого указанія, чтобы изобрѣтеніе было приведено въ дѣйствіе именно въ Россіи, тѣмъ не менѣе такое требованіе вытекаетъ изъ общаго смысла закона о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія, имѣющаго цѣлью способствовать развитію отечественной промышленности, каковое начало вполне опредѣлительно установлено закономъ 20 мая 1896 года; 2) что посему подъ понятіемъ мѣстнаго начальства, упоминаемаго въ той же 191 ст., надлежитъ разумѣть лицо, состоящее въ русской, а

не иностранной службѣ; 3) что, вмѣстѣ съ тѣмъ, не усматривается достаточныхъ основаній къ признанію приведенія упомянутой фирмой данной ей привилегіи въ Россіи, ибо сія привилегія была выдана не на части котла, а на усовершенствованія въ аппаратахъ для выдѣлки концевыхъ коробокъ и концевыхъ частей разборчатыхъ паровиковъ, и въ описаніи, припечатанномъ въ привилегіи, значится, что предметъ оной составляетъ совокуиность приѣмовъ и аппаратовъ, въ примѣненіи къ поставленію концевыхъ коробокъ, причемъ эти аппараты перечисляются и въ отдѣльности; между тѣмъ какъ, поставляя котлы, приготовленные привилегированными машинами, товарищество доставляетъ въ Россію продукты привилегированнаго изобрѣтенія, а не вводитъ въ употребленіе самое привилегированное изобрѣтеніе и 4) что въ 1898 году изданы правила о порядкѣ испрошенія удостовѣреній о приведеніи въ дѣйствіе въ Россіи привилегированныхъ изобрѣтеній и усовершенствованій, Пр. Сенатъ опредѣляетъ: жалобу оставить безъ послѣдствій.

Разсмотрѣнію Сената въ данномъ дѣлѣ подлежали два вопроса: 1) можетъ ли считаться въ смыслѣ ст. 191 т. XI ч. 2 приведеніемъ въ существенное дѣйствіе эксплуатация изобрѣтенія за границей? 2) можетъ ли считаться приведеніемъ въ существенное дѣйствіе на русской территоріи импортированіе продуктовъ изобрѣтенія? Оба вопроса рѣшены въ отрицательномъ смыслѣ, и такое рѣшеніе должно быть признано совершенно правильнымъ.

Обязательность эксплуатированія привилегированныхъ изобрѣтеній существуетъ болѣе, чѣмъ въ 20 государствѣхъ. Практики возстаютъ противъ этой мѣры, считая ее чрезвычайно стѣснительною для изобрѣтений (см. напр. докладъ v. Schütz'a въ „Jahrbuch der internationalen Vereinigung für Gewerblichen Rechtsschutz, 1897, стр. 237—259). Однако, никто никогда и не сомнѣвался—de lege lata—что всѣ законодательства, требующія обязательной эксплуатации имѣютъ въ виду именно эксплуатацию на данной территоріи. Иначе постановленіе это не имѣло бы никакого практическаго значенія: всякій изобрѣтатель, который тратитъ деньги на полученіе патента, дѣлаетъ это для того, чтобы, заручившись привилегіей, торговать своимъ изобрѣтеніемъ. Случай намѣренной не фабрикаціи, имѣющей единственную цѣль лишить публику благодѣяній новаго изобрѣтенія, совершенно немыслимы. Поэтому, необходимо заключить, что даже и безъ постановленій объ обязательной эксплуатациі изобрѣтатель гдѣ нибудь да будетъ фабриковать свое изобрѣтеніе. Постановленія вродѣ ст. 191 имѣютъ въ виду болѣе непосредственную цѣль: заставить изобрѣтателя фабриковать именно на данной территоріи. Этимъ способомъ предполагается достигнуть искусственнаго развитія національной промышленности. Французскій законъ идетъ даже дальше и запрещаетъ изобрѣтателю ввозить хотя бы одинъ экземпляръ изобрѣтенія, сфабрикованнаго за границей. Русскій законъ 1833 года не дошелъ до такихъ крайностей. Но онъ весь проникнутъ стремленіемъ „содѣйствовать выдачей привилегій развитію русскихъ фабрикъ и заводовъ“ и потому приведенное выше толкованіе Сената по первому вопросу должно быть признано вполне соответствующимъ его общему духу.

Еще менѣ сомнѣній можетъ возбудить второй вопросъ. Если изобрѣтатель получилъ патентъ на машину для выкапыванія картофеля и если онъ, эксплуатируя машину въ Германіи, ввозитъ въ Россію только картофель, то, конечно, онъ въ Россіи этой машины не эксплуатируетъ. Точно также, обще-

ство Бабкоксъ и Вилькоксъ получило патентъ на машину для изготовленія частей котла, а ввезло въ Россію не эту машину, а продуктъ, изготовленный при помощи ея: водотрубные котлы. Очевидно, что самая машина въ Россіи эксплуатируема не была.

Указъ Сената не касается одного родственнаго вопроса, возбудившаго, между прочимъ, много сомнѣній въ Австріи: достаточно ли было бы ввести привилегированную машину въ Россію и работать ею котлы, или (въ смыслѣ ст. 191) необходимо было бы и самую машину соорудить на русской территоріи? Вопросъ этотъ является чрезвычайно важнымъ и спорнымъ даже и по нынѣ дѣйствующему закону, но, къ сожалѣнію, онъ еще не восходился на разсмотрѣніе Пр. Сената.

Первый департаментъ Правительствующаго Сената.

(Помѣщеніе больныхъ въ психіатрическое отдѣленіе земской больницы. Ст. 337 и 338 общ. учр. губ. св. зак. т. II ч. 1 изд. 1872 г. Ст. 367—375 зак. гражд. св. зак. т. X ч. 1 изд. 1887 г. Ст. 260—266 уст. общ. призр. св. зак. т. XIII изд. 1892 г. Указы Пр. Сената 15 іюля 1875 г., № 29928; 20 сент. 1891 г. № 11460 и 12 мая 1897 г. № 5978).

Указъ 20 августа 1899 г. № 8470.

8 декабря 1898 г. Воронежское губернское земское собраніе постановило утвердить докладъ управы объ освидѣтельствованіи мѣстнымъ врачомъ всѣхъ умалишенныхъ для выясненія того, кто изъ нихъ долженъ быть отправленъ въ психіатрическое отдѣленіе больницы и кто можетъ быть оставленъ на родинѣ безъ вреда для общества. Это постановленіе земскаго собранія было отмѣнено Воронежскимъ губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ въ засѣданіи 5 января 1898 г. по слѣдующимъ основаніямъ: 1) освидѣтельствованіе умалишенныхъ производится установленнымъ для того порядкомъ только въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 337 и 338 т. II св. зак. изд. 1892 г. и 367 ст. т. X ч. 1 изд. 1887 г., т. е. по распоряженію губернатора или по требованію о томъ ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечителей или наследниковъ; 2) существующее при Воронежской губернской земской больницѣ психіатрическое отдѣленіе учреждено не исключительно для призрѣнія безнадежно больныхъ этого рода, оставленіе которыхъ на свободѣ представляло бы общественную опасность, но и для пользованія сумасшедшихъ, дающихъ еще надежду на излеченіе ихъ при правильномъ врачебномъ уходѣ за ними; 3) ставить предположенное губернскимъ земскимъ собраніемъ освидѣтельствованіе, и притомъ черезъ врачей, не компетентныхъ въ опредѣленіи душевныхъ болѣзней, условіемъ принятія означенныхъ лицъ въ названное отдѣленіе больницы, значило бы лишать ихъ немедленной врачебной помощи, особенно дѣйствительной въ начальныхъ періодахъ болѣзни, и 4) самая цѣль такого освидѣтельствованія, заключающаяся въ сокращеніи числа призрѣваемыхъ въ психіатрическомъ отдѣленіи, противорѣчитъ требованіямъ 260—266 ст. уст. общ. призр. т. XIII изд. 1892 г., по смыслу которыхъ число больныхъ, призрѣваемыхъ въ домахъ умалишенныхъ, не ограничено никакою цифрою, для чего, какъ признано и Правительствующимъ Сенатомъ (указъ 15 іюля 1875 г. № 29928), земство, при недостаточности для нихъ существующихъ помѣщеній, обязано, въ силу 2 ст. пол. о зем. учр., нанять или приобрести таковое. Это постановленіе губернскаго присутствія Воронежская губернская земская управа, по уполномочію губернскаго земскаго собранія, обжаловала въ Правительствующій Сенатъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Пр. Сенатъ находить, что указомъ Пр. Сената отъ 15 іюля 1875 г. за № 29928 было разъяснено, что такъ какъ по смыслу 260—266 ст. уст. общ. призр. количество больныхъ, призрѣваемыхъ въ домахъ для умалишенныхъ, не ограничено никакою цифрою, то отказъ губ. земскаго собранія въ приемъ въ домъ умалишенныхъ больныхъ сверхъ опредѣленной собраніемъ нормы является лишеннымъ законнаго основанія. Между тѣмъ, по объясненіямъ Воронежскаго губернскаго земскаго собранія, не имѣется въ виду установить какую-либо норму въ приемъ душевно-больныхъ въ спеціальныя для нихъ заведенія земства. Кроме того, какъ видно изъ послѣдующаго указа Пр. Сената отъ 20 сентября 1891 г. № 11460 по дѣлу о несогласіи Рязанскаго губернатора съ постановленіемъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія по предмету ограниченія приема душевно-больныхъ въ лечебныя заведенія земства, коимъ оправдывается обязательность неограниченнаго приема душевно-больныхъ въ спеціальныя лечебныя заведенія въ видахъ предоставленія губернской администраціи возможности немедленно устранить изъ общества опасныхъ по формѣ своего заболѣванія больныхъ,—указъ Пр. Сената отъ 15 іюля 1875 г. долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что имъ имѣлись въ виду только тѣ душевно-больные, помѣщеніе которыхъ въ больницы по роду ихъ болѣзни или семейному положенію представляется необходимымъ, т. е. больные, помѣщаемые по требованію администраціи и суда и согласно ст. 375 зак. гражд., но не та группа душевно-больныхъ хрониковъ и слабоумныхъ, которые, не требуя уже никакого леченія и не представляя никакой опасности для окружающихъ, могутъ оставаться по желанію родственниковъ въ своей семьѣ и поэтому не нуждаются въ помѣщеніи ихъ въ спеціальныя больницы. Эта послѣдняя категорія требуетъ только обычныхъ видовъ призрѣнія или на дому, или въ богадѣльняхъ, но не въ спеціальныхъ больницахъ, предназначенныхъ исключительно для больныхъ такого рода, отказъ въ приемъ которыхъ дѣйствительно наносилъ бы существенный, а иногда и непоправимый вредъ какъ для самихъ больныхъ, такъ и для лицъ ихъ окружающихъ. Подтверженіемъ сими соображеніямъ служить и указъ Пр. Сената отъ 12 мая 1897 г. за № 5978 по жалобѣ Владимірской губ. земской управы на постановленіе Владимірскаго губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, отмѣнивашаго постановленіе Владимірскаго губ. земскаго собранія относительно призрѣнія душевно-больныхъ, въ коемъ Пр. Сенатъ не усмотрѣлъ законныхъ оснований воспрещать земскимъ учрежденіямъ путемъ частныхъ соглашеній передавать безопасныхъ для окружающихъ душевно-больныхъ въ смотрѣніе ихъ родственниковъ, а при отказѣ или отсутствіи послѣднихъ тѣмъ обществамъ и семьямъ, которыя изъясняютъ на то свое согласіе. Что же касается вопроса о томъ, насколько правильнымъ является постановленіе собранія объ освидѣтельствованіи сельскими врачами на мѣстѣ

душевно-больныхъ предварительно направленія ихъ въ губернскую больницу, то мѣра эта несомнѣнно не выходитъ за предѣлы компетенціи общественныхъ установленій и, имѣя значеніе врачебнаго осмотра больныхъ безотносительно къ ихъ личнымъ и имущественнымъ правамъ, не имѣетъ потому никакого отношенія къ указываемымъ Воронежскимъ губ. по земскимъ дѣламъ присутствіемъ освидѣтельствующимъ умалишенныхъ, производимымъ особымъ присутствіемъ губ. правленій на основаніи 337 и 338 ст. т. II и 367 ст. т. X св. зак. Не усматривая, въ виду сего, въ постановленіи Воронежскаго губ. земства отъ 8 декабря 1897 г. какихъ-либо отступленій отъ закономъ предоставленнаго земскимъ учрежденіямъ круга дѣятельности, Пр. Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра вн. дѣлъ, признаетъ жалобу Воронежской губ. земской управы заслуживающею уваженія, а потому опредѣляетъ: состоявшееся по настоящему дѣлу постановленіе Воронежскаго губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія отмѣнить.

Толкуемая Сенатомъ статьи закона: ст. 2 Пол. зем. учр. возлагающая на земство попеченіе о народномъ здравіи и завѣдываніи мѣрами призрѣнія, и статьи 260—266 уст. общ. призр., опредѣляющія, какими свойствами долженъ обладать самый домъ для умалишенныхъ (быть „кругомъ крѣпкимъ“—ст. 260), его надзиратель („пристойный, добросердечный и твердый“—ст. 261) и его прислуга (ст. 264), кто принимается въ этотъ домъ бесплатно и кто за плату (ст. 263 и 266) и наконецъ, какъ должны содержаться больные (ст. 262, 264 и 265), по самому существу своему, нисколько не касаются вопроса, имѣетъ ли земство право опредѣлять, сколько именно больныхъ можетъ быть помѣщено въ данномъ домѣ. Поэтому изъ умолчанія этихъ статей объ ограниченіи приема больныхъ въ дома для умалишенныхъ отнюдь нельзя выводить, какъ это сдѣлалъ Сенатъ, что несомнѣнно фактически существующій предѣлъ вмѣстимости каждой больницы не можетъ быть для психіатрическихъ лечебницъ установленъ земствомъ. Но если даже, согласно указу 15 іюля 1875 г., и признавать, что земство не можетъ опредѣлять нормы, предѣльнаго числа больныхъ въ домахъ для умалишенныхъ, то настоящее постановленіе воронежскаго земства, какъ такой нормы вовсе не устанавливающее, не противорѣчитъ не только ст. 260—266 уст. общ. призр., но и указу 15 іюля 1875 г.

Затѣмъ, хотя число больныхъ, имѣющихъ право на призрѣніе со стороны земства, и не ограничено, и хотя поэтому земство обязано въ той или другой формѣ (помѣстивъ въ больницу или сдѣвъ на попеченіе родственниковъ—указъ 12 мая 1897 г.) оказать призрѣніе всѣмъ нуждающимся въ этомъ душевно-больнымъ, но отсюда всегакъ отнюдь не слѣдуетъ, будто земство лишено права въ каждомъ данномъ случаѣ удостовѣряться черезъ мѣстнаго врача въ томъ, что данное лицо, о помѣщеніи коего въ больницу идетъ рѣчь, во-первыхъ, дѣйствительно страдаетъ умственнымъ расстройствомъ, а во-вторыхъ, нуждается въ общественномъ призрѣніи и притомъ именно въ помѣщеніи въ психіатрическую больницу. Считать же, что земство обязано помѣстить въ лечебницу каждого, относительно кого это будетъ потребовано любымъ чиномъ мѣстной администраціи, значило бы признавать за этою послѣднею такое право, которое не имѣетъ ни малѣйшаго основанія въ законѣ.

Наконецъ, если вообще, согласно рѣшенію Пр. Сената, объявленному въ циркулярѣ министра вну-

треннихъ дѣлъ отъ 24 дек. 1886 г. № 8719, лицо, установленнымъ формальнымъ образомъ не признанное умалишеннымъ, можетъ быть помѣщено въ психіатрическую больницу, что такая мѣра, какъ могущая въ высшей степени тяжело отразиться не только на имущественныхъ интересахъ, но и на здоровьѣ лица безъ дѣйствительной въ томъ необходимости помѣщеннаго въ такую больницу, можетъ быть принято во всякомъ случаѣ не на основаніи простаго требованія администраціи или суда, а единственно на основаніи заключенія врача. Поэтому намъ кажется, что установленный воронежскимъ земствомъ порядокъ заключаетъ въ себѣ существенныя гарантіи интересовъ не только земскихъ больницъ, но и всего населенія.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Подписчину № 1622.

1. Впраш ли лицо, избранное въ земскіе гласные волостнымъ сходомъ, продолжать исполненіе своихъ обязанностей послѣ пожалованія званіемъ личнаго почетнаго гражданина.

Званіе земскихъ гласныхъ законъ обуславливаетъ двоякаго рода цензомъ: *имущественнымъ* цензомъ для выборныхъ земскихъ избирательныхъ собраній (ст. 16 и 38 полож. о земск. учр.) и *сословнымъ* цензомъ — принадлежностью къ сельскому обществу — для выборныхъ избирательныхъ волостныхъ сходовъ (ст. 51 пол. о зем. учр.; указ. м. в. д. стр. 9 п. 3). Такихъ *гласныхъ*, которые бы не обладали ни однимъ изъ помянутыхъ цензовъ, нашъ законъ не знаетъ ¹⁾. Между тѣмъ, если допустить, что пожалованіе сельскаго обывателя (ст. 700 зак. о сост. т. XI св. зак.) званіемъ личнаго почетнаго гражданина, или, другими словами, переходъ его изъ сословныхъ сельскихъ обывателей въ городское сословіе (ст. 494, 518—520 зак. о сост.) не влечетъ за собою утраты званія гласнаго, то въ составѣ земскихъ собраній могутъ оказаться лица, которые, не принадлежа къ сельскому сословию, вмѣстѣ съ тѣмъ не обладаютъ необходимымъ имущественнымъ цензомъ.

Согласно официальному разъясненію, званіе гласнаго должно теряться одновременно съ лишеніемъ имущества, такъ какъ основаніемъ принадлежности къ земскому представительству служить владѣніе имуществомъ опредѣленныхъ размѣровъ и соединенное съ такимъ владѣніемъ участіе въ платежѣ земскихъ сборовъ (сб. пр. расп. з. д. II, 282). Чѣмъ имущество является для выборныхъ избирательныхъ собраній, тѣмъ принадлежность къ крестьянскому сословию является для выборныхъ волостныхъ сходовъ. Отсюда выводъ: при выходѣ изъ крестьянскаго сословія званіе гласнаго теряется точно такъ же, какъ и при лишеніи имущества.

Этотъ выводъ и сдѣланъ былъ м. в. д. при дѣйствіи прежняго положенія о земск. учр.; такъ, министерствомъ въ 1879 г. разъяснено было, что крестьянинъ, избранный въ гласные отъ сельскихъ обществъ и состоящій въ то же время членомъ уѣздной земской управы, въ случаѣ пожалованія

его званіемъ личнаго почетнаго гражданина, не можетъ оставаться въ званіи гласнаго, а слѣдовательно и членомъ земской управы, такъ какъ онъ, по выбытіи изъ сельскаго общества, пересталъ быть представителемъ той избирательной категоріи, отъ которой былъ избранъ въ гласные (сообщ. м. в. д. 24 іюля 1879 г. № 24471, по деп. общ. д. с. и. р. з. у. т. XI стр. 142).

Разъясненіе м. в. д. несомнѣнно остается въ силѣ и при дѣйствіи новаго положенія, тѣмъ болѣе, что оно значительно увеличило значеніе сословнаго начала въ организаціи земскаго представительства ¹⁾.

II. Можетъ ли лицо, принадлежавшее къ сословию сельскихъ избирателей, по пожалованіи званіемъ личнаго почетнаго гражданина, впродѣль быть избираемымъ въ гласные земскихъ оубраній отъ тѣхъ же обществъ, по имуществу своему, подчиняющемся требованіямъ 763 ст. зак. о сост. т. IX св. зак.?

Безусловно не можетъ. Ст. 763 зак. о сост. говорить о земляхъ, дошедшихъ къ малороссійскимъ казакамъ отъ предковъ ихъ, малороссійскихъ же казаковъ, которые остаются навсегда казачьими, т. е. подвергаются владѣльцу оныхъ исполненію возложенныхъ на сіе сословіе обязанностей, хотя бы онъ пріобрѣлъ службою или инымъ образомъ права другого сословія.

Дѣло, однако, въ томъ, что, какъ указано выше, право избранія въ гласные отъ сельскихъ обществъ основывается исключительно на *сословномъ*, а не на *имущественномъ* цензѣ. По разъясненію м. в. д., малороссійскіе казаки принадлежатъ, по силѣ прим. къ ст. 700 т. IX зак. о сост., къ сельскимъ обывателямъ и потому должны принимать, на точномъ основаніи ст. 51 пол. о зем. учр. 12 іюня 1890 г., участіе въ земскихъ выборахъ лишь на волостныхъ сходахъ того уѣзда, въ которомъ они приписаны (указ. м. в. д. стр. 10 п. 8). Малороссійскіе казаки, по пожалованіи званіемъ личнаго почетнаго гражданина, подобно другимъ сельскимъ обывателямъ, лишаются права участія въ сельскихъ сходахъ; между тѣмъ, примѣнительно къ ст. 38 и 42 нал. о зем. учр., земскіе гласные отъ сельскихъ обществъ избираются волостными сходами исключительно изъ числа членовъ означенныхъ сходовъ (указ. м. в. д. стр. 9 п. 3).

Такова постановка вопроса въ дѣйствующемъ правѣ. Съ точки зрѣнія законодательной критики (политики права) такая постановка представляется въ высокой степени неудовлетворительной. По вѣрному замѣчанію проф. Коркунова, въ отношеніи къ сельскимъ и мѣщанскимъ обществамъ наше законодательство о почетномъ гражданствѣ дѣйствуетъ не какъ рычагъ, подѣмлюющій уровень ихъ образованія, а напротивъ, какъ насосъ, высасывающій изъ него всѣ малѣйшіе зародыши образованности.

¹⁾ Въ нѣкоторомъ, какъ будто, противорѣчіи съ сдѣланнымъ выводомъ находится сообщеніе м. в. д. 27 апр. 1896 г. № 10561, согласно которому лицо, участвовавшее по довѣренности и избранное въ гласные, сохраняетъ за собой это званіе послѣ смерти довѣрителя или прекращенія довѣренности. Въ дѣйствительности, мотивы приведеннаго рѣшенія имѣютъ настолько спеціальныи и узкій характеръ, что никакая аналогія между прекращеніемъ довѣренности и выходомъ изъ сословія невозможна.

¹⁾ Мы не говоримъ о представителяхъ вѣдомствъ (ст. 57 пол. о зем. учр.), которые не суть гласные (см. „Право“ № 3 за 1898 г. стр. 53).

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылается 1-й листъ рѣшеній гражданскаго нассационнаго департамента Правительствующаго Сената за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій

Типографія Сиб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

I. Судебное засѣданіе присутствія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, 28 сентября 1899 г. по дѣлу братьевъ С. и П. Скитскихъ.

Въ первомъ послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіи уголовного кассационнаго департамента, 28 сентября, Правительствующій Сенатъ слушалъ кассационныя жалобы защитниковъ Степана и Петра Скитскихъ присяжн. повѣренныхъ Н. П. Карачевского и В. П. Куликова и частн. повѣреннаго М. Д. Зеленскаго на приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты по обвиненію Скитскихъ въ убійствѣ секретаря Полтавской духовной консисторіи Комарова.

Предсѣдательствуетъ въ засѣданіи первоприсутствующій сенаторъ Н. С. Таганцевъ, докладчикомъ выступаетъ М. Г. Акимовъ, заключеніе даетъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій, поддерживаютъ кассационныя жалобы присяжные повѣренные Н. П. Карачевскій и частный повѣренный М. Д. Зеленскій. Залъ засѣданія переполненъ публикой.

Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ изъ подробнаго отчета по настоящему дѣлу (см. „Право“ №№ 12, 13 и 18), особое присутствіе Харьковской судебной палаты приговоромъ отъ 16/21 марта 1899 г. признало подсудимыхъ Степана и Петра Скитскихъ виновными въ томъ, что 1-й, состоя казначеемъ Полтавской духовной консисторіи и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря консисторіи, Алексѣя Яковлева Комарова, изъ мести къ нему, вслѣдствіе неприязненныхъ отношеній, возникшихъ на служебной почвѣ, по предварительному уговору съ другимъ лицомъ, задумалъ лишить Комарова жизни, и 2-й въ томъ, что состоя канцелярскимъ служителемъ въ Полтавской духовной консисторіи и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря консисторіи, Алексѣя Яковлева Комарова, по предварительному уговору съ братомъ своимъ Степаномъ, находившимся въ неприязненныхъ отношеніяхъ съ Комаровымъ, задумалъ лишить послѣдняго жизни; съ этою цѣлью они днемъ 14 июля 1897 года, скрывшись въ засаду, въ тѣсу вблизи города Полтавы, напали на Комарова, когда послѣдній шелъ на дачу Склифасовскаго, и посредствомъ задушенія лишили его, Комарова, жизни.

Преступленіе это карается каторжными работами безъ срока, но особое присутствіе, не указывая мотивовъ, нашло возможнымъ уменьшить означенное наказаніе и приговорило подсудимыхъ къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ, причемъ изъ состава присутствія два члена палаты А. К. Жежеро и А. Г. Казначеевъ и волостной старшина Я. Н. Усѣ остались при особыхъ мнѣніяхъ о невинности бр. Скитскихъ во вводимомъ на нихъ преступленіи.

Въ кассационной жалобѣ присяжнаго повѣреннаго Н. П. Карачевского приводится восемь обстоятельно разработанныхъ поводовъ къ отмѣнѣ постановленнаго особымъ присутствіемъ приговора:

I. Преданіе бр. Скитскихъ суду особаго присутствія является установленіемъ искусственной и исключительной подсудности, не оправдываемой содержаніемъ 201^а ст. уст. уг. суд., которая въ исчерпывающемъ перечисленіи статей уложенія о наказаніяхъ опредѣляетъ компетенцію особаго присутствія. Въ этомъ перечисленіи п. 3 ст. 1451 ул. о нак. (убійство начальника) не упоминается, и преступленіе это, по смыслу 201^а ст., выдѣляется изъ общей подсудности лишь въ томъ случаѣ, если убійство должностнаго лица совершено при исполненіи имъ или по поводу исполненія служебныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи обвинительный актъ не дѣлаетъ никакого категорическаго указанія, по поводу исполненія какихъ именно обязанностей служебнаго свойства относительно Скитскихъ убить Комарова, и Правительствующій Сенатъ совершенно лишенъ возможности провѣрить, представляетъ ли выдвигаемый

обвиненіемъ мотивъ тотъ именно „поводъ“ къ совершенію убійства, который категорически долженъ быть указанъ при выдѣленіи дѣла изъ подсудности нормальной въ подсудность совершенно особую, исключительную.

II. Дѣло бр. Скитскихъ послѣ отмѣны Пр. Сенатомъ перваго оправдательнаго о нихъ приговора, состоявшагося въ г. Полтавѣ при участіи мѣстныхъ сословныхъ представителей, было назначено единоличнымъ распоряженіемъ предсѣдателя къ слушанію въ г. Харьковѣ при участіи въ составѣ присутствія сословныхъ представителей по городу же Харьковъ, хотя ранѣе, согласно опредѣленія судебной палаты отъ 22 декабря 1897 г., дѣло слушалось въ Полтавѣ, и опредѣленіе это, не взирая на то, что въ кассационномъ протестѣ прокурора заявлено было ходатайство о новомъ слушаніи дѣла не въ Полтавѣ, не было отмѣнено Правительствующимъ Сенатомъ.

Такое единоличное распоряженіе предсѣдателя представляется совершенно неправильнымъ, ибо въ силу 138^а ст. учр. суд. уст. и 1050^а у. уг. суд., опредѣленіе того, подлежитъ ли дѣло слушанію въ городѣ, гдѣ учреждена палата, или въ одномъ изъ другихъ городовъ ея округа, зависитъ отъ палаты. Послѣ отмѣны перваго приговора, при вторичномъ слушаніи дѣла, прежній составъ сословныхъ представителей, согласно 1106 ст. у. у. с., долженъ быть замѣненъ однимъ изъ уѣздныхъ предводителей Полтавской губерніи, на мѣсто городского головы г. Полтавы надлежитъ пригласить его законнаго замѣстителя; на мѣсто прежняго волостнаго старшины (1105^а ст. уст. уг. суд.)—новое лицо изъ старшинъ Полтавскаго уѣзда, избранное по жребію. Наканунѣ открытія судебного засѣданія защитною въ особомъ прошеніи были указаны вышеприводимыя соображенія и былъ заявленъ отводъ противъ сосл. представителей Харьковской губ. Но судебная палата, вопреки точному смыслу 603 ст. уст. уг. суд. (рѣш. Прав. Сен. 76/62), удалилась для совѣщанія по сему предмету вмѣстѣ съ сосл. представителями, противъ коихъ именно и былъ заявленъ отводъ, и вынесла опредѣленіе отъ имени особаго присутствія, а не судебной палаты, хотя прошеніе было адресовано въ судебную палату, и по силѣ 1106^а ст. у. у. с., разъясенной въ рѣш. уг. к. д. 95/18, ей одной, безъ участія сословныхъ представителей, надлежало постановить опредѣленіе по вопросу о подготовительныхъ распоряженіяхъ, признававшихся защитною неправильными. И по существу возбужденнаго вопроса особое присутствіе постановило неправильное опредѣленіе, ибо не вошло вовсе въ оцѣнку вопроса, представлялась ли по силѣ 138^а ст. учр. суд. уст. по данному дѣлу „надобность“ открытій засѣданіе именно въ Полтавѣ.

III. Приговоръ особаго присутствія, заканчивающійся въ револютивной части признаніемъ вины Скитскихъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, представляетъ собою не результатъ обсужденія совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла и соображенія обвиненія со всѣми представленными по дѣлу доказательствами и уликами, а лишь одностороннюю поддержку выводовъ обвинительнаго акта, покоящихся при томъ на явномъ игнорированіи такихъ данныхъ и обстоятельствъ дѣла, обсужденіе коихъ въ ихъ дѣйствительной совокупности, должно было неминуемо привести судей къ признанію невинности Скитскихъ во вводимомъ на нихъ преступленіи. Такъ, палата заявляетъ прежде всего въ приговорѣ, что она устраняетъ отъ своего разсмотрѣнія вопросы о недостаткахъ и неполнотѣ предв. слѣдствія, какъ не подлежащее будто бы разсмотрѣнію палаты въ настоящемъ составѣ присутствія. Отсюда

ясно, что палата преднамеренно не желает обсудить, насколько наличность таких недостатков и неполноты препятствуют раскрытию истины, къ отысканію которой она же вслѣдъ затѣмъ и вынуждена приступить. Этѣмъ и объясняется, что въ основу приговора кладется рядъ невѣрныхъ положеній, выработанныхъ предварительнымъ, но явно опровергнутыхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Палата говоритъ, напр., что убійство совершено „въ мѣстности довольно глухой и безлюдной“, а 4 незаподозрѣнныхъ ею свидѣтелей показали, что эта мѣстность—весьма людная, проѣзжая дорога, гдѣ лѣтомъ весьма значительное движеніе. А между тѣмъ, если отвергнуть глухость и безлюдность мѣстности, то окажется, что Скитскіе (изъ коихъ одинъ въ форменномъ кителѣ) бѣгомъ (показаніе Бородаевой, принятое палатою) бѣжали на проѣзжую дорогу (къ мѣсту совершенія убійства), чтобы напасть на Комарова возможно ближе къ его собственной дачѣ, догадываясь, вѣроятно, что именно въ этотъ день г-жа Комарова (см. ея показаніе) побоялся собакъ, хотя ранѣе каждый день, не боясь тѣхъ же собакъ, она обыкновенно ходила встрѣчать мужа до мостика и дачѣ.

Установивъ, что убійство совершено у мостика и что группъ „тащили лишь на протяженіи очень небольшого разстоянія“, палата не обратила вниманіе, что это утвержденіе рѣзко противорѣчитъ установленному слѣдствіемъ факту, что на колѣняхъ брѣжъ покойнаго были слѣды сѣровой глины, тогда какъ, по показаніямъ свидѣтелей, подтверждаемымъ протоколомъ осмотра, земля вокругъ мостика и даже во рву подъ мостикомъ была совершенно суха и отъ жары потрескалась. „Это явное противорѣчіе можетъ быть объяснено лишь предварительнымъ зарекомъ палаты не критиковать и не оцѣнивать по достоинству недостатковъ предварительнаго слѣдствія“. Обсуждая данныя, установившія выраженіе С. Скитскимъ своего неудовольствія на Комарова, палата не поясняетъ, въ какую же связь подобное явное обнаруженіе Скитскимъ своихъ недружелюбныхъ чувствъ къ Комарову можно поставить съ ея же утвержденіемъ, что вражда Скитскаго, „которая разрасталась въ немъ скрытно для посторонняго наблюдателя, подготовила и мстительныя чувства“.

Петру Скитскому палата приписываетъ „низкій нравственный уровень, съ характеромъ, поддающимся влиянію“, между тѣмъ, какъ ничего подобнаго по дѣлу не установлено.

Палата ни однимъ словомъ не касается эпизода съ письмомъ, переданнымъ П. Скитскимъ брату черезъ сыщика. По показанію Червоненко, письмо это читалъ товарищъ прокурора Дамьяловскій, а затѣмъ оно было передано полиціей суд. слѣдователю; но куда затѣмъ исчезло, неизвѣстно.

Ставя въ улику Степану Скитскому его поведеніе 15 іюля вечеромъ, послѣ возвращенія домой изъ монастыря, палата поведеніе это воспроизводитъ якобы на основаніи разказа дежурнаго въ тотъ день чиновника консисторіи Навроцкаго, не допрошеннаго, однако, ни на предварительномъ, ни на судебномъ слѣдствіи и въ качествѣ свидѣтеля вовсе даже и не вызывавшагося, поясняя лишь вскользь, что свидѣтель Лекторскій слышалъ этотъ разказъ отъ Навроцкаго. Свидѣтель Шепитко, на котораго была сдѣлана прямая ссылка въ разказѣ Лекторскаго, не только не подтвердилъ сдѣланной на него ссылки, но и прямо опровергъ обстоятельство, на которое указывалъ Лекторскій.

Приведа затѣмъ еще цѣлый рядъ противорѣчій въ выводахъ, умолчаніе и прямое игнорированіе уликъ, обстоятельствъ и доказательствъ, кассаторъ полагаетъ, что при такихъ условіяхъ приговоръ о Скитскихъ не можетъ имѣть силы и значенія судебного рѣшенія.

IV. Педанное защитоу во время подготовитель-

ныхъ къ суду дѣйствій прошеніе о производствѣ осмотра мѣстности, гдѣ было совершено преступленіе, осталось палатою неразрѣшеннымъ на томъ основаніи, что вопросъ этотъ имѣетъ быть разсмотрѣнъ въ самомъ засѣданіи особаго присутствія. Въ засѣданіи 15 марта особое присутствіе отклонило ходатайство защиты за пропускомъ установленныхъ 577 и 578 ст. у. у. с. сроковъ. Но не говоря о томъ, что по смыслу 688 ст. у. у. с. вопросъ объ осмотрѣ можетъ и долженъ возникать именно на судебномъ слѣдствіи, что въ данномъ случаѣ, какъ оказалось, протоколовъ осмотра указанныхъ защитой мѣстностей вовсе не имѣется, защитнику Н. П. Карабчевскому не было вовсе объявлено о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, а защитникъ Зеленскій не пропустилъ срока при подачѣ имъ своего ходатайства. Послѣ допроса Бородаевой защита вновь возбудила то-же ходатайство, но на этотъ разъ особое присутствіе признало его уже преждевременнымъ; при возобновленіи же ходатайства къ заключенію суд. слѣдствія особое присутствіе вновь отказало на томъ же основаніи, что показаніе Бородаевой не есть вовсе, только что представленное доказательство.

V. Особое присутствіе безъ всякихъ мотивовъ отклонило ходатайство защиты о дачѣ экспертами заключенія по выслушаніи вызванныхъ свидѣтелей; ходатайство о томъ же самихъ экспертовъ, находившихъ, что иначе они не въ состояніи будутъ дать отвѣтъ на нѣкоторые изъ предложенныхъ вопросовъ, было отклонено единоличнымъ распоряженіемъ старш. председателя. Въ виду такого ограниченія, поставленнаго экспертамъ защиты, не бывшимъ при предварительномъ слѣдствіи, то мѣсто приговора особаго присутствія, въ которомъ присутствіе заявляетъ, что оно „наиболѣе убѣждается доводами эксперта Михнова, какъ производившаго вскрытіе трупа и располагающаго болѣе точными, чѣмъ остальные эксперты, свѣдѣніями“, получаетъ особенное значеніе, ибо сама палата лишила остальныхъ экспертовъ возможности имѣть столь же точныя свѣдѣнія о группѣ отъ свидѣтелей, осматривавшихъ его (полицейскіе чины) еще ранѣе прибытія эксперта Михнова.

Въ пп. VI и VII указывается, что свидѣтельница Комаровой предоставлено было привилегированное положеніе обвинительницы въ процессѣ, чѣмъ она широко пользовалась въ теченіе судебного слѣдствія, постоянно дѣлая заявленія, сопоставляя показанія свидѣтелей и производя обвинительныя рѣчи противъ подсудимыхъ. Допросъ свидѣтелей протоіереевъ происходилъ въ присутствіи свидѣтеля преосвященнаго Иллариона, занимавшаго особое мѣсто въ залѣ засѣданія. Іерархически ему подчиненные, свидѣтели эти видимо робѣли, торопились и стѣснялись давать свои показанія, касавшіяся тѣхъ же предметовъ, коихъ касался преосвященный. Просьба защитника Н. П. Карабчевскаго объ устраненіи такого ненормальнаго порядка отклонена была старш. председателемъ. Наконецъ, п. VIII отмѣчаетъ, что особое присутствіе палаты, во время совѣщанія, пользовалось фотографическими снимками, которые во время судебного слѣдствія ни сторонамъ, ни суду предъявлены не были, и не исключена возможность, что суд. рѣш. о виновности Скитскихъ, мало и односторонне обоснованное въ мотивированномъ приговорѣ, могло именно сложиться подъ впечатлѣніемъ пользованія въ судебныхъ доказательствами, которыя въ освѣщеніи сторонъ быть можетъ потеряли бы все свое таинственное и, нѣрѣдко именно потому, неотразимое значеніе. Одного подобнаго подозрѣнія вполне достаточно для того, чтобы вся совѣщательная дѣятельность судей при постановленіи приговора лишилась того необходимаго довѣрія, которымъ законъ облакаетъ эту торжественную стадію уголовного процесса, ибо тайна судейскаго совѣщанія неприкосновенна, и провѣрка того обстоательства, какую именно роль

сыграли эти вѣсудебныя доказательства при совѣщаніи судей, абсолютно невозможна.

По этимъ соображеніямъ пр. повѣренный Н. П. Карабчевскій проситъ отмѣнить приговоръ особаго присутствія и дать дѣлу дальнѣйшее законное направленіе.

Дополнительная кассационная жалоба защитника Петра Скитскаго, пр. пов. В. П. Куликова, отмѣчаетъ встрѣчающіяся въ приговорѣ существенныя противорѣчія съ протоколомъ засѣданія, съ самимъ собою и съ собственными выводами. Такъ, въ одномъ мѣстѣ приговора указывается, что Комаровъ употреблялъ на ходьбу на свою дачу отъ 35 до 45 минутъ, а въ другомъ мѣстѣ сказано—отъ 45 до 55 мн., а это противорѣчіе имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ эта цифра служитъ основаніемъ для вычисления времени прихода Комарова къ мостику и опредѣленія возможности прибытія Скитскихъ къ тому же мостику въ моментъ нахождения тамъ Комарова. Далѣе, въ приговорѣ относительно плановъ мѣстности сказано, что, по словамъ землемѣра Соловьева, масштабъ вездѣ выдержанъ вѣрно; въ протоколъ же указывается, что Соловьевъ сказалъ, что нѣкоторые мѣста онъ измѣрялъ шагомъ, другія же внесены на планъ на глазъ. Въ протоколъ показаніе Бородаевой записано такъ, что она могла видѣть бѣгущихъ 15-го, а въ приговорѣ говорится, что это не могло быть ни 12, ни 13, ни 15-го; объ актѣ вскрытія сказано, что онъ произошелъ 15 іюля, въ дѣйствительности это было 16-го. Показаніе Поповой подвергается сомнѣнію, потому что она дала совершенно точное и категорическое указаніе на такое обстоятельство, которое для нея самой представлялось безразличнымъ, и притомъ впервые спустя 1 ч. и 8 м. послѣ событія. Въ протоколъ же говорится, что Попова показала, что ее по этому поводу допрашивала 4 раза полиція, и спрощенный снова Червоненко показалъ, что по порученію полиціймейстера онъ допрашивалъ Попову.

Частный повѣренный Зеленскій въ своей кассационной жалобѣ касается неправильностей полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія.

Въ дѣлѣ имѣются два постановленія судебнаго слѣдователя, отъ 16 іюля и 23 августа 1897 г. (т. 1 л. 1 и 293), о томъ, что „въ виду дошедшихъ слуховъ, что убитый Комаровъ, какъ секретарь консисторіи, имѣлъ много враговъ изъ числа служившихъ и служащихъ въ консисторіи, то поручить при розыскахъ виновныхъ убійствъ обратиться особенное вниманіе, кто изъ консисторскихъ былъ особенно вѣдомъ на Комарова и проверить, гдѣ находились тѣ лица во время совершенія убійства, т. е. 14 іюля отъ 2 до 4 часовъ дня“. Изъ находящагося въ дѣлѣ списка, присланнаго изъ духовной консисторіи, уволенныхъ лицъ, видно, что за трехлѣтній періодъ секретарства Комарова изъ Полтавской духовной консисторіи ушло 40 человѣкъ. Несмотря на это, никакого обслѣдованія въ этомъ направленіи сдѣлано не было, и постановленія эти остались лишь мертвой буквой. Слѣдствіе не заинтересовалось даже узнать, кто нашелъ трупъ Комарова. Лица эти на предварительномъ слѣдствіи не допрошены. Осталась совершенно неизслѣдованной домашняя обстановка покойнаго, его письменный столъ; ничего не сдѣлано въ направленіи того обстоятельства, что уходъ Комарова со службы часомъ ранѣе былъ заранѣе извѣстенъ (онъ говорилъ объ этомъ женѣ), и можно предположить, что наканунѣ убійства ему назначено было свиданіе въ видѣ приманки. Не изслѣдованы совершенно обстоятельства, связанныя съ найденной въ карманѣ убитаго записки жены его: „если да—балъ будетъ; нужны закуски, о! о!“ Платье убитаго было возвращено женѣ его, и остался невыясненнымъ вопросъ, откуда взялась на брюкахъ покойнаго сѣровая глина. Не произведено осмотра дороги, по которой С. Скитскій, по его словамъ, велъ пьянаго брата купаться,

и вообще не произведено осмотра мѣстности и. т. п.

Правительствующій Сенатъ неоднократно разъяснялъ, что въ цѣляхъ правосудія, для достиженія матеріальной истины, насколько такова доступна человѣческому разуму, требуется всестороннее изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и что нельзя довольствоваться привлеченіемъ, подъ видомъ виновныхъ, лицъ ни въ чемъ неповинныхъ, лишь бы былъ преступникъ. Этотъ принципъ высшей справедливости, составляющій задачу правосудія, по отношенію къ Скитскимъ не исполненъ, такъ какъ все изслѣдованіе дѣла основано на явныхъ промахахъ и пробѣлахъ слѣдствія, а обвиненіе—на данныхъ, подлежащимъ образомъ не проверенныхъ, искусственно получившихъ окраску непреложныхъ истинъ. Такое отношеніе слѣдственной и обвинительной власти въ столь важное дѣлѣ повлекло за собою весьма печальныя послѣдствія для Скитскихъ—невиновное осужденіе и 12-лѣтнюю каторгу, для правосудія—страшную судебную ошибку—осужденіе виновныхъ. Исправленіе этихъ нарушеній закона и справедливости во власти Пр. Сената, въ виду чего защитникъ и проситъ постановленіе Харьк. суд. палаты и составленный о Скитскихъ обв. актъ о преданіи ихъ суду, по обвиненію ихъ по 1450, 1451 ст. ул. о нак. въ убійствѣ Комарова отмѣнить со всеми послѣдствіями и направить дѣло это къ новому дослѣдованію, такъ какъ, въ виду открывающихся новыхъ доказательствъ при подробномъ и тщательномъ изслѣдованіи дѣла, невиновность Скитскихъ будетъ несомнѣнно установлена.

Послѣ доклада слово было предоставлено присяжному повѣренному Н. П. Карабчевскому, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

Гг. сенаторы! Въ виду подробнаго изложенія мною, въ самой жалобѣ доводовъ относительно каждого изъ намѣченныхъ въ ней кассационныхъ нарушеній, а также въ виду того, что жалоба присяжнаго повѣреннаго Куликова приводитъ лишь въ качествѣ дополненія 3-го пункта моей жалобы, я коснусь въ моей рѣчи одновременно обѣихъ жалобъ, и притомъ лишь настолько, насколько изложенное въ нихъ можетъ требовать развитія и присяженія. Что касается до кассационной жалобы третьяго защитника Скитскихъ, г. Зеленскаго, трактующей объ отмѣнѣ преданія суду въ виду неполноты и недостатковъ предварительнаго слѣдствія, то я не стану вовсе касаться ея, тѣмъ болѣе, что г. Зеленскій находится здѣсь, и если пожелаетъ, можетъ представить лично свои объясненія Правительствующему Сенату.

Начну съ 1-го пункта моей жалобы. Обвинительный актъ устанавливаетъ, что убійство Комарова учинено Скитскими „изъ мести вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ на служебной почвѣ“. З. п. 1451 ст. улож. о наказ., по которой квалифицируется это преступленіе, говоритъ объ убійствѣ подчиненнымъ начальника или рабочимъ господина и т. п. въ томъ же смыслѣ усиленія наказанія, какъ и ст. 1449 говоритъ объ убійствѣ отца или матери. Говоря о послѣднемъ преступленіи, будетъ правильно выразиться, что оно есть преступленіе возникающее на „семейной почвѣ“ и инымъ оно быть и не можетъ, какъ равно, правильно говоря о специфическомъ преступленіи—убійствѣ подчиненнымъ начальника—выразиться, что преступленіе это непременно предполагаетъ „служебную почву“, ибо въя officially-служебной сферы ятъ подчиненныхъ и начальниковъ. Но мнѣ могутъ возразить: это не болѣе, какъ неточная и неполная формулировка обвинительнымъ актомъ обвинительнаго пункта, повторенная въ столь же неудачной редакціи въ вѣдѣхъ и въ резолютивной части приговора. Въ виду особаго присутствія были очевидно фактически данныя того, что убійство согласно признакамъ 201 ст. уст. уг. суд. было совершено „при, или по

поводу исполненія Комаровымъ своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей“ и невнесеніе этого признака упущено лишь по оплошности или недоразумѣнію. Смѣю думать, что это не такъ, не говоря уже о томъ, насколько мы въ правѣ приписывать судебному мѣсту столь существенные промахи по оплошности или недоразумѣнію. Возьмемъ то мѣсто изъ приговора, которое по существу воспроизводитъ психологическіе моменты преступнаго событія, т. е. провѣримъ: что же именно по внутреннему существу дѣянія приписывается подсудимымъ? Мы читаемъ: „анализируя всѣ вышеприведенные мелочные факты (отзывы, слова сказанныя С. Скитскимъ и проч.) изъ области отношеній Степана Скитскаго къ Комарову и оцѣнивая ихъ со стороны внутреннего значенія, особое присутствіе палаты не можетъ не прійти къ заключенію, что въ совокупности своей они указываютъ на постепенно все болѣе и болѣе развивавшіяся въ Скитскомъ *чувства недружелюбія* къ Комарову, перешедшія затѣмъ *во вражду*, которая разрастаясь въ немъ, скрытно для посторонняго наблюдателя подготовила и *мстительныя чувства*“... И только! Если сократить многословіе и постараться тоже самое выразить возможно кратко пришлось бы сказать: „служба съ нимъ вмѣстѣ возненавидѣлъ человѣка“. Но развѣ въ этомъ заключаются признаки 201¹ ст. уст. уг. суд., измѣняющей самую подсудность за убійство. Эта статья закона основана на Высочайшемъ утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 9 мая 1878 г. Изъ отчета Государственнаго Совѣта за тотъ же годъ можно усмотрѣть и мотивы, приведшіе законодателя къ необходимости измѣненія подсудности нѣкотораго рода дѣлъ въ интересахъ вящей охраны и огражденія власти въ лицѣ ея должностныхъ агентовъ. Новый порядокъ подсудности былъ установленъ въ разсужденіе того, что ранѣе (при изданіи судебныхъ уставовъ) невозможно было предвидѣть чрезвѣрнаго проявленія случаевъ насилія и сопротивленія правительственнымъ органамъ и что послѣдовательное повтореніе подобныхъ преступленій, а также обнаруживавшаяся при совершеніи оныхъ необычайная дерзость указывали на недостаточность способовъ, коими располагало правительство для борьбы съ ними. Итакъ, въ чемъ же центр тяжести исключительной подсудности для такого рода дѣлъ? Очевидно въ томъ намѣреніи преступника или вѣрнѣе въ томъ *animus* въ самаго преступленія, которое, въ томъ или иномъ случаѣ наслія надъ должностнымъ лицомъ содержится. Вотъ почему законъ, говоря „при“ или „по поводу исполненія служебныхъ обязанностей“ имѣетъ въ виду не лицо, а то служебное дѣйствіе его, или рядъ дѣйствій, протестомъ противъ коихъ является насиліе или даже самое убійство. Представимъ себѣ убійство подчиненнымъ начальника изъ ревности, изъ корысти, изъ какихъ угодно побужденій, но только не во имя противодѣйствія его „порядку управленія“, на лицо будетъ все тотъ же 3 п. 1451 ст. улож. о наказ. (убійство начальника), но не будетъ, конечно, особой подсудности, опредѣляемой 201¹ ст. уст. уг. суд. Выраженіе—„отношенія, возникшія на служебной почвѣ“, по своей неопредѣленности ровно ничего не даетъ и дать не можетъ. Представимъ себѣ такой хотя бы совершенно невозможный въ дѣйствительности, но логически вообразимый случай: зная, что по порядкамъ данаго вѣдомства помощникъ непременно замѣщаетъ начальника послѣ его смерти, помощникъ отравляетъ начальника, чтобы занять его мѣсто. Это будетъ чудовищное преступленіе, это будетъ 3 п. 1451 ст., т. е. убійство начальника, это будетъ несомнѣнно и „на служебной почвѣ“,—но это не будетъ, однако, 201¹ ст. уст. уг. суд., съ ея чрезвычайною и исключительною подсудностью. Нужно ли мнѣ еще добавлять, что всякій сепаратный законъ, всякое исключеніе изъ общаго правила, а таковымъ именно и является ст.

201¹—по отношенію къ ст. 200 и 201 того же устава угол. суд., согласно нашимъ основнымъ законамъ, не терпитъ вовсе распространительнаго толкованія и должна быть строго примѣняема лишь въ точно указанныхъ случаяхъ.

Высказанныя выше соображенія укрѣпляютъ меня въ убѣжденіи о совершенной правильности перваго тезиса, выставленнаго въ моей кассационной жалобѣ, т. е. въ томъ, что преданіе суду Скитскихъ особому присутствію Харьковской судебной палаты, взаменъ преданія ихъ нормальному суду, т. е. Полтавскому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, неправильно и не обосновано закономъ.

Перехожу ко второму кассационному нарушенію. Здѣсь прежде всего возникаетъ повидимому вопросъ относительно достовѣрности сдѣланнаго мною указанія. До перваго разбора дѣла въ Полтавѣ состоялось или нѣтъ особое опредѣленіе судебной палаты о необходимости открыть засѣданіе именно въ Полтавѣ, а не въ Харьковѣ? Изъ доклада можно было понять, что такого опредѣленія, какъ это полагаютъ и особое присутствіе, вовсе, будто, бы не было. Однако же на чьей сторонѣ недоразумѣніе? И въ чемъ собственно самое недоразумѣніе? Вѣдь, того безспорнаго факта, что въ первый разъ дѣло разбиралось именно въ Полтавѣ никто же отрицать не станетъ. Нельзя отрицать и содержанія 138¹ ст. учр. суд. установлений, которая гласитъ: „засѣданія по дѣламъ, означеннымъ въ ст. 201¹ уст. уг. суд. открываются или въ томъ городѣ, гдѣ учреждена палата, или же, въ случаѣ надобности, въ одномъ изъ городовъ подсуднаго ей округа по опредѣленію о семъ палаты“. Итакъ, безъ особаго опредѣленія палаты дѣло не могло быть назначено въ г. Полтавѣ. Да такое опредѣленіе и имѣется въ дѣлѣ, но лишь съ маленькою канцелярскою погрѣшностью. Это—опредѣленіе отъ 22 декабря 1897 г. Оно составлено по печатному бланку и послѣ словъ „засѣданіе открыть въ г.“ (т. е. въ городѣ), самый городъ не проставленъ. Конечно, погрѣшность, свидѣтельствующая о небрежности, при составленіи судебныхъ актовъ дѣло нежелательное, но ее всего менѣе можно поставить въ вину кассатору; во всякомъ случаѣ еще менѣе, чѣмъ ту случайную ошибку переписчика въ номераціи статьи, заговорившей вдругъ, ни съ того ни съ сего, въ дѣлѣ Скитскихъ „о церковномъ покаяніи“, когда они грѣха не совершили, ошибку констатированную г. сенаторомъ-докладчикомъ. Наконецъ, если бы „открытіе засѣданія“ въ первый разъ по опредѣленію палаты именно въ г. Полтавѣ, все таки, нуждалось въ официальномъ подтвержденіи, то и такое имѣется на лицо. Открытіе засѣданія имѣло мѣсто именно въ г. Полтавѣ, стало быть опредѣленіе значенія буквы „г“ послѣ словъ „открытіе засѣданіе“, по меньшей мѣрѣ, въ смыслѣ апостеріорнаго его толкованія не можетъ уже встрѣчать сомнѣній. Въ предложеніи г. прокурора палаты отъ 16 января 1899 г. на имя г. старшаго предсѣдателя палаты (передъ вторичнымъ назначеніемъ къ разбору дѣла о Скитскихъ) прямо значится, что дѣло въ первый разъ слушалось въ Полтавѣ, но что теперь онъ, прокуроръ, проситъ распоряженія предсѣдателя о томъ, чтобы дѣло не слушалось въ Полтавѣ, а слушалось въ Харьковѣ и выставляетъ при этомъ два основанія; во 1-хъ—неудобство пополненія сословныхъ представителей, во 2-хъ—совершенно неприличное поведение полтавской публики, бывшей въ судѣ при первомъ разборѣ дѣла. Недоразумѣніе съ точки зрѣнія фактической должно, такимъ образомъ, считаться устраненнымъ. Теперь возникаетъ уже чисто юридическій и притомъ капитальный вопросъ: какъ далеко простирается единоличная власть предсѣдателя въ дѣлѣ „открытія засѣданія“ въ томъ или другомъ городѣ, причѣмъ сообразно съ этимъ измѣняется и составъ сословныхъ представителей. На предложеніи г. прокурора имѣется никѣмъ не подписанная помѣтка—„имѣть въ виду при назна-

чені дѣла къ слушанію“, а затѣмъ ниже уже за подписью г. председателя: „назначить въ Харьковѣ“.

Обращаясь къ тексту 138¹ ст. учр. суд. установ. я прежде всего нахожу, что неправильно было бы толковать его (какъ это дѣлаетъ особое присутствіе) въ томъ смыслѣ, что коренное правило: разбирать дѣло въ городѣ, гдѣ находится палата, а въ экстренномъ исключительномъ случаѣ возможно и въ другомъ городѣ подвѣдомственнаго ей округа. Подобнаго преимущественнаго тяготѣнія къ городу, гдѣ учреждена палата, въ законѣ не содержится. Да и по духу нашихъ законовъ о подсудности по мѣсту совершения преступленія это было бы неумѣстно. Наоборотъ, основной по этому предмету законъ желаетъ и требуетъ (208 ст. уст. уг. суд.), чтобы дѣло разбиралось именно тамъ, гдѣ совершилось и изслѣдывалось преступленіе. И въ ст. 138¹ учр. суд. установленій стоятъ параллельно два „или“: или въ городѣ, гдѣ учреждена палата, или же и т. д. Если бы законодатель отдавалъ предпочтеніе городу, гдѣ учреждена палата, первое „или“, предупреждающее объ условности слѣдующаго затѣмъ текста, грамматически и логически было бы излишне. Но этого мало: разъ мы признаемъ, что слушаніе дѣла въ Полтавѣ состоялось вслѣдствіе опредѣленія палаты, лишь отъ самой палаты, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, могла зависѣть отгѣна первоначальнаго частнаго опредѣленія, не отгѣннаго при первой кассациі и Правительствующимъ Сенатомъ. Въ виду изложеннаго я нахожу, что г. старшій предсѣдатель вышелъ изъ предѣловъ принадлежавшей ему власти, назначивъ, помимо опредѣленія отомъ палаты, дѣло слушаніемъ въ Харьковѣ и пригласивъ въ составъ присутствія ненадлежащихъ сословныхъ представителей.

Нужно ли къ этому прибавлять, что обсужденіе затѣмъ заявленнаго нами отвода противъ сословныхъ представителей при участіи ихъ же самихъ въ обсужденіи этого отвода, является противнымъ не только буквѣ, но и глубочайшимъ изгибамъ „духа“ закона.

Минуя временно третій, самый обширный отдѣлъ моей кассационной жалобы, состоящей въ критическомъ анализѣ приговора вообще съ точки зрѣнія требованій закона, такъ какъ я имѣю въ виду повятить ему конецъ моей рѣчи, я остановлюсь въ настоящее время на самомъ существенномъ, съ моей точки зрѣнія, нарушеніи, допущенномъ особымъ присутствіемъ. Рѣчь идетъ объ отказѣ намъ въ осмотрѣ мѣстности. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ этотъ вопросъ чистѣйшаго „существа“ можетъ оказаться вопросомъ кассационнымъ, а между тѣмъ въ данномъ дѣлѣ онъ именно таковъ. Мнѣ извѣстны всѣ рѣшенія Правительствующаго Сената, отвергающія возможность кассациі по этому предмету. Они сводятся къ такому положенію: Сенатъ не въ силахъ, не входя въ разсмотрѣніе существа дѣла, проверить, насколько былъ бы полезенъ, или даже необходимымъ мѣстный осмотръ, черезъ отдѣльнаго командированнаго члена, или дѣльмъ составомъ присутствія. Это положеніе бесспорно. Но при этомъ суду, разсматривающему дѣло по существу, вмѣняется въ обязанность законно мотивировать свой отказъ, дабы Правительствующій Сенатъ могъ убѣдиться, что мотивы обсужденія и привели судебное мѣсто къ закономѣрному отказу. Въ данномъ случаѣ именно такой закономѣрности въ отказѣ не существуетъ. Четыре раза защита послѣдовательно ходатайствовала о производствѣ осмотра. Въ первый разъ, во время подготовительныхъ къ суду дѣйствій, затѣмъ въ первый же день судебного засѣданія, въ теченіе засѣданія и, наконецъ, передъ заключеніемъ судебного слѣдствія. Первое ходатайство не было вовсе разсмотрѣно палатою, какъ признанное подлежащимъ обсужденію въ засѣданіи особымъ присутствіемъ. Второе было признано несвоевременнымъ, третье—

преждевременнымъ и, наконецъ, уже въ четвертый разъ особое присутствіе мотивированнымъ опредѣленіемъ отказало защитѣ въ производствѣ осмотра. Первые три опредѣленія, стало быть, въ счетъ не идутъ и лишь послѣднее подлежитъ нашей оцѣнкѣ съ точки зрѣнія допущенныхъ именно этимъ опредѣленіемъ кассационныхъ нарушеній.

Я долженъ сдѣлать здѣсь маленькую оговорку. Во время доклада я не слышалъ одного моего кассационнаго довода, подробно развитаго въ III отдѣлѣ жалобы, но приурочиваемаго мною всецѣло и къ настоящему отдѣлу жалобы. Палата въ самомъ началѣ своего приговора заявила, что „устраняетъ отъ себя всякую оцѣнку недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія“. Всю степень неправильности подобнаго положенія я буду имѣть честь высказать въ послѣдней части моей рѣчи, въ настоящее же время лишь почтительнѣйше прошу имѣть его въ виду. Отказъ палаты въ производствѣ осмотра на мѣстѣ мотивированъ двумя основаніями. Первое основаніе заключается по мнѣнію палаты въ томъ, что настоящее дѣло, не представляетъ будто бы условій, наличность коихъ необходима для примѣненія 688 и 689 ст. уст. уг. суд., а второе, — что показаніе Бородаевой не есть „новое доказательство“, почему просьба объ осмотрѣ мѣстности для опроверженія ея показанія несвоевременна.

Послѣднее указаніе палаты не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ, хотя просьба о вызовѣ Бородаевой и была заявлена г. прокуроромъ до втораго засѣданія, но въ его предложеніи о вызовѣ этой новой свидѣтельницы не было вовсе указано, гдѣ именно она видѣла „двухъ людей спѣшившихъ къ мѣсту убійства кратчайшимъ путемъ“; такъ что о мѣстѣ, указанномъ г-жею Бородаевою, стало впервые извѣстно только изъ ея показанія. Но независимо отъ этого, для примѣненія 688 и 689 ст. у. с. никакихъ сроковъ въ законѣ и не указано. Сроки эти естественно исчерпываются продолженіемъ всего судебного засѣданія. Во время всего судебного слѣдствія судъ въ правѣ, по замѣчанію сторонъ или по собственному своему усмотрѣнію назначить производство осмотра или же всѣмъ составомъ выѣхать на мѣсто, подлежащее такому осмотру. Стало быть, палата неправильно сослалась на какія то якобы формальныя препятствія, обусловленные срокомъ заявленія со стороны защиты своего ходатайства. Кромѣ того, и во время подготовительныхъ къ суду дѣйствій отъ защиты поступило аналогичное письменное ходатайство, когда ни о какомъ пропускѣ срока уже не могло быть и рѣчи. Второе основаніе къ отказу въ ходатайствѣ защиты заслуживаетъ еще большаго вниманія. Въ немъ таится (съ точки зрѣнія юриста, разумѣется) поистинѣ трагическое положеніе, въ которое палата сама себя поставила. Она добровольно очутилась между Сциллой и Харибдой. Устраняя себя, какъ указано выше, „отъ оцѣнки недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія“, особое присутствіе, повидимому, забыло, что 688 ст. у. уг. суд., допускающая новый осмотръ на мѣстѣ, именно и приглашаетъ его предварительно признать „протоколъ осмотра неимѣющимъ законной достовѣрности или надлежащей полноты“. Одна неправильность естественно родитъ другую. Чтобы рѣшить нуженъ ли осмотръ на мѣстѣ, необходимо установить неполноту и недостовѣрность акта предварительнаго слѣдствія, но чтобы сдѣлать это, нужно же войти въ оцѣнку недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія, а между тѣмъ особое присутствіе заранѣе торжественно „устранило“ отъ себя такую оцѣнку, считая предварительное слѣдствіе почему то формально неприкосновеннымъ. Немудрено, что съ вопросомъ объ осмотрѣ мѣстности оно попало въ заколдованный, магической кругъ, изъ котораго не было уже выхода. При такихъ условіяхъ голословное утвержденіе особаго присутствія, что для наличности осмотра не оказалось въ наличности за-

конныхъ условій, предусмотрѣнныхъ 688 и 689 ст. уст. уг. суд., представляется лишь формальною отпискою, лишенною законной силы и содержания. О существенности подобнаго нарушения едва ли нужно говорить. Стоитъ вспомнить, какъ случайны и несовершенны были тѣ планы и наброски, которыми пользовалась палата при допросѣ свидѣтелей, указывавшихъ на ту или другую мѣстность, чтобы понять, съ какимъ безильнымъ отчаяніемъ безпрерывно возобновлялись ходатайства защиты объ осмотрѣ мѣстности. Ея домогательства не только не были услышаны, но, хуже того, онѣ—не были законно разрѣшены.

Миную, гг. сенаторы, совершенно нѣкоторыя нарушения, отмѣченныя въ моей жалобѣ, не потому, чтобы я усумнился послѣ доклада въ ихъ наличности, но лишь потому, что степень существенности ихъ представляется для меня самою сомнительною. Тотчасъ послѣ осужденія, которое считаешь несправедливымъ, сгоряча ищешь во всемъ причины и объясненія такого ненормальнаго явленія. Въ одной газетѣ я, напримѣръ, съ горечью прочелъ, что Скитскимъ могло повредить и то, что я былъ „слишкомъ“ краснорѣчивъ. Если уже это, то тѣмъ болѣе краснорѣчье частной обвинительницы Комаровой или неполнота заключенія экспертовъ, на что и сдѣланы мною указанія въ кассационной жалобѣ. Но я теперь не настаиваю на этомъ. Последствія подобнаго нарушения, особенно когда на лицо имѣются нарушения гораздо болѣе яркія и, такъ сказать, грубыя, слишкомъ неуловимы и гадательны. Скажу лишь нѣсколько словъ по поводу порядка допроса свидѣтелей, подчиненныхъ преосвященному Иларіону, и пользованія судомъ въ судебныхъ доказательствахъ—фотографическими снимками. Въ протоколѣ есть указаніе на то, что я просилъ допрашивать свидѣтелей, священниковъ Мазанова, Уралова и другихъ въ отсутствіи преосвященнаго, ихъ непосредственнаго начальника. Судя въ постановленіи своемъ не подтверждаетъ, чтобы это лицо, также свидѣтель по дѣлу, непосредственно вмѣшивалось или вставляло свое слово въ показаніе другихъ свидѣтелей, но дѣлалось ли при этомъ движенія головой, въ смыслѣ отрицанія или утвержденія, судъ лишь „не замѣтилъ“. Но и это не важно, такъ какъ все же остается подѣ сомнѣніемъ. Далѣе, особое присутствіе удостоверяетъ въ своемъ постановленіи же нѣчто вполне несомнѣнное. Вотъ что тамъ сказано: „въ началѣ показанія священника Мазанова предсѣдатель просилъ его обращаться къ суду, *не стѣсняясь* присутствіемъ свидѣтеля преосвященнаго Иларіона“. Зачѣмъ же ставить свидѣтеля въ такое положеніе, чтобы онъ „могъ стѣсняться“, а онъ, очевидно, стѣснялся, ибо иначе непонятно было бы самое обращеніе г. предсѣдателя. Нужно вспомнить ту сугубую іерархическую подчиненность въ замкнутой духовной средѣ, которая присуща этому вѣдомству, чтобы понять, могли ли священники, подчиненные архіерею, не стѣсняться его присутствіемъ. Наконецъ, свидѣтель преосвященный Иларіонъ, какъ допрошенный уже свидѣтель, могъ занять самое почетное мѣсто въ залѣ—за судьями, но зачѣмъ же понадобилось ставить свидѣтеля непосредственно передъ архіереемъ такъ, что само особое присутствіе въ глазахъ свидѣтеля уже оставалось какъ бы на второмъ планѣ. Если это была „очная стачка“ двухъ свидѣтелей, то она была несвоевременна, а стало быть и незаконна; если это была простая случайность, ее слѣдовало устранить тотчасъ же, какъ было замѣчено стѣсненіе свидѣтеля, а не ограничиваться бездѣльнымъ въ отношеніи робкаго чловѣка и потому вполне платоническимъ приглашеніемъ „не стѣсняйся“. Я думаю, что въ судебномъ залѣ, гдѣ должна царить истина, интересы истины, и только истины, въ правѣ предписывать и свой собственный этикетъ.

Когда въ Харьковѣ, послѣ выхода судей изъ совѣщанія, предсѣдатель только что объявилъ, что Скитскіе осуждены на 12 лѣтъ каторги, раздался почти истерической вопль моего молодого товарища по защитѣ, присяжнаго повѣреннаго Куликова: „г. предсѣдатель, я прошу занести въ протоколъ, что особое присутствіе во время совѣщанія *пользовалось* фотографическими снимками, не предъявленными сторонамъ“. Безъ всякой оговорки такъ это и значится въ протоколѣ. Только по поводу моей жалобы, особое присутствіе нашло нужнымъ какъ бы оговориться что „снимки (какъ и все производство) дѣйствительно находились въ совѣщательной комнатѣ“. Неужели намъ еще можетъ предстать задача, какъ-нибудь особенно доказать, что особое присутствіе, дѣйствительно ими, пользовалось.

Полагаю, что отъ такого *onus probandi* мы избавлены самою палатою; отъ нея самой зависѣло торжественно тутъ же, велѣдъ за вошемъ Куликова, объявить, что она ими „не пользовалась“. Это было бы занесено въ протоколъ. Но объявить это было невозможно, такъ какъ самое заявленіе Куликова вызвано было тѣмъ, что пакетъ съ фотографіями былъ затребованъ изъ канцеляріи уже во время совѣщанія. Иначе, откуда-бы мы узнали о фотографіяхъ, не фигурирующихъ вовсе въ дѣлѣ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, о которыхъ напримѣръ я, какъ защитникъ, даже не имѣлъ ни малѣйшаго представленія.

Долженъ ли я идти далѣе и выяснить еще неправильность подобнаго пользованія въ судебныхъ доказательствахъ. Что же останется отъ судебныхъ уставовъ, если отнять у нихъ и послѣднее—начало состязательности и равноправности сторонъ.

Я хорошо помню, г. первоприсутствующій, ваше предупрежденіе о томъ, чтобы мы не касались существа дѣла. Особенно ярко я припоминаю его въ настоящую минуту, такъ какъ перехожу къ 3-му отдѣлу жалобы, содержащему въ себѣ многочисленныя указанія на неправильность приговора съ точки зрѣнія велѣвія закона (ст. 776 и 797 уст. уг. суд.), чтобы приговоръ былъ обоснованъ всею совокупностью обстоятельствъ дѣла и содержалъ въ себѣ „соображенія обвиненія съ представленными по дѣлу доказательствами и уликами“. Но я, надѣюсь, не выйду изъ положенныхъ предѣловъ. Если бы противъ моей воли это и случилось, прошу васъ вѣрить, что это произошло не изъ намѣренія не подчиниться вашему распоряженію, а исключительно только благодаря трудности самой задачи, такъ какъ всѣ затрагиваемые мною вопросы безпрестанно и вполне естественно соприкасаются съ существомъ дѣла, въ смыслѣ существенности того или иного нарушения. Въ самомъ дѣлѣ,—чѣмъ звучать всѣ эти оговорки и предупрежденія закона объ обоснованности приговоровъ, когда судья дано широкое право судить „по внутреннему своему убѣжденію?“ Свобода совѣсти судьи непререкаема и священна, а между тѣмъ дѣятельность ея обставлена цѣлымъ рядомъ указокъ, напоминаній и предостереженій. Чѣмъ инымъ, какъ не совокупностью такихъ указокъ и предостереженій является вся совокупность статей уголовного и гражданскаго судопроизводства. Чего же боится законодатель, ставя вѣха на всѣхъ перекресткахъ, по пути, по которому, повидимому свободно, должно слѣдовать внутреннее убѣжденіе судьи? Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ идея правосудія, (а когда ея не было?) она боится только одного: произвола судьи! Это понятно. Задача правосудія: найти истину, а произволъ всего хуже уживается съ истиной, потому что истина—одна, а произволъ безграниченъ. Были такія, хотя историческія, не еще совершенно наивныя времена, когда люди, прямо-таки, не смѣли искать истины, они совершенно не полагались на себя въ дѣлѣ отправленія правосудія и представляли исключительно „Суду Божию“ утолять ихъ правосудную

жаду. Времена ордалий, испытанія огнемъ и водою, судебного поля и т. п., черезъ которыя прошли почти все народы. Наступили затѣмъ мрачныя и жестока времена для правосудія—огненная полоса пытокъ и потоковъ крови, и все во имя того же добыванія истины. Смѣшно сказать, но и тутъ боязнь произвола преслѣдовала мрачныя и кровавадыя приемы судебного изслѣдованія. Различались допросы „малый“ и „большой“; число поворотовъ винта, которымъ стискивался желѣзный обручъ на голову пытуемаго, степенъ накалыванія желѣза, которымъ прикасалась его обнаженная грудь—все это было тщательно зарегистрировано, обусловлено дробными велѣніями всевозможныхъ ордонансовъ и статутовъ. Наконецъ, крайнимъ, я сказалъ бы идеальнымъ, выраженіемъ этой боязни произвола судьи явилась, такъ называемая, теорія формальныхъ доказательствъ. Этою теоріею формальныхъ уликъ судья, словно средневѣковый рыцарь, былъ закованъ въ тяжеловѣсныя латы. Въ нихъ онъ былъ похожъ скорѣе на манекена, чѣмъ на живое существо, не могъ повернуть головы, чтобы оглянуться назадъ, и долженъ былъ разить всегда только въ одномъ направленіи. Это было уже слишкомъ. Но боязнь произвола у правосудія осталась и въ минуты самаго прихотливаго и вольнаго расцвѣта на все посягавшей философской мысли, укладываясь въ первобытную и простѣйшую формулу одного лишь „строгаго силлогизма или соразсужденія“, обязательнаго для судьи. Никогда не признавалось, чтобы судья могъ сказать $2 \times 2 = 5$, а не четыре. Наши судебныя уставы, провозглашавшіе принципъ судебной независимости и торжества внутренняго убѣжденія судьи, не были также чужды опасенія произвола. Изъ разсужденій, помѣщенныхъ подъ 766 ст. уст. уг. суд. изданія государственной канцеляріи (стр. 264 и слѣд.), видно, что при разсмотрѣніи этой статьи предполагалось включить въ уставъ извѣстныя правила, которыя бы могли служить для суда руководствомъ при сужденіи о силѣ доказательствъ. Предположеніе это было отклонено не въ видахъ предоставленія свободы совѣсти судей, но только потому, что правила по сему предмету выработаны наукою и судебною практикою, должны быть извѣстны членамъ судебныхъ мѣстъ, какъ лицамъ, получившимъ высшее юридическое образованіе, и будутъ, въ силу 801 ст. уст. уг. суд., объясняемы присяжнымъ засѣдателямъ председателемъ суда. Не вина, конечно, составителей судебныхъ уставовъ, что они не предвидѣли въ то время и такихъ судебныхъ учреждений, въ которыхъ не все члены съ юридическимъ образованіемъ и въ которыхъ присяжные засѣдатели замѣняются сословными представителями, которымъ не преподается никакихъ объясненій.

Начиная съ 1899 года Правительствующій Сенатъ въ рядѣ принципиальныхъ своихъ рѣшеній (1889 № 34, 1891 № 31, 1895 г № 24) обратилъ самое строгое вниманіе на порядокъ составленія и обоснованія приговоровъ, постановляемыхъ судебными мѣстами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Онъ положительно и настойчиво требуетъ, чтобы судебное учрежденіе, постановляющее приговоръ, „съ подробностью и ясностью указывало тотъ путь, по которому оно слѣдовало въ своихъ разсужденіяхъ о значеніи установленныхъ имъ фактовъ въ смыслъ вины или невинности обвиняемаго“. Рядомъ съ этимъ Сенатъ требуетъ, чтобы внутреннее убѣжденіе судьи вытекало изъ совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, такъ какъ, закрывъ хотя бы неумышленно глаза на вѣкоторыя изъ нихъ, легко обмануть свою собственную совѣсть.

Если подойти съ этими требованіями къ приговору особаго присутствія Харьковской судебнаго палаты о Скитскихъ, прежде всего бросится въ глаза, что оно произвольно исключило изъ области своей свободной судейской, т. е. критической оцѣн-

ки, цѣлый отдѣлъ слѣдственнаго матеріала. Оно рѣшило не критиковать и не оцѣнивать вовсе предварительнаго слѣдствія. А между тѣмъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ трехъ членовъ, пришедшихъ къ прямо противоположному выводу о невинности Скитскихъ, содержится такая оцѣнка. Кто же правъ? Въ какомъ соотношеніи находятся между собою слѣдствія предварительное и судебное? Предварительное слѣдствіе, во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ оно требуется, ограниченно связано съ слѣдствіемъ судебнымъ. Многіе дѣйствія и акты предварительнаго слѣдствія ничѣмъ ни восполнены, ни замѣнены быть не могутъ. Безъ нихъ нельзя обойтись; не ввести ихъ въ кругъ судейской оцѣнки, прямо-таки, невозможно и немисливо. По образному сравненію, слышанному мною нѣкогда здѣсь, въ этой-же самой затѣ, предварительное и судебное слѣдствія—только два разныхъ этажа одного и того же зданія. И это совершенно вѣрно. Быть можетъ, предварительное слѣдствіе только подвальный этажъ, но за то онъ все ближе къ фундаменту. Какъ возможно расположиться комфортабельно и удобно правосудію въ верхнемъ этажѣ, не заглянувъ даже въ этажъ подвальный, тѣмъ болѣе, что именно въ немъ, какъ дозано, такъ свойственно совамъ и филинамъ вить свои гнѣзда, ютиться и лгучимъ мышамъ... Какъ же не распахнуть въ немъ окна, ради простой предосторожности. Мнѣ кажется, что устраненіемъ отъ своего разсмотрѣнія вопроса о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія палата устранила самую насущную и настоятельную судейскую творческую работу, безъ которой все дальнѣйшее ея выводы и положенія, какъ бы они архитектурны сами по себѣ ни были, лишены устоевъ, лишены вовсе фундамента.

Чтобы не быть голословнымъ, только для примѣра напомнимъ Правительствующему Сенату, что все разсужденія палаты о характерѣ мѣстности предполагаемаго мѣста убійства основаны на противорѣчивомъ и не проверенномъ протоколѣ предварительнаго слѣдствія, благодаря чему на сухой, потрескавшейся отъ жары землѣ появляется неожиданно сырая глина, а мѣстность, по которой люди идутъ и ѣздятъ безъ конца и которая находится въ виду жилой дачи именуется въ приговорѣ, со словъ предварительнаго слѣдствія, „глухою и безлюдною“.

Характерный эпизодъ съ утайкою перехваченнаго полиціею письма Петра Скитскаго вовсе замалчивается въ приговорѣ, такъ какъ уже заранее объявлено, что о недостаткахъ предварительнаго слѣдствія рѣчи не будетъ. Полагаю, что сказаннаго достаточно. Подойдя къ приговору со стороны его логическихъ дефектовъ, опять возможна проверка съ кассационной точки зрѣнія. Сенатъ неоднократно признавалъ, что не только обвинить, но даже предать суду нельзя на основаніи однихъ лишь предположеній. А между тѣмъ, чѣмъ, какъ не безспорно-мятущими водоворотомъ предположеній являются все эти, якобы, улики изъ показаній Бородаевой, Ткаченко и Кононенко. Что, кромѣ все того же недоумѣвающаго предположенія, вытекаетъ изъ этихъ показаній? Вѣдь, палата не приписываетъ ни Бородаевой, ни Ткаченко, чтобы они видѣли непременно убійцу или даже непременно Скитскихъ. Они видѣли въ разное время двухъ людей; но убійца ли?—не знаютъ, Скитскихъ ли?—не знаютъ. Какъ же отсюда логически (безъ совершенно произвольнаго предположенія) перешагнуть къ тому, что это и убійца, и вмѣстѣ Скитскіе.

Одинъ свидѣтель утверждаетъ, что утромъ видѣлъ С. Скитскаго въ городѣ съ „кошелкомъ“ въ рукахъ. Этого достаточно (для чего: для вывода или для предположенія?), чтобы палата въ приговорѣ объявила: въ этомъ кошелѣ Скитскіе могли нести къ мѣсту убійства водку, хлѣбъ, колбасу, веревку и все орудія убійства. Но вѣдь, по мнѣнію той же

палаты, Скитскихъ видѣла Бородаева и разглядѣла даже пуговицы; какъ же она не видѣла при нихъ обѣмистаго кошельа?

На мѣстѣ убійства найдена сороковка водки. Палата произвольно переименовываетъ ее въ бутылку (хотя это только $\frac{1}{2}$ бутылки) и затѣмъ объявляетъ: самъ Петръ не отрицаетъ, что въ это утро онъ купилъ бутылку водки. Но Петръ именно говорилъ о „бутылкѣ“, т. е. $\frac{1}{20}$ ведра.

Со стороны примѣненія юридическихъ правилъ оѣбъки уликъ приговоръ палаты заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Когда нужно дискредитировать свидѣтеля (Попову, Лазарева) — упоминается, что это свидѣтели „со стороны обвиняемаго“, и они утрачиваютъ уже значеніе въ глазахъ палаты. Брать, потому что онъ братъ, „естественный“ участникъ другаго обвиняемаго. Когда нужно опровергнуть алиби, идетъ свободное накидываніе 10 и 15 минутъ ко времени, устанавливаемому даже такою свидѣтельницею, какъ г-жа Комарова.

Мнѣ скажутъ, позволяте, все это „существо“, Сенатъ не касается и т. д. Позвольте, однако, гг. сенаторы, во имя чего творится правосудіе?

О „существо“ я не стану говорить, но о существовѣ существа я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ. Открыта ли истина и могла ли быть она открыта при данныхъ условіяхъ? Большинство, осудившее Скитскихъ за звѣрское убійство начальника въ засадѣ, сочло нужнымъ смятчить этимъ злодѣямъ наказаніе до минимума, т. е. на 2 степени. Если съестъ голоса при двукратномъ разбирательствѣ дѣла, оказывается, что изъ 14 голосовъ Петръ имѣетъ 8, т. е. большинство за невиновность, Стенанъ 7, т. е. ровно половину. И я совершенно сознательно, и думаю по праву могу спросить: убѣждены ли вы, что истина открыта въ этомъ дѣлѣ и что ее могло открыть особое присутствіе Харьковской судебной палаты, идя по тому пути, по которому оно шло? Въ подобнаго вопроса, въ подобной задачи раскрытія „существа существа“, т. е. истины, нѣтъ судебной процедуры, нѣтъ усилія судейской совѣсти, или они безцѣльны. Кому нужны сами по себѣ формы, обряды и буквы закона, если они не служатъ цѣлямъ правосудія, если они не ведутъ къ главной и единственной его задачѣ — направить на путь, ведущій къ открытію истины. Кассационныя учрежденія имѣютъ своихъ родоначальниковъ и очень древнюю генеалогію, дающихъ мнѣ основаніе не чуждаться доступнаго юристу историческаго толкованія ихъ задачи. Кассационный судъ — это дѣтище тѣхъ *propositiões d'erregit* (въчныхъ спутниковъ людскаго правосудія), которыми во Франціи, начиная съ XIV вѣка, вѣдали особые *conseils du roi*. Они занимались только тѣми дѣлами, въ которыхъ предполагалась судебная ошибка, и разсматривали ихъ вновь „по существу“. Въ 1667 году порядокъ пересмотра подобныхъ дѣлъ былъ окончательно измѣненъ, какъ оскорбительный для чести судей. На его-то развалинахъ и возникло кассационное производство, окончательно окрѣпшее и замкнувшееся послѣ первой французской революціи въ холодныя и строгія формы, ограждающія судей отъ жалости и состраданія.

Волящему о своей невиновности не позволено было больше ни рыдать, ни бить себя въ грудь. Онъ долженъ былъ передъ верховною кассационною инстанціею забыть о „существо“... даже если это „существо“ было его собственное. Формы кассационнаго производства наладились и, какъ хорошо смазанная колеса, пошли беззвучно въ ходъ. О невиновномъ осужденныхъ стало все рѣже и рѣже слышно. Задачи правосудія очевидно осуществлялись. Весь шумъ и назойливый гамъ детального „существа“ каждая отдѣльная дѣла осталась гдѣ-то тамъ, внизу, въ нисшихъ судахъ и инстанціяхъ. Но для кассационнаго судилища, очутившагоса одиноко наверху, осталась не меньшая отвѣтственность передъ правосудіемъ. Изъ всего этого копошащагоса гдѣ то внизу

„существа“, онъ не можетъ позволять ничего выработывать, кромѣ истины.

Если такова конечная задача кассационнаго производства, а она именно такова, то я не сомнѣваюсь, что приговоръ, которымъ Скитскіе признаны виновными, будетъ вами отмѣненъ, гг. сенаторы!

Послѣ Н. П. Карабчевскаго слово было предоставлено частному повѣренному М. Д. Зеленскому, произнесшему слѣдующую рѣчь:

Продолжительность засѣданія обязываетъ меня быть краткимъ въ своихъ объясненіяхъ Правительствующему Сенату.

Поданная мною кассационная жалоба содержитъ, главнымъ образомъ, указанія на нарушенія, допущенныя на предварительномъ слѣдствіи. Мнѣ хорошо извѣстно, что слѣдственные дѣйствія обжалованію въ кассационномъ порядкѣ не подлежатъ. Но нарушенія, указанные въ моей кассационной жалобѣ, являются исключительными, такъ какъ они послужили причиной не только неправильнаго преданія Скитскихъ суду, но и вызвали незаслуженное обвиненіе ихъ въ такомъ тяжкомъ преступленіи. Такія нарушенія предварительнаго слѣдствія по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената подлежатъ повѣркѣ и разсмотрѣнію въ кассационномъ порядкѣ. Весьма важнымъ и наиболее существеннымъ нарушеніемъ въ настоящемъ дѣлѣ является непроизводство осмотра дороги, идущей по спуску съ Фабрикантской улицы мимо еврейскаго кладбища къ тому мостику, гдѣ 14 іюля 1897 г. найденъ трупъ Комарова, по которой, какъ установлено въ приговорѣ особаго присутствія, на основаніи показаній свидѣтельницы Бородаевой, Скитскіе шли на совершеніе убійства Комарова. Особое присутствіе, въ свою очередь, также отказало мнѣ въ ходатайствѣ объ осмотрѣ этой дороги, и такимъ образомъ существенно нарушеніе повторено было и на судебномъ слѣдствіи.

Мотивы, приведенные въ приговорѣ особаго присутствія къ отказу въ ходатайствѣ моемъ въ производствѣ осмотра не только неправильны, но и не соответствующія обстоятельствамъ дѣла.

Особое присутствіе отказъ этотъ основывало на несвоевременности заявленія защиты и на томъ, что въ дѣлѣ, будто бы, имѣются планы и чертежи положенія этой мѣстности. Но ссылка на несвоевременность опровергается письменными заявленіями, имѣющимися въ дѣлѣ, поданными мною до назначенія еще дѣла къ слушанію, въ которыхъ я настойчиво просилъ судебную палату о производствѣ осмотра. Ходатайство это заявлено было мною и на судебномъ слѣдствіи, такъ какъ послѣ выслушанія показанія свидѣтельницы Бородаевой осмотръ этой дороги представлялъ уже для защиты единственное средство для повѣрки и опроверженія правильности показанія Бородаевой, имѣвшаго рѣшительное вліяніе на приговоръ особаго присутствія къ обвиненію подсудимыхъ. А если вычеркнуть изъ приговора соединеннаго присутствія то мѣсто, гдѣ говорится, что Скитскіе шли на совершеніе убійства Комарова по дорогѣ мимо еврейскаго кладбища и ихъ видѣла свидѣтельница Бородаева, то для обвиненія Скитскихъ ровно ничего не остается.

Во вторыхъ, предположеніе о томъ, что Скитскіе отправились на совершеніе убійства Комарова по дорогѣ мимо еврейскаго кладбища, возникло только на судебномъ слѣдствіи по выслушаніи показанія свидѣльницы Бородаевой; до того слѣдственные и обвинительныя власти были того убѣждены, и не безъ основанія, что пойти на совершеніе преступленія по этой дорогѣ, пролегающей по глубокимъ проваламъ и высокому и тяжелому подъему, въ 25% лѣтнюю жару невозможно, и потому дорога эта не была осмотрѣна на предварительномъ слѣдствіи, и никакого плана о положеніи и направленіи, удобствѣ и неудобствѣ ея въ дѣлѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего указаніе особаго присутствія, будто

въ дѣлѣ имѣются планы и чертежи этой мѣстности, представляется явно ошибочнымъ и неправильнымъ.

Послѣ этого не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что одинъ отказъ особаго присутствія въ ходатайствѣ моемъ въ производствѣ осмотра дороги мимо еврейскаго кладбища, по которой будто бы Скитские шли на совершеніе преступленія, лишившій подсудимыхъ способа судебной защиты для доказательства своей невинности, безъ законныхъ и уважительныхъ къ тому оснований, представляется рѣшительнымъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора особаго присутствія.

Вторымъ весьма существеннымъ нарушеніемъ я считаю также отказъ врачамъ-экспертамъ въ заявленномъ ими ходатайствѣ оставаться въ залѣ засѣданія во время допроса свидѣтелей и дать свои заключенія по выслушаніи этихъ показаній.

Нельзя требовать отъ эксперта, чтобы онъ безусловно не касался обстоятельствъ дѣла, имѣющихъ соотношеніе съ судебно-медицинскими вопросами. Съ этой точки зрѣнія судъ обязанъ предоставить эксперту всѣ способы, которые онъ находитъ нужнымъ для правильнаго отвѣта на предлагаемые ему вопросы, и нельзя поставить его въ тѣсныя рамки. Иначе какой же смыслъ имѣетъ дозволеніе экспертамъ по рѣшеніямъ Сената оставаться въ залѣ засѣданія во время судебного разбирательства? Что касается остальныхъ нарушеній предварительнаго слѣдствія, указанныхъ въ моей кассационной жалобѣ, то я считаю возможнымъ ограничиться, чтобы не касаться существа дѣла, только нѣкоторыми изъ нихъ, а именно:

У мостика, въ разстояніи 250 саж. отъ дачи, гдѣ жилъ Комаровъ, найденъ трупъ его. Казалось, что первымъ дѣломъ требовалось немедленное производство осмотра дороги отъ мостика до дачи, гдѣ жилъ Комаровъ, осмотръ дома и бумагъ Комарова. Слѣдственные власти за предѣлы этого мостика не перешагнули, ничего не видѣли, ничего не осматривали, какъ будто все, что лежало за этимъ мостикомъ, составляло заколдованное царство. На платьѣ, которое было на Комаровѣ въ день убійства, оказались явные слѣды преступленія; платье это не было приобщено къ числу вещественныхъ доказательствъ и оставшіеся на немъ слѣды преступленія не были изслѣдованы. Между тѣмъ осмотръ и изслѣдованіе всѣхъ этихъ предметовъ по горячимъ слѣдамъ могли бы дать какія либо указанія къ разъясненію столь загадочнаго убійства Комарова и къ разъясненію преступленія и къ открытію виновныхъ. Остальныхъ упущеній предварительнаго слѣдствія я касаться не буду, чтобы не утомлять вниманія Пр. Сената, и въ увѣренности, что онъ не останется безъ вниманія, такъ какъ ощущенія эти имѣли несомнѣнное вліяніе на неправильное преданіе Скитскихъ суду, а отсюда и на приговоръ особаго присутствія. Я смѣю надѣяться, что Правительствующій Сенатъ, охраняющій правосудіе отъ всякихъ случайностей и возможныхъ судебныхъ ошибокъ, не дастъ санкціи своей приговору по такому важному и загадочному преступленію, въ которомъ не были употреблены всѣ указанныя въ законѣ способы для разъясненія истины, а подсудимымъ не было дано всѣхъ средствъ для доказательства своей невинности.

Слово было предоставлено г. оберъ-прокурору, который въ своемъ заключеніи раздѣлилъ всѣ кассационные поводы, приведенные въ трехъ кассационныхъ жалобахъ, на двѣ группы. Одни изъ нихъ, заключающіеся въ жалобахъ на опредѣленіе подсудности дѣла, назначеніе дѣла къ слушанію въ г. Харьковѣ вмѣсто Полтавы распоряженіемъ предсѣдателя, допросъ на судебномъ слѣдствіи преосвященнаго Иларіона и жены

покойнаго Комарова, допросъ экспертовъ врачей, допросъ свидѣтеля Лекторскаго, такъ же, какъ жалобы на неполноту, односторонность и несоотвѣтствіе приговора съ предъявленными обвиненіемъ и защитой доказательствами — не заслуживаютъ, по мнѣнію г. оберъ-прокурора, уваженія, по подробно изложеннымъ имъ въ своемъ заключеніи соображеніямъ. Другіе кассационные поводы, приводимые въ жалобахъ, наоборотъ, заслуживаютъ, полагаю, онъ, уваженія.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ кассационныхъ поводовъ, г. оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе Правительствующаго Сената на нижеслѣдующее:

Прежде всего заслуживаетъ оцѣнки указаніе защитника прис. пов. Карабчевскаго на первыя страницы приговора судебной палаты, характеризующія отношеніе ея къ предварительному слѣдствію и указывающія на тотъ методъ, къ которому она прибѣгла для изслѣдованія выясниваемаго по дѣлу доказательнаго матеріала.

На основаніи ст. 766 у. у. с., вопросъ о винѣ или невинности долженъ быть опредѣленъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на обсужденіи совокупности *всѣхъ* обстоятельствъ дѣла; судъ долженъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ содѣйствовать обнаруженію матеріальной истины. Отсюда выводъ, что приговоръ, который не основанъ на всѣхъ обстоятельствахъ, выяснившихся по дѣлу, не можетъ быть признанъ приговоромъ правосуднымъ и удовлетворяющимъ требованіямъ закона.

Уставъ уголовного судопроизводства даетъ въ распоряженіе уголовного суда два источника къ обнаруженію истины, а именно: предварительное слѣдствіе и слѣдствіе судебное, производящееся на судѣ, рѣшающемъ вопросъ о виновности по существу. Послѣднее, какъ развивающееся по началамъ устности, непосредственности, составительности и гласности, имѣетъ несомнѣнно преимущественное значеніе. Слѣдствіе же предварительное, производящееся чрезъ судебного слѣдователя и развивающееся на началахъ стараго слѣдственнаго процесса, имѣетъ значеніе второстепенное, вспомогательное. Уставъ цѣлымъ рядомъ постановленій своихъ охраняетъ судебное слѣдствіе отъ чрезмѣрнаго вліянія на него слѣдствія предварительнаго, и, напр., по вопросу о чтеніи протоколовъ предварительнаго слѣдствія создаетъ цѣлый рядъ ограничительныхъ условій, затрудняющихъ это чтеніе; практика же Сената неустанно стояла на стражѣ этихъ ограничительныхъ условій пользования предварительнымъ слѣдствіемъ. Но заключать отсюда, что предварительное слѣдствіе не имѣетъ никакого значенія для слѣдствія судебного, и что судъ можетъ не интересоваться имъ, — невозможно. Если опасно вторженіе предварительнаго слѣдствія въ слѣдствіе судебное и пользованіе имъ въ размѣрахъ, недозволенныхъ закономъ, то и наоборотъ, опасно и несоотвѣтственно желанію законодателя совершенно отрицательное къ нему отношеніе. Предварительное слѣдствіе не можетъ быть совершенно чуждо для суда, рѣшающаго вопросъ о виновности по существу, уже потому, что на основаніи ст. 751 у. у. с. онъ обязанъ ставить на разрѣшеніе свое вопросъ о виновности не только по результатамъ судебного слѣдствія, но и по выводамъ обвинительнаго акта, т. е. по результатамъ и предварительнаго слѣдствія.

Предварительное слѣдствіе не можетъ быть излишнимъ для суда и въ виду того отношенія, въ которое ставится судъ законодателемъ по отношенію къ оцѣнкѣ уголовныхъ доказательствъ. Выясняющіяся на предварительномъ слѣдствіи уголовныя доказательства бывають двухъ родовъ: одни — при условіи соблюденія процессуальныхъ формъ и обрядностей — допускають возобновленіе

ихъ на судебномъ слѣдствіи; другія—не возобновляемы по самой своей природѣ и прямо ложатся въ основаніе приговора, путемъ прочтенія на судебномъ слѣдствіи разныхъ протоколовъ слѣдственного производства, какъ, напр., протоколовъ обысковъ, осмотровъ, освидѣтельствований и т. п.

Между тѣмъ, изъ приговора судебной палаты видно, что она, выслушавъ судебное слѣдствіе и заключительныя пренія сторонъ, устранила отъ своего разсмотрѣнія вопросъ о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, какъ неподлежащій въ ея составъ, будто бы, разсмотрѣнію. Какъ понимать такое высказанное судебною палатою положеніе? Оно вѣрно во томъ смыслѣ, что судебная палата въ судебномъ засѣданіи не обсуждаетъ въ общемъ правилъ вопроса о возвращеніи дѣла для дослѣдованія къ судебному слѣдователю, а также не задается обсужденіемъ вопроса объ отвѣтственности лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Но это невѣрно въ той общей, широкой формулѣ, въ которой высказала судебная палата свой взглядъ на значеніе для нея, какъ суда, предварительнаго слѣдствія. Вѣдь судебная палата, по уставу, не только по просьбѣ сторонъ, но и по собственной инициативѣ, пользуется и многими актами, и данными предварительнаго слѣдствія (626, 687 ст. и др.). Какъ можетъ судебная палата рѣшить вопросъ объ этомъ пользованіи, если она заранее отказалась отъ критическаго отношенія къ даннымъ предварительнаго слѣдствія? При такомъ отношеніи, она рискуетъ, или не воспользоваться изъ предварительнаго слѣдствія тѣмъ, чѣмъ по закону могла бы воспользоваться, или, наоборотъ, легко можетъ воспользоваться данными предварительнаго слѣдствія для приговора, не выяснивъ въ достаточной мѣрѣ ихъ достоинства и доказательнаго значенія. Иными словами говоря, отношенія судебной палаты къ произведенному по настоящему дѣлу предварительному слѣдствію были таковы, что создали невозможность точнаго исполненія ею ст. 766 у. у. с., требующей, чтобы она рѣшила вопросъ о виновности по оцѣнкѣ совокупности *всѣхъ* обстоятельствъ дѣла, доступныхъ, по закону, для ея пользованія.

Вторымъ, заслуживающимъ уваженія кассационнымъ поводомъ, указываемымъ жалобами, является, по мнѣнію г. оберъ-прокурора, отказъ судебной палаты въ ходатайствѣ защиты о производствѣ осмотра мѣстности, по мнѣнію защиты, необходимымъ для опроверженія показанія новой свидѣтельницы Бородаевой о томъ, что видѣнныя ею два лица, во время, совпавшее съ совершеніемъ преступленія, представлялись, будто бы, къ тому мѣсту, гдѣ впоследствии найденъ былъ трупъ Комарова.

Но прежде, чѣмъ перейти къ обсужденію этого повода, естественно выяснитъ, нѣтъ ли препятствій для его обсужденія Сенатомъ въ законѣ или въ данныхъ Сенатомъ разъясненіяхъ. Необходимо знать, возможно ли въ порядкѣ кассационномъ, не нарушая ст. 5 учрежд. суд. уст.,—запрещающей въ порядкѣ кассационномъ входить въ обсужденіе существа дѣла—обсудить правильность отказа судебной палаты въ производствѣ новаго осмотра мѣстности? Законъ въ ст. 688 и 689 уст. уг. суд., въ случаѣ оказавшейся неполноты произведеннаго при предварительномъ слѣдствіи осмотра, разрѣшаетъ суду производить таковые или черезъ члена своего или черезъ судебного слѣдователя, а „въ чрезвычайныхъ случаяхъ“, когда событія заключаются въ „важныхъ преступленіяхъ“, дозволяетъ выѣзжать всѣмъ судомъ на мѣсто, для производства этого осмотра. Что настоящее преступленіе можетъ быть причислено къ категоріи „чрезвычайныхъ случаевъ“ и „важныхъ преступленій“, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Даже и помимо разсмотрѣнія существа дѣла, основываясь исключительно на внѣшнихъ признакахъ, установленныхъ настоящимъ производствомъ,

нельзя не признать, что убійство Комарова, какъ убійство начальника подчиненнымъ, есть преступленіе важное, свойства же выставленныхъ обвиненіемъ доказательствъ, заключающихся въ уликахъ, а также и то обстоятельство, что оба состоявшіеся по дѣлу приговора, одинъ—оправдательный, а другой—обвинительный, состоялись по большинству только одного голоса, нельзя не признать, что дѣло Скитскихъ создавало законныя основанія для побужденія къ выѣзду на мѣсто. Что же касается практики Правительствующаго Сената, то дѣйствительно Сенатъ многократно признавалъ (какъ напримѣръ, р. 71—445 по д. Славницкаго, 73—710 по д. Вѣлопольскаго, 74—137 по д. Удзилаури и др.), что въ порядкѣ кассационномъ нельзя провѣрять правильность дѣйствій суда по отказу въ производствѣ новыхъ осмотровъ и освидѣтельствований. Г. оберъ-прокуроръ далекъ отъ мысли возбуждать сомнѣніе относительно правильности такой установившейся сенатской практики. До тѣхъ поръ, пока существуетъ ст. 5 учрежд. суд. уст., лишаящая Сенатъ права, въ порядкѣ кассационномъ, входить въ разсмотрѣніе существа дѣла, означенная практика Сената представляется непреложной и безспорной. Онъ полагаетъ, однако, что не можетъ существовать въ уголовномъ процессѣ такихъ формулъ, которыя ограничивали бы надзоръ Сената, какъ вышего хранителя силы закона въ дѣлѣ его примѣненія, за дѣйствіями суда и освобождали бы судъ отъ отвѣта предъ нимъ. Хотя бы мнѣніе, что совѣсь судей, дѣйствующихъ по судебнымъ уставамъ, свободна и ничѣмъ не стѣснена, не воплотилъ вѣрно и согласно съ дѣйствительностью. Точнѣе было бы сказать обратное, что судейская совѣсь не свободна и всегда закрѣпощена, съ одной стороны—обстоятельствами дѣла, отъ которыхъ она не можетъ удалиться ни на одну юту, а съ другой стороны—вѣдѣніями закона, обусловливающими производство всѣхъ процессуальныхъ моментовъ судебной работы. Судья никогда не можетъ опредѣлить своего дѣйствія словами „я хочу“ или „я не хочу“. Поступая такъ, а не иначе, онъ можетъ сказать себѣ только одно: „я долженъ“ или „я не вправѣ“. На почвѣ судейскихъ обязанностей складывается вся сущность судебной этики. Едва ли можно также безусловно признать, что никогда и ни въ какомъ случаѣ вопросъ о правильности дѣйствій суда по отказу въ производствѣ осмотра не можетъ подлежать провѣркѣ въ порядкѣ кассационнаго обжалованія. Фактическая и юридическая стороны дѣла настолько органически связаны другъ съ другомъ, что воплотивъ мыслимо положеніе, при которомъ судъ, отказывая по фактическимъ основаніямъ въ удовлетвореніи ходатайства о производствѣ новаго осмотра, своимъ отказомъ затронетъ юридическую сторону дѣла и создастъ послѣдствія, немирящаясь съ легальной стороной производства. Г. оберъ-прокуроръ полагаетъ, что независимость постановленія суда объ излишествѣ новаго осмотра отъ оцѣнки кассационнаго суда можетъ быть признана дѣйствительною только въ двухъ случаяхъ, а именно, въ случаѣ признанія судомъ, во-первыхъ, не имѣющихъ значенія тѣхъ фактовъ, которые предполагается ходатайствующей стороною установить посредствомъ осмотра, а во-вторыхъ, удовлетворительности тѣхъ судебныхъ осмотровъ, которые имѣются въ производствѣ предварительнаго слѣдствія по отношенію къ тѣмъ фактамъ.

Въ настоящемъ случаѣ не было ни того, ни другого, какъ это нужно заключить изъ приговора судебной палаты. Осмотръ тѣхъ мѣстъ, на которыя указывала защита, судебнымъ слѣдователемъ не производился. Свидѣтельница Бородаевой, для выясненія степени достовѣрности показаній которой защита настаивала на осмотрѣ, равно какъ цѣлаго ряда другихъ свидѣтелей, показывавшихъ о мѣстѣ нахожденія Скитскихъ во время, совпавшее съ

совершеніемъ преступленія, еще не существовало въ то время, когда судебный слѣдователь 16 іюля 1897 года составлялъ единственный имѣющийся въ дѣлѣ актъ осмотра мѣстности; онъ не могъ поэтому и внести въ свой протоколъ осмотра тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя оказались нужными въ слѣдствіи, для опредѣленія достоинства указанныхъ свидѣтельскихъ показаній. Съ другой же стороны, судебная палата не отвергала важности значенія этой стороны дѣла, ради выясненія которой защита ходатайствовала о производствѣ новаго осмотра. Изъ приговора ея видно, что она, съ цѣлью восполненія обнаружившагося такимъ образомъ пробѣла, прибѣгла къ помощи трехъ плановъ, представленныхъ сторонами, а также фотографическихъ снимковъ, не прошедшихъ черезъ судебное слѣдствіе. Отсюда нельзя не вывести заключенія, что разъ судебная палата признала нужнымъ выяснить вопросъ о мѣстности, въ видахъ оцѣнки достовѣрности нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній, и разъ для этого не имѣлось въ дѣлѣ судебного осмотра судебного слѣдователя, она обязана была, согласно требованіямъ 688 и 689 ст. у. у. с., приступить къ дополнительному или непосредственному осмотру.

Въ данномъ дѣлѣ судебный осмотръ былъ особенно важенъ, какъ это можно заключить изъ отношеній къ нему какъ защиты, такъ и самой судебной палаты. Отношенія защиты къ осмотру выразились въ цѣломъ рядѣ послѣдовательно, упорно заявлявшихся ею ходатайствъ о его производствѣ. Защита просила объ осмотрѣ какъ во время притовительныхъ къ суду распоряженій, такъ и многократно въ судебномъ засѣданіи. Что касается судебной палаты, то она отказала въ удовлетвореніи ходатайства защиты по тому соображенію, что свидѣтельница Бородаева по требованію прокурора была вызвана еще во время подготовительныхъ къ суду распоряженій, о чемъ защитѣ было своевременно извѣстно, что поэтому показаніе ея не можетъ быть признано новымъ доказательствомъ, и что по обстоятельствамъ, провѣреннымъ на судѣ, не обнаружилось наличности условий, требуемыхъ закономъ для производства осмотра. Съ этими мотивами едва ли можно согласиться. Выяснить степень достовѣрности показаній свидѣтелей судъ обязанъ въ отношеніи всѣхъ допрашиваемыхъ на судѣ свидѣтелей, независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ вновь выставленнымъ на судѣ свидѣтелямъ или нѣтъ. Допустивъ свидѣлицу Бородаеву на судъ и отказавъ защитѣ въ способѣ къ провѣркѣ достовѣрности ея показаній, судебная палата поступила неправильно и нарушила статьи 688 и 689 у. у. с., такъ какъ за неимѣніемъ въ дѣлѣ судебного акта осмотра для провѣрки ея показаній оставалось одно—воспользоваться правомъ производства новаго осмотра, разрѣшаемаго указанными статьями закона, если она не встрѣтила къ тому особыхъ препятствій, но о препятствіяхъ судебная палата ничего не говоритъ.

Въ непосредственной связи съ указаннымъ нарушеніемъ, производствомъ новаго осмотра палатою, въ производствѣ имѣется еще третье нарушеніе, заслуживающее вниманія и заключающееся въ пользованіи планами мѣстности, представленными сторонами взаимнѣ судебного осмотра. Судебная палата имѣла въ своемъ распоряженіи три плана: во 1-хъ, выкопировку изъ плана города Полтавы, составленнаго губернскимъ инженеромъ Соловьевымъ въ мартѣ 1898 года и окрашеннаго красками; во 2-хъ, набросокъ плана того же города, начертанный чернилами, представленный прокуроромъ палаты въ первомъ засѣданіи ея и, въ 3-хъ планъ представленный защитникомъ Карабчевскимъ, выданный Полтавской городской управой. Такимъ образомъ, въ формѣ этихъ плановъ проникли на судебное слѣдствіе акты, не имѣющіе значенія слѣд-

ственныхъ актовъ и составленные: два — свидѣтелями обвиненія, а одинъ — городской управой. Въ самомъ фактѣ пользованія палатою на судебномъ слѣдствіи этими планами нельзя еще усматривать нарушенія закона, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ кассационномъ, такъ какъ по ст. 629 у. у. с. участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и свидѣтелямъ не возбраняется прочтеніе документовъ, относящихся къ предмету ихъ показаній. Но въ отношеніи этого дѣйствія палаты нельзя не усмотрѣть нарушенія закона въ томъ, что эти планы были приняты взаимнѣ судебного акта осмотра мѣстности. Это видно прямо изъ того постановленія судебной палаты, занесеннаго въ протоколъ судебного засѣданія, которымъ она разрѣшила вопросъ о ходатайствѣ объ осмотрѣ мѣстности, повторенный защитникомъ Зеленскимъ. Она отклонила это ходатайство по тому соображенію, что въ ея распоряженіи имѣются, во 1-хъ планы, во 2-хъ осмотры мѣста преступленія и части города Полтавы и въ 3-хъ, свидѣтельскія показанія, касающіяся этого предмета. Въ виду того, что произведенный судебнымъ слѣдователемъ осмотръ отъ 16 іюля 1897 года мѣста преступленія, какъ не обнимавшій собою тѣхъ мѣстъ, оцѣнка которыхъ имѣла значеніе для опредѣленія степени достовѣрности свидѣльницы Бородаевой и др. лицъ, не въ состояніи былъ удовлетворить ходатайство защиты, то оказывается, что планы должны были сыграть роль доказательствъ, восполняющихъ непоняту осмотра. Но между судебнымъ актомъ осмотра и представленными сторонами планами, какъ доказательствами, есть только внѣшніе признаки сходства, — тѣ и другіе имѣютъ своимъ предметомъ данную мѣстность, внутреннее же ихъ содержаніе различно. Планъ состоитъ изъ линий и очертаній, безъ всякаго отношенія ихъ къ моментамъ, интересующимъ судъ. Судебный же осмотръ, не ограничиваясь графическимъ изображеніемъ мѣстности, вмѣщаетъ въ себя матеріалъ, выясняющій основанія для оцѣнки достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Планъ, напримѣръ, представленный стороною, не въ состояніи указать, могла ли свидѣтельница Бородаева видѣть съ указаннаго ею мѣста тѣхъ людей, которые пробѣгали въ отдаленіи по полянѣ, — такъ какъ мѣста эти на нихъ и не обозначены, — между тѣмъ какъ судебная палата, осматривавъ эту мѣстность, или членъ палаты и судебный слѣдователь, производящіе осмотръ съ специальною цѣлью выясненія достовѣрности показанія Бородаевой, дали бы нужный для этого сужденія матеріалъ. Но и независимо отъ этого, по выясненіемъ предъ судебною палатою авторомъ прокурорскаго плана, свидѣтелемъ обвиненія Соловьевымъ основаніямъ, планъ, имъ составленный, не долженъ бы былъ вселять къ себѣ большаго довѣрія судебной палаты. Планъ этотъ, по занесенному въ протоколъ засѣданія показанію Соловьева, составленъ имъ по архивнымъ документамъ, и только то, что оказалось необходимымъ, взято имъ съ натуры; при составленіи плана Соловьевымъ не было произведено точнаго измѣренія и только нѣкоторыя мѣста измѣнены имъ шагами, другія же внесены на планъ „на глазъ“, такъ что планъ этотъ, по удостовѣренію Соловьева, скорѣе можно назвать „полевой замѣткой“, а не планомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. О способѣ составленія плана, представленнаго защитою, мы не находимъ никакихъ указаній. И эти-то планы судебная палата признала за достаточное основаніе для разрѣшенія дѣла безъ новаго судебного осмотра! Въ виду этого казалось бы нужнымъ признать, что пользованіе указанными планами, взаимнѣ актовъ осмотра, представляется нарушеніемъ ст. 687 у. у. с.

Четвертымъ существеннымъ нарушеніемъ представляется нарушеніе ст. 733 у. у. с., выразившееся въ пользованіи судебной палатою фотографическими

снимками, не служившими предметомъ изслѣдованія на судебномъ слѣдствіи.

Фактическая сторона вопроса о фотографическихъ снимкахъ по производству дѣла такова. Кѣмъ и когда они сняты — изъ дѣла не видно, и только изъ постановленія судебного слѣдователя о заключеніи слѣдствія оказывается, что онъ призналъ нужнымъ совместно съ планами въ одномъ пакетѣ приобщить ихъ къ производству. Затѣмъ, на судебномъ слѣдствіи о нихъ не идетъ никакой рѣчи, ихъ игнорируютъ, и только послѣ объявленія резолюціи защита обращается къ палатѣ съ просьбою занести въ протоколъ, что судебная палата пользовалась ими въ совѣщательной комнатѣ, постановивъ свой приговоръ. Какъ надлежало отнестись судебной палатѣ къ этому заявленію? Нужно было сказать или да, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, если палата пользовалась ими, дѣйствія ея должны быть признаны рѣшительно неправильными, такъ какъ только приведенный на судебномъ слѣдствіи матеріалъ могъ лечь въ основаніе судебного приговора. Если же палата не пользовалась ими, то никакой рѣчи о кассациі ея приговора быть не можетъ. Но судебная палата не говоритъ ни того, ни другого, и ставитъ Правительствующій Сенатъ въ невозможность оцѣнить правильность утверженія защиты о томъ, что она пользовалась матеріаломъ, не изслѣдованнымъ на судебномъ слѣдствіи, — и въ этомъ неправильность ея дѣйствій.

Въ постановленіяхъ судебной палаты на замѣчанія защиты на протоколъ судебного засѣданія встрѣчается удостовѣреніе палаты о томъ, что приобщенные къ слѣдственному производству фотографическіе снимки, какъ и самое слѣдственное производство, дѣйствительно находились въ совѣщательной комнатѣ палаты, а о пользованіи ими палата умалчиваетъ, а слѣдовательно, не отрицаетъ этого. Отсюда естественное заключеніе, что въ этомъ дѣйствіи судебной палаты обнаружилось нарушеніе того обязательнаго по ст. 733 у. у. с. правила, въ силу котораго основаніемъ сужденія суда могутъ служить лишь осмотрѣнные и провѣренныя на судѣ доказательства. Введя стороны въ уголовный процессъ и установивъ состязательную для нихъ дѣятельность, уставы создали въ ихъ лицѣ контроль надъ дѣйствіями суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условіе для обнаруженія матеріальной истины. Только тѣ доказательства, которыя проведены чрезъ судебное слѣдствіе, могутъ служить поводомъ для представленія сторонами своихъ замѣчаній и достойны лечь въ основаніе уголовного приговора. То обстоятельство, что указанные фотографіи были приобщены къ дѣлу судебнымъ слѣдователемъ, не достаточно еще для признанія законности дѣйствій судебной палаты. Приобщеніе къ дѣлу документа есть лишь одно изъ условий для пользованія имъ на судѣ, но этимъ обстоятельствомъ не устраняется необходимость провѣрки его на судебномъ слѣдствіи. Есть много заключающихся въ производствѣ предварительнаго слѣдствія письменныхъ матеріаловъ, которые черезъ это не дѣлаются еще пригодными для судебного слѣдствія и не ложатся въ основаніе уголовного приговора. Если въ началѣ изложенія своего приговора судебная палата, какъ это указано уже, отнеслась къ предварительному слѣдствію отрицательно, то въ отношеніи фотографическихъ снимковъ, наоборотъ, она придавала предварительному слѣдствію слишкомъ большое значеніе, признавъ возможнымъ пользоваться ими помимо судебного слѣдствія, только потому, что они были приобщены къ дѣлу судебнымъ слѣдователемъ. То обстоятельство, что рѣчь идетъ о фотографическихъ снимкахъ, повидному, всегда безошибочно изображающихъ отраженную ими дѣйствительность, не измѣняетъ дѣла, такъ какъ ошибочно было бы предполагать, что критика и контроль сторонъ по отношенію къ фотографіи излишни. Фотографія новый

факторъ въ уголовномъ процессѣ, но, тѣмъ не менѣе, занявшій уже въ литературѣ вполне самобытное мѣсто. Труды Бертильона и Паули свидѣтельствуютъ о томъ, что существуетъ уже особая отрасль фотографіи, именуемая судебной фотографіей, которая знаетъ свои техническія правила производства, соблюденіемъ которыхъ обуславливается и возможность служенія ея интересамъ правосудія. Не подлежитъ сомнѣнію, что впечатлѣніе, производимое на глаза дѣйствительностью, далеко не вполне совпадаетъ съ фотографическимъ снимкомъ этой дѣйствительности. Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить, какъ своеобразно воспроизводитъ фотографія перспективу для того, чтобы убѣдиться въ непреложности этого положенія. Судебная фотографія считается, съ одной стороны, съ особыми техническими свойствами фотографіи, а съ другой — съ тѣми требованиями, которыя предъявляются ей судебной практикой, и создаетъ рядъ многочисленныхъ техническихъ приемовъ, а также даетъ полезныя указанія и совѣты, соблюденіемъ которыхъ обуславливается возможность пользованія этимъ могущественнымъ орудіемъ изслѣдованія. Въ ряду этихъ совѣтовъ не безынтересно указать, напр., на совѣтъ Паули приглядывающаго на судѣ, въ случаяхъ пользованія фотографическими снимками, свѣдущихъ фотографовъ, въ интересахъ предупрежденія возможныхъ ошибокъ со стороны судей по оцѣнкѣ снимковъ; онъ указываетъ, напримѣръ, на случай изъ германской судебной практики, въ которомъ судѣ, не прибѣгая къ помощи свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, допустилъ при пользованіи фотографическимъ снимкомъ подбитой гвоздями подошвы грубую ошибку, принявъ ее за леопардову шкуру. Независимо отъ этого, гдѣ ручательство того, что фотографическіе снимки, которыми пользовалась судебная палата по настоящему дѣлу, не вызвали бы серьезныхъ замѣчаній сторонъ. Гдѣ ручательство, что стороны, просмотрѣвъ эти фотографіи на судебномъ слѣдствіи, и зная, что ими будетъ пользоваться судебная палата при рѣшеніи дѣла, не возбудили бы дѣлаго ряда сомнѣній въ отношеніи, напримѣръ, вопроса о томъ, то-ли мѣсто снято, которое интересуетъ палату и снято-ли оно съ надлежащей стороны?

По этимъ соображеніямъ, казалось-бы, нужно придти къ заключенію, что, пользуясь фотографическими снимками, не предъявленными сторонамъ во время судебного слѣдствія, судебная палата нарушила ст. 733 у. у. с.

Послѣднимъ, пятымъ, поводомъ, имѣющимся въ производствѣ для отмѣны состоявшагося приговора судебной палаты, представляется указываемое защитой нарушеніе ст. 797 у. у. с., заключающей въ себѣ требованія, предъявляемыя законодателемъ къ судебному приговору.

Обращаясь къ оцѣнкѣ состоявшагося приговора судебной палаты со стороны соответствія его съ означенною статьею закона, необходимо, казалось бы, прежде всего установить ту точку зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на приговоръ суда, заподозрѣнный стороною въ порядкѣ кассационнаго обжалованія. О судебномъ приговорѣ можно сказать тоже, что въ литературѣ многократно говорилось о законѣ. Какъ тотъ, такъ и другой, отдѣлившись отъ своего автора, получаютъ самостоятельное и независимое отъ него существованіе. Нужно оцѣнивать судебный приговоръ не по тѣмъ добрымъ побужденіямъ и не по той честности разумія, которыя вложены въ него его составителями. Съ этой стороны несомнѣнно, что приговоръ палаты своимъ, какъ объемомъ, такъ и разработкою многихъ частныхъ свидѣтельствуетъ о большомъ трудѣ, вложенномъ въ него, и о тяжести задачи, разрѣшенной судейскою совѣстью при его постановкѣ. Но въ порядкѣ кассационномъ надо оцѣнивать его по объективной его сторонѣ, по тѣмъ вѣвшимъ признакамъ, которые сообразно взгляду закона дѣлаютъ

его пригоднымъ или непригоднымъ для служенія дѣлу уголовнаго правосудія. Въ этомъ отношеніи приговоръ суда долженъ имѣть всегда точное и ясное изложеніе и давать вѣрную картину того представленія, которое сложилось въ совѣсти судей, его постановлявшихъ по дѣлу. Въ видахъ этого онъ долженъ соответствовать въ точности доказательствамъ, принятымъ за его основаніе, а тѣмъ болѣе долженъ быть чуждъ противорѣчій фактическаго или логическаго свойства. Не слѣдуетъ, казалось бы, оцѣнивая приговоръ въ порядкѣ кассационномъ, упускать изъ виду, что приговоръ долженъ быть не только справедливъ и согласенъ съ дѣйствительностью по существу, но также долженъ и казаться справедливымъ для всѣхъ и каждого. Только удовлетворяя этому послѣднему требованію, судебный приговоръ въ состояніи произвести то благотворное, психологическое впечатлѣніе, наличностью котораго обуславливается сила уголовной репрессіи въ обществѣ. Только при наличности приговоровъ, способныхъ создать въ обществѣ увѣренность, что судъ осуждаетъ виновныхъ и оправдываетъ невиновныхъ, устанавливается ихъ высокое уголовно-политическое значеніе.

Глядя на обжалованный приговоръ судебной палаты съ чисто внѣшней стороны и оставляя совершенно безъ обсужденія сущность его, приходится прийти къ заключенію, что приговоръ не удовлетворяетъ своему назначенію и нарушаетъ требованія ст. 797 у. у. с. Въ немъ есть существенныя недомолвки, противорѣчія, неясности. Нарушенія указанныхъ статей г. оберъ-прокуроръ усматриваетъ въ слѣдующихъ его положеніяхъ: 1) объясненія приговора въ отношеніи происхожденія сыроватой глины, усмотрѣнной на колѣнѣхъ платья покойнаго Комарова, несогласны съ фактическимъ изложеніемъ того источника, на который ссылается палата. Изъ приговора судебной палаты видно, что въ отношеніи мѣста совершенія убійства Комарова палата, принимая заключеніе экспертовъ о томъ, что трупъ Комарова не могъ быть пригашенъ на мѣсто, гдѣ онъ былъ найденъ, издалека, заключила, что трупъ тащили лишь на протяженіи очень небольшого разстоянія и что сыроватая глина, какъ это по удостовѣренію палаты видно, будто бы, изъ прочтеннаго на судѣ акта осмотра судебного слѣдователя отъ 16 іюля 1897 г., соответствуетъ лишь почвѣ той мѣстности и подтверждаетъ соображенія, что трупъ былъ проташенъ на протяженіи разстоянія между мостомъ и мѣстомъ обнаруженія трупа. Между тѣмъ изъ подлиннаго протокола судебного слѣдователя отъ 16 іюля 1897 года, на который ссылается палата, видно, что „отъ мостика и до мѣста, гдѣ лежитъ трупъ, земля покрыта мелкою травой, довольно твердая“... „Брюки на колѣнахъ обѣихъ ногъ, ниже и выше колѣнъ, выпачканы въ сыроватую глинистую землю (такова почва въ этой мѣстности), какъ бы отъ того, что трупъ волокли по землѣ“. Отсюда судебная палата дѣлаетъ выводъ, что Комаровъ убить *или* на самомъ мостикѣ (на которомъ никакой „почвы“ нѣтъ и о ней протоколъ судебного слѣдователя умалчиваетъ), *или* у самаго схода съ мостика, а тутъ (то же по протоколу) земля покрыта мелкою травой и довольно твердая. Иными словами говори, оказывается полное несоответствіе приговора съ этимъ протоколомъ отъ 16 іюля, на которомъ основывается судебная палата въ отношеніи мѣста совершенія убійства.

2) Неточное и неодинаковое изложеніе въ разныхъ частяхъ приговора показанія жены покойнаго Комарова относительно времени, въ теченіе котораго мужъ обыкновенно проходилъ разстояніе отъ кониссторіи до дачи. Въ началѣ приговора значится по показанію Комаровой: „обыкновенно въ 9 часовъ утра Комаровъ уходилъ на службу и возвращался къ 4 или къ 4 съ половиною часамъ дня, употребляя на ходьбу отъ 35 до 45 минутъ“. Между тѣмъ нѣ-

сколько далѣе въ приговорѣ значится: „принявъ во вниманіе показаніе свидѣтельницы Комаровой, удостоившейся, что покойный мужъ ея, по его словамъ, на путь изъ города къ себѣ на дачу употреблялъ отъ 45 до 50 минутъ“... Палата дѣлаетъ затѣмъ дальнѣйшіе выводы, такимъ образомъ, ошибочно изложивъ показаніе Комаровой. Нельзя предполагать, что указанная разнорѣчія во времени прохожденія Комаровымъ пути встрѣчались въ показаніяхъ его жены, ибо въ этомъ случаѣ палата обязана была бы остановиться на оцѣнкѣ этихъ разнорѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ избрать одинъ изъ двухъ періодовъ времени, указанныхъ свидѣтельницею, а между тѣмъ судебная палата ни того, ни другого не сдѣлала. Въ этой разности изложенія показанія Комаровой относительно времени нельзя видѣть также простую опіску. Здѣсь не могло быть такой опіски, которую, напримѣръ, палата допустила въ отношеніи обозначенія времени составленія протокола вскрытія, указавъ, что протоколъ этотъ составленъ, будто бы, 15 іюля, а не 16, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Такая опіска не могла бы имѣть серьезнаго значенія; но нѣтъ, судебная палата, оперируя въ приговорѣ показаніемъ Комаровой въ отношеніи времени прохожденія ея покойнымъ мужемъ указаннаго пути, обосновываетъ на этой части ея показанія рядъ существенныхъ для конечныхъ выводовъ вычисленій.

3) Приговоръ судебной палаты устанавливаетъ отношенія къ доказательствамъ защиты, представленнымъ на судебномъ слѣдствіи въ формѣ, дающей основаніе защитѣ жаловаться на неодинаково внимательное отношеніе палаты къ доказательствамъ защиты и обвиненія по настоящему дѣлу. Правительствующій Сенатъ неоднократно разъясняетъ уже, что судъ не обязанъ оцѣнивать всѣ доводы, приводимые сторонами, и останавливаться на оцѣнкѣ показаній всѣхъ ея свидѣтелей; но такое положеніе едва ли примѣнимо въ мѣрѣ, лишающей приговоръ надлежащей опредѣленности. То, что возможно въ отношеніи частныхъ положеній, немислимо допустить въ отношеніи основныхъ положеній дѣла. Въ судебной борьбѣ, происходящей на судѣ, есть тоже своего рода тактическіе пункты, на которыхъ разрѣшается судьба судебного боя. Въ отношеніи этихъ пунктовъ, этихъ рѣшающихъ сторонъ дѣла должно требовать, чтобы они были установлены судомъ съ достаточной основательностью, иначе приговоръ потеряетъ неизбѣжно свое уголовно-политическое значеніе, не произведя надлежащаго воздѣйствія, и будетъ казаться произвольнымъ и одностороннимъ. Для того, чтобы знать, въ какихъ обстоятельствахъ заключаются эти существенные моменты дѣла, Сенату не надо входить въ разсмотрѣніе существа его, а достаточно обратиться къ самому приговору и стать на точку зрѣнія въ немъ судебной палаты.

Изъ приговора видно, что есть два устоя, на которыхъ основано обвиненіе Скитскихъ. Это, во 1-хъ, враждебныя отношенія подсудимыхъ къ умершему Комарову, словившіяся на почвѣ служебныхъ ихъ дѣйствій и, во 2-хъ, недоказанность *alibi*, т. е. нахожденія въ моментъ совершенія убійства Скитскихъ внѣ мѣста совершенія преступленія. Въ этомъ отношеніи дѣло Скитскихъ представляетъ, дѣйствительно, рѣдкую особенность. Обыкновенно въ уголовныхъ дѣлахъ *alibi*, какъ доказательство обвиненія, является съ отрицательнымъ характеромъ. Обвиненіе обыкновенно говоритъ: вотъ улики и доказательства вины, по которымъ мы требуемъ постановки обвинительнаго приговора, а недоказанность *alibi* является обстоятельствомъ, лишь усиливающимъ силу этихъ доказательствъ и уликъ обвиненія“. Но по настоящему дѣлу *alibi* является не съ отрицательнымъ, а съ положительнымъ характеромъ. Приговоръ основываетъ виновность Скитскихъ на установленномъ имъ фактѣ враждебныхъ отношеній и на томъ обстоятельстве

что Скитские въ моментъ совершенія преступленія, могли находиться на мѣстѣ его, что своего alibi они не доказали. Значительная часть приговора судебной палаты посвящена доказательству этихъ двухъ положеній и соотвѣтственно имъ же все судебное слѣдствіе и направлялось главнымъ образомъ на составленіе сторонъ по вопросу объ этомъ alibi. При такой постановкѣ обвиненія можно было бы надѣяться на то, что та часть приговора, которая относится до разрѣшенія вопроса объ alibi, изложена такъ, что нѣтъ мѣста недомолвкамъ или вредящему дѣлу лаконизму изложенія. Есть еще одно обстоятельство, которое, повидимому, обязывало судебную палату отнестись къ установкѣ этой части приговора своего со всестороннимъ вниманіемъ. Обстоятельство это заключается въ тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя по указанному вопросу возникли среди самихъ судей во время рѣшенія дѣла и выразились въ особѣхъ мнѣніяхъ судей, оставшихся въ меньшинствѣ, приложенныхъ къ приговору. Казалось бы, въ виду этого необходимо было оцѣнить всѣ тѣ доказательства, которыя представлены со стороны обвиненія и защиты по этому спорному и рѣшительному для исхода дѣла вопросу объ alibi. Что же видимъ мы по этому предмету въ приговорѣ судебной палаты? Излагая основанія, по которымъ приговоръ довѣряетъ показанію свидѣтельницы Бородаевой и доказательствамъ, совпадающимъ съ ея показаніями, доказательствомъ обвиненія, на основаніи которыхъ палата и заключила, что въ моментъ совершенія преступленія Скитские могли быть на мѣстѣ совершенія его, палата относительно свидѣтелей защиты по этому же предмету, дающихъ основанія противоположныхъ заключеній, ограничивается весьма немногимъ. По мнѣнію ея, доказательства обвиненія даютъ ей право придти къ заключенію, что всѣ тѣ свидѣтельскія показанія, „которыя касаются времени пребыванія Скитскихъ до выхода изъ города“, а именно: „показанія Мачуговскаго, Дараганя, Броваренко, Ганфа, Квитковскаго, Воробьевскаго, Топчева и др. не представляютъ для дѣла значенія“. Но почему эти свидѣтели, или, вѣрнѣе, цѣлая группа свидѣтелей, не имѣютъ значенія и не заслужили всесторонней оцѣнки со стороны палаты, этого изъ приговора не видно. Одного того обстоятельства, что свидѣтели эти показываютъ иначе, чѣмъ свидѣтели, показаніямъ которыхъ она вѣритъ, еще очевидно недостаточно, ибо гдѣ ручательство въ томъ, что если бы судебная палата занялась оцѣнкою достовѣрности и опредѣленіемъ доказательной силы этой группы свидѣтелей, она, можетъ быть, измѣнила бы свой взглядъ на значеніе показаній свидѣтелей, заслужившихъ ея довѣріе? Уголовное дѣло

можетъ быть признано правильно обрѣженнымъ только тогда, когда судъ воспользовался всѣми доказательствами (ст. 766 уст. уг. суд.) и не оставилъ ни одного предмета изслѣдованія безъ всесторонней оцѣнки. Мысль эта высказывалась не разъ и Сенатомъ по вопросу о томъ, можетъ ли судъ ограничиться отказомъ въ ходатайствѣ стороны о вызовѣ указанныхъ ею свидѣтелей подъ тѣмъ предлогомъ, что обстоятельства, о которыхъ свидѣтели должны показывать, уже въ достаточной степени установлены по дѣлу другими доказательствами. Такъ, Сенатъ въ многократныхъ рѣшеніяхъ своихъ разъяснилъ (напр. 67—68 по дѣлу Лобанова), что отказъ въ вызовѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что судъ составилъ уже себѣ убѣжденіе о виновности и что никакіе свидѣтели не могутъ перемѣнить это убѣжденіе, есть существенное нарушеніе закона.

Не все ли равно, въ сущности, уклоняется ли судъ отъ вызова подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло уже достаточно выяснено, или же, вызвавъ, уклонится отъ оцѣнки ихъ показанія. Едва ли можно признать также правильнымъ незаконченность перечисленія тѣхъ свидѣтелей въ приведенной выдержкѣ приговора судебной палаты, выразившюся въ прибавленіи къ фамиліямъ этимъ свидѣтелей словъ „и др.“ Какіхъ это другихъ свидѣтелей — остается вопросомъ открытымъ, и каждому предоставляется понять это прибавку по своему. Черезъ это указанное выраженіе представляется своего рода алгебраической формулой, подъ которую можно подвести любое содержаніе. По этимъ соображеніямъ г. оберъ-прокуроръ полагалъ признать, что приговоръ судебной палаты не соотвѣтствуетъ ст. 766 и 797 уст. угол. суд., и что, слѣдовательно, статья эта должна быть признана нарушенной.

Сводя къ общему выводу изложенныя соображенія, г. оберъ-прокуроръ находилъ, что Харьковская судебная палата, постановляя приговоръ отъ 16/21 марта этого года, нарушила ст. ст. 586, 687, 688, 733, 766 и 798 уст. угол. суд., вслѣдствіе чего приговоръ этотъ, за силою ст. 912 того же устава, по мнѣнію его подлежитъ отмѣнѣ, а дѣло передать въ ту же палату для разсмотрѣнія его въ новомъ составѣ ея.

Послѣ весьма продолжительнаго совѣщанія Пр. Сенатомъ была объявлена слѣдующая резолюція: приговоръ Харьковской судебной палаты по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 688, 689, 766 и 797 ст. у. у. с. отмѣнить и дѣло передать въ Кіевскую судебную палату, для новаго разсмотрѣнія, а въ прочихъ частяхъ кассационныя жалобы оставить безъ послѣдствій.

II. Засѣданіе Московской судебной палаты по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

20 сентября, въ уголовномъ департаментѣ Московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей началось слушаніе дѣла о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ. Обвиняются бывшіе директоры Адольфъ Александровичъ Герике и Сергѣй Константиновичъ Шильдбахъ, членъ наблюдательнаго комитета Иванъ Яковлевичъ Грачевъ и служившій въ бухгалтеріи правленія кредитнаго общества мѣщанинъ Михаилъ Михайловичъ Михайловъ. Третій директоръ—Иванъ Николаевичъ Цвѣтухинъ въ апрѣлѣ настоящаго года умеръ. Предсѣдательствуетъ старшій предсѣдатель палаты А. Н. Поповъ, обвиняютъ: тов. прок. палаты С. Л. Лузгинъ и П. Г. Курловъ, защищаютъ: Шильдбаха—прис. пов. Рейнботъ, умершаго Цвѣтухина—прис. пов. Курловъ и Тесленко, Грачева—прис. пов. Харитоновъ 2-й, Михайлова—прис. пов. Шубинскій и пом. прис. пов. Лебедевъ. Обвиняемый Герике защитника не имѣетъ. Нѣкоторыми изъ членовъ-заемщиковъ кредитнаго общества, какъ то: гг. Пржевальскимъ, кн. Урусовымъ, Вишняковымъ и др., предъявлены къ обвиняемымъ гражданскіе иски.

По объявленіи засѣданія открытымъ, со стороны защиты были заявлены возраженія противъ допущенія гражданскихъ исцовъ. Защитникъ г. Шильдбаха Рейнботъ заявилъ, что уставъ кредитнаго общества является какъ бы довѣренностью отъ общества директорамъ; поэтому, если бы послѣдніе даже вышли изъ предѣловъ предоставленныхъ имъ уставомъ полномочій, они не могутъ подлежать отвѣтственности въ томъ случаѣ, когда ихъ дѣйствія, хотя бы и несогласныя съ уставомъ, были одобрены или признаны ихъ довѣрителемъ—обществомъ. Между тѣмъ оказывается, что отчеты правленія за всѣ годы, къ которымъ относятся инкриминированныя директорамъ дѣйствія, были утверждены общими собраніями. Защитниками умершаго Цвѣтухина заявлена была просьба объ устраниціи исцовъ, предъявленныхъ послѣ постановленія палаты о прекращеніи уголовного дѣла о Цвѣтухинѣ за его смертью. Указано было также на то, что нѣкоторые гражданскіе истцы не доказали, что они были членами общества въ періодъ времени съ 1890 по 1895 г.

Палата за состоявшимся уже опредѣленіемъ о допущеніи гражданскихъ исцовъ Пржевальскаго, кн. Урусова, Вишнякова и др., оставила безъ уваженія заявленіе Рейнбота, а нѣкоторые гражданскіе иски были устранины.

Свидѣтелей и экспертовъ вызвано около 150-ти, изъ нихъ не явились 34. Показанія Генераловой и Яковлева, не явившихся безъ законныхъ причинъ, тов. прок. Лузгинъ считалъ настолько важными, что безъ нихъ признавалъ невозможнымъ вести дѣло. Палата постановила слушаніе дѣла продолжать, прочитавъ показанія свидѣтелей, не явившихся по законнымъ причинамъ, а свидѣтелямъ Яковлеву, Генераловой, Веньяминову, Тарасову и кн. Долгорукому повторить вызовъ.

Обстоятельства дѣла по обвинительному акту заключаются въ слѣдующемъ.

Правленіе Московскаго городского кредитнаго общества, представляя общему собранію отчетъ о своей дѣятельности за 28-й годъ, въ историческомъ обзорѣ дѣла общества утверждало, что общество вступаетъ въ 29-й годъ своего существованія при достаточно благоприятныхъ условіяхъ, что размысливаемыхъ обществу были выдающимися, что оказываемый обществомъ домовладѣльцамъ кредитъ имѣетъ въ своемъ конечномъ результатѣ развитіе городского благоустройства и общественнаго благосостоянія, что такимъ образомъ достигается осно-

вая цѣль общества—удешевленіе кредита, который доведенъ до высшей степени облегченія, о чемъ нельзя было и думать нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такая оцѣнка правленіемъ своей дѣятельности, однако, далеко не соответствовала дѣйствительному положенію дѣла общества, ибо въ томъ же общемъ собраніи былъ доложенъ полученный правленіемъ отъ особой канцеляріи по кредитной части отъ 29 сентября 1890 г. запросъ по двумъ пунктамъ: а) о причинахъ накопленія недоимокъ на заемщикахъ общества и б) объ основаніяхъ, которыми руководствовалось общество, переставъ взимать съ заемщиковъ ежегодный полпроцентный сборъ, опредѣленный § 13-мъ устава, на составленіе запаснаго капитала. Затѣмъ, въ собраніи 11-го марта 1891 г. было доложено отношеніе той же канцеляріи отъ 21 февраля того же года по вопросу о недоимкахъ и о необходимости возобновить взиманіе полпроцентнаго сбора на расходы по управленію и на составленіе запаснаго капитала, причѣмъ въ этомъ отношеніи было выражено, что общему собранію надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ правленія по взысканію недоимокъ. Всѣмъ этимъ указаніямъ, сдѣланнымъ контролирующею дѣятельность кредитныхъ учреждений властью, общее собраніе, руководимое тѣмъ же правленіемъ, не подчинилось: оно отклонило вопросъ объ отвѣтственности правленія въ накопленіи сверхльготныхъ недоимокъ и въ неприятіи мѣръ къ ихъ взысканію и постановило обратиться къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о предоставленіи обществу нѣкоторыхъ особыхъ льготъ въ цѣляхъ облегченія положенія заемщиковъ. Для личнаго представленія этого ходатайства министру финансовъ были избраны особые уполномоченные въ лицѣ бывшихъ предсѣдателей наблюдательнаго комитета—Герике, Плеваго и Волкова. Домогательство общаго собранія не имѣло успѣха, и особая канцелярія отношеніемъ отъ 14 іюня того же 1891 г. за № 7826 уведомила, что министръ, принявъ во вниманіе: 1) что удлиненіе существующаго 4-хъ-мѣсячнаго льготнаго срока на взносы платежей еще на два мѣсяца, увеличивая задолженность неисправныхъ заемщиковъ и совпадая со взносомъ срочнаго и льготнаго платежей, могло бы служить не къ облегченію, а скорѣе къ отягченію заемщиковъ...; 2) что выдача ссудъ подъ деревянныя строенія на 26 и подъ смѣшанныя на 29 лѣтъ представлялась бы, въ смыслѣ обезпеченія ссудъ, довольно рискованною, независимо отъ того, что столь длинный срокъ ссудъ подъ такія строенія не предоставленъ ни одному кредитному учрежденію; 4) что размѣръ запаснаго капитала, едва достигающаго нынѣ 1.000.000 руб. при общей суммѣ выданныхъ ссудъ въ 120.000.000 представляется весьма незначительнымъ, а потому просимое уменьшеніе сбора вмѣсто полпроцента на четверть процента на составленіе этого капитала, препятствуя его росту, не можетъ способствовать упроченію положенія дѣла общества,—не признавъ возможнымъ удовлетворить означенныя ходатайства. Что касается просьбы о разрѣшѣти уплатѣ накопившихся за заемщиками сверхльготныхъ недоимокъ равными полугодовыми взносами въ теченіе 5-ти лѣтъ, то для разъясненія этого вопроса министръ финансовъ потребовалъ подробныя свѣдѣнія о недоимкахъ. Продолжая въ слѣдующемъ отчетномъ году восхвалять свою дѣятельность и утверждая, что продолжающееся расширеніе операціи общества служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ правильности и жизненности тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется дѣятельность общества, правленіе въ то же время докладывало общему собранію о невозможности подчиниться требованіямъ

министра о возстановленіи полпроцентнаго сбора. Послушное въ своемъ большинствѣ правленію, общее собраніе 28 ноября 1891 г. по вопросу о возстановленіи полпроцентнаго сбора постановило ходатайствовать передъ министромъ финансовъ объ отсрочкѣ возстановленія этого сбора впредь до устраненія современныхъ неблагоприятныхъ экономическихъ условий. вмѣстѣ съ тѣмъ, правленіе, по уполномочію общаго собранія, возобновило ходатайство о дозволении обществу выпуска 4⁰/₀-ныхъ или 4¹/₂⁰/₀-ныхъ облигацій, но въ ходатайствѣ этомъ, въ виду неисполненія обществомъ основаннаго на §§ 13 и 15 устава требованія министерства о возстановленіи неправильно прекращеннаго обществомъ съ 1873 г. взиманія съ заемщиковъ ежегоднаго полпроцентнаго сбора на составленіе запаснаго капитала, министерствомъ было отказано ранѣе исполненія обществомъ означеннаго требованія. На это категорическое требованіе общее собраніе кредитнаго общества по докладу правленія отвѣтило постановленіемъ 30 ноября 1893 г.: воспретить правленію возстановленіе ежегоднаго полпроцентнаго сбора съ 1 марта 1894 г. на основаніи § 13 и примѣч. къ § 15 устава общества и согласно постановленію общаго собранія 7 марта 1873 г. Такія дѣйствія правленія, очевидно, были направлены къ сохраненію за нѣкоторою частью заемщиковъ предоставленныхъ имъ внѣ-уставныхъ льготъ, въ ущербъ большинству заемщиковъ, не желавшихъ ими пользоваться. Создавая себѣ такую дѣятельностью значительное количество сторонниковъ, правленіе, противодействуя всѣмъ правительственнымъ требованіямъ о возстановленіи законнаго порядка, наносило дѣламъ общества существенный вредъ. Въ виду этого, по докладу министра финансовъ 23 сентября 1893 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о ревизіи дѣлъ и операций общества за всѣ тридцать лѣтъ его дѣятельности, и производство этой ревизіи возложено было на члена совѣта министра финансовъ д. ст. сов. П. Х. Шванебаха. Представляя министру 19 ноября 1893 г. отчетъ о ревизіи, г. Шванебахъ въ рапортѣ своемъ доносилъ, что главный недостатокъ въ дѣятельности кредитнаго общества проявился въ неправильныхъ и преувеличенныхъ оцѣнкахъ принимавшихся въ залогъ домовъ, и что послѣдствіемъ такихъ неправильностей оказались значительное число продажъ домовъ съ публичныхъ торговъ, потери на остающихся за обществомъ домахъ, усиливающаяся неисправность во взносѣ срочныхъ платежей, пополненіе недоимокъ дополнительными ссудами и потеря запаснаго капитала. Въ заключеніе г. Шванебахъ высказалъ слѣдующее: „Допущенныя въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ неправильности наложили рѣзкую печать на порядки выборовъ исполнительныхъ органовъ. Противоуставныя льготы и преувеличенныя ссуды оказываются въ рукахъ правленія средствомъ обезпеченія себѣ въ общихъ собраніяхъ послушнаго большинства и услужливыхъ избирателей. Настоящій составъ правленія, связанный долговѣчными традиціями ненормальной дѣятельности, а также, какъ видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ въ отчетѣ дѣлъ, чисто личными дѣлами, едва ли въ состояніи будетъ проявить искреннее стремленіе къ упорядоченію дѣлъ общества. Едва ли также надлежащіе исполнители необходимой реформы найдутся въ средѣ общества, въ виду преобладанія въ общихъ собраніяхъ элементовъ, извлекающихъ изъ существующихъ безпорядковъ личную выгоду. Поэтому, упорядоченія дѣлъ Московскаго городского кредитнаго общества трудно будетъ достигнуть безъ принятія, хотя бы временно, мѣръ чрезвычайныхъ“. Къ тѣмъ же выводамъ пришла и вторая ревизія, произведенная по Высочайшему повелѣнію 17 января 1897 г. чиновникомъ особыхъ порученій министра финансовъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. П. Михале-

вымъ и директоромъ Варшавскаго городского кредитнаго общества А. Е. Чаевичемъ. Въ своемъ заключеніи они, удостовѣривъ правильность выводовъ, сдѣланныхъ дѣйств. ст. сов. Шванебахомъ, утверждаютъ, что „наличность допускаемыхъ правленіемъ общества нарушеній устава даетъ имъ право прійти къ тому заключенію, что дальѣйшее веденіе дѣлъ общества тѣмъ способомъ, какъ это практикуется нынѣ, въ весьма скоромъ времени не только совершенно разстроитъ его средства, но и неминуемо приведетъ къ ликвидаціи дѣлъ“.

Непосредственнымъ результатомъ ревизіи г. Шванебаха было измѣненіе устава Московскаго городского кредитнаго общества. На основаніи Высочайше утвержденаго 15 ноября 1893 г. мѣннія Государственнаго Совѣта, общія собранія членовъ общества замѣнены собраніями уполномоченныхъ. Кроме того, особая канцелярія по кредитной части сообщеніемъ отъ 30 октября 1894 г. уведомила правленіе кредитнаго общества о томъ, что по рассмотрѣніи отчета о ревизіи министръ финансовъ предлагаетъ правленію: 1) отчетъ о ревизіи дѣйств. ст. сов. Шванебаха представить на обсужденіе перваго общаго собранія уполномоченныхъ; 2) озаботиться немедленно взысканіемъ съ заемщиковъ всѣхъ числящихся за ними сверхльготныхъ просроченныхъ платежей и недоимокъ; 3) немедленно приступить къ продажѣ оставшихся за обществомъ по безуспѣшности торговъ недвижимыхъ имуществъ, значащихся по балансу на 1-е сентября 1894 г. съ капитальнымъ на нихъ долгомъ въ 2.524.863 р., а числящихся по балансу за этими имуществами недоимки въ количествѣ 552.089 р. немедленно списать изъ запаснаго капитала, причемъ, въ виду значительной цѣнности этихъ имуществъ, срокъ на окончательную ихъ распродажу назначенъ двухлѣтній; всѣ же имѣющія вновь остаться за обществомъ имущества должны быть продаваемы въ указанный въ примѣчаніи 1 къ § 73 устава годичный срокъ; 4) представить кредитной канцеляріи въ мѣсячный срокъ подробный списокъ оставшихся къ 1-му сентября 1894 г. за обществомъ имуществъ, и 5) возстановить съ 1-го сентября 1894 г. взысканіе полпроцентнаго сбора и продолжать его на основаніи точнаго смысла § 15 устава до тѣхъ поръ, пока проценты съ означеннаго капитала не будутъ покрывать всѣ расходы по управленію.

Казалось бы, всѣ указанныя мѣры вызвали необходимость особеннаго вниманія собранія уполномоченныхъ къ даннымъ отчету о ревизіи; между тѣмъ, въ собраніи 27 іюля 1895 г., подъ предсѣдательствомъ Шильдбаха, заявленіе нѣкоторыхъ членовъ о томъ, что рассмотрѣніе и утвержденіе отчета за XXXI финансовый годъ безъ рассмотрѣнія отчета правительственной ревизіи является преждевременнымъ, было отвергнуто собраніемъ, и отчетъ правленія былъ утвержденъ безъ всякихъ измѣненій, съ назначеніемъ дополнительнаго вознагражденія лицамъ, служащимъ въ правленіи, и его предсѣдателю Цвѣтухину 45.986 р., при полученіи прибыли въ этотъ годъ всего въ размѣрѣ 2-хъ тыс. р. Такая услужливость уполномоченныхъ еще рѣзче выразилась въ собраніяхъ 29 и 30 ноября 1895 г. подъ предсѣдательствомъ Шмакова. По заключеніи преній, собраніемъ былъ принятъ докладъ наблюдательнаго комитета о ревизіи г. Шванебаха, признававшій всѣ объясненія правленія по ревизіи правильными и предлагавшій лишь выработать новыя правила оцѣнки, удвоить составъ оцѣночной комиссіи и прибавить двухъ архитекторовъ. Требованіе г. Пржевальскаго и меньшинства уполномоченныхъ о постановкѣ вопроса о преданіи правленія суду по 1198 и 1155 ст. улож. о наказ. было отклонено, причемъ предсѣдатель собранія г. Шмаковъ объяснилъ, что обсужденіе и баллотировка этого требованія могли бы быть допущены только въ томъ случаѣ, если бы было отвергнуто предло-

женіе наблюдательнаго комитета. Такому рѣшенію собранія меньшинство его не подчинилось, и 30 декабря 1895 г. прокурору Московской судебной палаты были поданы жалобы, подписанныя членами-заемщиками Московскаго городского кредитнаго общества: прис. пов. Пржевальскимъ, пот. поч. гражд. Алексѣемъ и Владиміромъ Вишняковыми, инженеромъ Сергѣемъ Яминимъ, кол. ассес. Митрофаномъ Щелкинымъ, кн. Владиміромъ Голицынымъ, купцомъ 1-й гильдіи Петромъ Расторгуевымъ и др. въ коихъ всѣ эти лица, ссылаясь на данныя отчета о ревизіи, просили о возбужденіи предварительнаго слѣдствія. Ходатайство это было удовлетворено, и 15 февраля 1896 г. судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ приступилъ къ производству слѣдствія, ограничиваясь разслѣдованіемъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ 30 апрѣля 1889 г., такъ какъ злоупотребленія, происшедшія ранѣе, не подлежали разслѣдованію по давности, срокъ коей сокращенъ въ виду Всемилоствѣйшаго манифеста 14 ноября 1894 г. Предварительное слѣдствіе, разслѣдовавъ всѣ обстоятельства, указанныя правительственной ревизіей, и установивъ данныя, безусловно подтверждающія правильность ревизионныхъ отчетовъ въ ихъ окончательныхъ выводахъ и заключеніяхъ, обнаружило слѣдующія злоупотребленія въ дѣйствіяхъ правленія Московскаго городского кредитнаго общества въ лицѣ его предсѣдателя Цвѣтухина и членовъ Шильдбахъ и Герике.

На основаніи перечисленныхъ засимъ въ обвинительномъ актѣ случаевъ отдѣльныхъ злоупотребленій, дворяне Иванъ Николаевичъ Цвѣтухинъ, 59 лѣтъ, и Сергѣй Константиновичъ Шильдбахъ, 40 лѣтъ, кол. ассес. Адольфъ Александровичъ Герике, 58 лѣтъ, 2-й гильдіи купецъ Иванъ Яковлевичъ Грачевъ, 49 лѣтъ и мѣщанинъ Михаилъ Михайловичъ Михайловъ, 32 лѣтъ: I. *Цвѣтухинъ, Шильдбахъ и Герике а)* въ томъ, что первые двое съ 1890 г., а Герике съ декабря 1892 г. по 1895 г., состоя Цвѣтухинъ предсѣдателемъ, а Шильдбахъ и Герике членами правленія Московскаго кредитнаго общества: 1) злонамѣренно выдавали ссуды по завѣдомо неправильнымъ оцѣнкамъ, не привлекая къ отвѣтственности членовъ оцѣночной коммисіи; 2) не назначали въ торги имущества, по которымъ имѣлись сверхсрочныя недоимки, выдавая подъ такіе залогіи дополнительные ссуды, и 3) оставляли непроданныя съ торговъ имущества въ распоряженіи общества болѣе года, чѣмъ причинили послѣднему убытокъ свыше 300 р., повлекшій за собою особо важныя послѣдствія,—возстановленіе полпроцентнаго сбора съ заемщиковъ на пополненіе запаснаго капитала; б) въ томъ, что при описанныхъ выше условіяхъ въ подписанныхъ ими отчетахъ, балансахъ и вѣдомостяхъ прибылей и убытковъ съ цѣлью сокрытія истиннаго положенія дѣлъ общества и дѣйствительной наличности запаснаго капитала: 1) показывали убытки, понесенные обществомъ при продажѣ оставшихся за нимъ домовъ, подъ видомъ статей расходовъ на эти дома, а произведенныя за счетъ общества уплаты по купонамъ облигацій, выпущенныхъ по этимъ залогамъ,—подъ видомъ просроченныхъ платежей, причемъ суммы этихъ счетовъ не списывали съ запаснаго капитала; 2) не показывали въ статьѣ капиталнаго долга по оставшимся за обществомъ имуществамъ дома, проданные ими по вольной цѣнѣ, а происшедшій отъ этихъ продажъ убытокъ списывали не съ запаснаго капитала, а со счета прибылей; 3) оставили въ активѣ баланса 1893—94 г. на счету недоимокъ убытокъ отъ продажи д. Буцковской въ суммѣ 20,248 р. 57 к. и 10,359 р. 14 к. уплаченныхъ за счетъ общества процентовъ по д. Борисовской, причемъ суммъ этихъ не списали ни со счета прибылей, ни съ запаснаго капитала; 4) отнесли въ томъ же отчетѣ на счетъ переходныхъ суммъ 2,994 р. 31 к., не списавъ ихъ съ прибылей въ расходъ, и б) оста-

вили въ активѣ баланса 1894—95 г. на счету капиталнаго долга и просроченныхъ платежей по имуществамъ общества убытки отъ продажи домовъ Абрамовыхъ и Гучкова въ суммѣ 55,491 р. 43 к., не списывая ихъ ни съ прибылей, ни съ запаснаго капитала; в) въ томъ, что при тѣхъ же условіяхъ въ 1894 и 1895 гг. часть ввѣренныхъ имъ по службѣ капиталовъ передали разнымъ лицамъ подъ видомъ въ дѣйствительности не существовавшаго вознагражденія за продажу домовъ, чѣмъ причинили обществу ущербъ свыше 300 р., не пополненный ими и по обнаруженіи злоупотребленія, и г) въ томъ, что при тѣхъ же условіяхъ изъ личныхъ видовъ помѣщали въ журнальныхъ опредѣленіяхъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія о лицахъ, коимъ назначались выдачи коммисіонныхъ денегъ, въ дѣйствительности этимъ лицамъ не причитавшихся. II. *Грачевъ:* а) въ томъ, что, состоя въ должности члена наблюдательнаго комитета, по предварительному соглашенію съ членами правленія, получилъ 13 марта 1896 г. при продажѣ д. Ключина подъ видомъ коммисіоннаго вознагражденія ввѣренную членамъ правленія денежную сумму свыше 300 р., каковую, употребивъ на свои нужды, не возвратилъ и по обнаруженіи злоупотребленія, и б) въ томъ, что по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью сокрытія полученія вышеозначенныхъ денегъ, подговорилъ другое лицо, не бывшее коммисіонеромъ, подать заявленіе о назначеніи ему коммисіоннаго вознагражденія и выдать росписку въ полученіи такового. III. *Михайловъ:* а) въ томъ, что, состоя на службѣ въ правленіи, по предварительному соглашенію съ членами послѣдняго, получилъ 3 мая 1896 г. при продажѣ дома Каринской подъ видомъ коммисіоннаго вознагражденія 600 р., каковыя деньги употребилъ на свои нужды, не возвративъ ихъ и по обнаруженіи злоупотребленія, и б) въ томъ, что, по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью сокрытія полученія имъ тѣхъ денегъ, подговорилъ другое лицо, не бывшее коммисіонеромъ, подать заявленіе о назначеніи ему коммисіоннаго вознагражденія и выдать росписку въ полученіи такового.

Дѣянія эти предусматрѣны: для Цвѣтухина, Шильдбахъ и Герике 1154, 1155, 362 и 354 стт. улож. о наказ., а для Грачева и Михайлова—13, 1154, 362 и 354 стт. улож.

21 сентября начался допросъ свидѣтелей. Первымъ важнымъ свидѣтелемъ былъ *М. П. Щенкинъ*, показаніе котораго знакомить съ дѣятельностью кредитнаго общества со времени его основанія. Основано оно было въ 1863 г. и получено отъ города только 12,000 р., почему положеніе его было нѣсколько затруднительно. При всемъ томъ къ концу первыхъ семи лѣтъ дѣятельности общества, оно имѣло уже 700,000 р. запаснаго капитала. Такой результатъ получился только благодаря строгому соблюденію устава, при которомъ потери въ сущности совсѣмъ невозможны. Съ 1870 г. уже стали замѣчаться иногда нѣкоторыя отступленія отъ устава, но совсѣмъ незначительныя. За слѣдующія восемь лѣтъ, несмотря на то, что число заемщиковъ росло и операціи общества расширялись, запасный капиталъ общества увеличился всего на 400,000 р. 1878 г. является какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности общества,—черезъ 20 почти лѣтъ, въ 1896 г., ревизія признала запасный капиталъ несуществующимъ, такъ какъ онъ ушелъ на покрытіе убытковъ. Самые убытки, по мнѣнію свидѣтеля, были результатомъ не случайныхъ причинъ или ошибокъ, а известной системы выдачи ссудъ. Система эта заключалась въ преувеличеніи оцѣнокъ и въ выдачѣ дополнительныхъ ссудъ лицамъ, не имѣвшимъ на это никакаго права. Свидѣтель не беретъ рѣшать вопроса, была ли злонамѣренность въ этихъ дѣйствіяхъ правленія, или это было тожько желаніе помочь находящемуся въ

затруднительномъ положеніи заемщику. Если поспѣднее, то результатъ получился прямо противоположный: оно топило заемщиковъ вмѣсто того, чтобы облегчить ихъ,—вслѣдствіе убытковъ, унесенныхъ запаснымъ капиталъ, заемщикамъ приходится платить теперь ежегодно полпроцентный сборъ, который при нормальномъ ходѣ дѣла могъ бы быть уменьшенъ или даже отмененъ, и кредитъ сталъ бы дешевле. Вмѣстѣ съ постепеннымъ ухудшеніемъ дѣлъ общества и, несмотря на это ухудшеніе расходы по управленію все увеличивались; такъ, жалованье директорамъ удвоилось, жалованье другихъ служащихъ увеличилось на 80%. Какъ составлялись общія собранія, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: изъ Петербурга были присланы новыя облигаціи, подлежащія выдачѣ лицамъ, которымъ были разрѣшены ссуды; чуть ли не черезъ часъ послѣ этого присланныя облигаціи были уже представлены въ общество разными лицами, желавшими участвовать въ качествѣ облигаціонеровъ въ назначенномъ на этотъ день собраніи; слѣдовательно, въ какой-нибудь часъ успѣли будто бы выдать облигаціи заемщикамъ, заемщики успѣли ихъ продать лицамъ, желавшимъ въ этотъ день пользоваться правами облигаціонеровъ на собраніи, а тѣ успѣли представить ихъ въ кредитное общество. Другой случай имѣлъ мѣсто еще раньше: нѣкто Титовъ судился за присвоеніе принадлежавшихъ г. Шильдбаху облигацій; на судѣ выяснилось, что облигаціи эти даны были Шильдбахомъ Титову только для присутствія въ собраніи.

Свидѣтель *Соколовъ* былъ командированъ московскою казенною палатою въ распоряженіе ревизовавшаго кредитное общество д. ст. сов. *Михалева*. Онъ производилъ осмотры нѣсколькихъ домовъ, заложенныхъ въ кредитномъ обществѣ, осматривалъ домовыя книги, ошрашивалъ квартирантовъ о квартирной платѣ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что дѣйствительная доходность домовъ въ большинствѣ случаевъ была ниже показанной въ оцѣнкахъ. Свидѣтель удостовѣряетъ, что цѣны квартиръ во время оцѣнокъ, произведенныхъ обществомъ, не могли быть выше цѣны 1896 г.; съ тѣхъ поръ, напротивъ, цѣны квартиръ поднялись въ общемъ процентовъ до 40.

Свидѣтель *А. С. Вишилковъ* показалъ, что знакомство его съ дѣятелями кредитнаго общества началось еще въ то время, когда онъ былъ директоромъ общества кредита подъ закладъ движимости, помѣщающагося въ домѣ кредитнаго общества. Шильдбахъ и другіе приходили къ нему и приглашали явиться на общее собраніе и указать, кого бы онъ желалъ баллотировать. На первомъ же собраніи, на которомъ ему пришлось присутствовать, онъ убѣдился, что собранія ведутся пристрастно, выборы производятся неправильно. Выборы, произведенные на этомъ собраніи, были впоследствии кассированы. Второе собраніе, происходившее подъ предѣлательствомъ нарочно для этого командированнаго министра; ствомъ тайн. сов. *Иванова*, шло, конечно, лучше, но все-таки не обошлось безъ злоупотребленій. *Г. Ивановъ* допустилъ обращеніе гектографированныхъ списковъ лицъ, которыхъ правленіе и его сторонники желали провести въ уполномоченные. Одинъ такой листъ былъ у свидѣтеля, и онъ представлялъ его въ кредитную канцелярію министерства финансовъ. Благодаря этимъ листамъ получали больше всѣхъ тѣ, чьи имена въ спискѣ и ящикѣ на столѣ стояли впереди. Выборы и вообще собранія намѣренно затягивались, несмотря на протесты, до 5-ти, 6-ти, а то и до 9-ти часовъ утра. Благодаря всему этому въ уполномоченные прошли большею частью сторонники правленія и прежнихъ порядковъ, что и не замедлило обнаружиться. Въ собраніи уполномоченныхъ 27 іюля 1895 г., подъ предѣлательствомъ *А. К. Шильдбаха*, предложенъ былъ на обсужденіе докладъ о ревизіи

Шванебаха съ заключеніемъ о немъ наблюдательнаго комитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетъ правленія. Многіе уполномоченные, въ томъ числѣ и свидѣтель, находили невозможнымъ обсуждать докладъ о результатахъ ревизіи, съ которымъ рѣшительно никто не былъ знакомъ, и требовалъ, чтобы онъ былъ предварительно напечатанъ и разосланъ всѣмъ уполномоченнымъ. Это, конечно, не понравилось сторонникамъ правленія, начались возраженія, и частный повѣренный *М. В. Мандельштамъ* особенно усердно настаивалъ на томъ, чтобы отчетъ о ревизіи не печатали, потому что не слѣдуетъ „выносить сора изъ избы“. Тѣмъ не менѣе рѣшено было обсужденіе отчета отложить, напечатать его и разослать уполномоченнымъ. Когда дошла очередь до отчета правленія, то свидѣтель и многіе другіе заявили, что и его обсуждать нельзя, потому что онъ былъ разосланъ всего за три дня и ознакомиться съ нимъ въ такой короткій срокъ не было возможности, да, наконецъ, удобнѣе было бы обсуждать его одновременно съ отчетомъ о ревизіи. Заявленіе это, однако, было оставлено безъ вниманія, и отчетъ правленія былъ утвержденъ безъ всякихъ измѣненій, съ назначеніемъ даже дополнительнаго вознагражденія служащимъ въ суммѣ 45 тыс. руб. съ чѣмъ-то. Предѣлательству правленія *Цвѣтухину* назначена была награда 9 тыс. руб. Поинтересовались узнать изъ какихъ же источниковъ будетъ выдана эта награда, когда и по отчету-то вся прибыль за отчетный годъ оказывается только въ 2,000 руб. На это *Герике* отвѣтилъ, что выдача можетъ быть произведена изъ оборотныхъ суммъ. Награда *Цвѣтухину* тоже была утверждена собраніемъ. На слѣдующемъ собраніи 29 и 30 ноября того же года, подъ предѣлательствомъ присяжнаго повѣреннаго *А. С. Шмакова*, обсуждался отчетъ правительственной ревизіи съ объясненіями на него правленія и съ заключеніемъ наблюдательнаго комитета. Во время преній многіе уполномоченные, впрочемъ меньшинство, требовали преданія правленія уголовному суду, но предѣлатель собранія заявилъ, что можно говорить о преданіи суду отдѣльныхъ лицъ, а не правленія—лица юридическаго. Пренія, изъ которыхъ уже можно было видѣть, что все будетъ рѣшено въ пользу правленія, были закончены вопросомъ предѣлателя *Шмакова*, не признаетъ ли собраніе вопросъ достаточно разъясненнымъ, на который, конечно, послѣдовалъ отвѣтъ большинства: „Да!“ Тогда г. *Шмаковъ* нашелъ нужнымъ сдѣлать „резюме“ дебатовъ, но вмѣсто „резюме“ произнесъ защитительную рѣчь за правленіе, въ которой объяснялъ положеніе дѣлъ общества временнымъ паденіемъ цѣны на дома и указывалъ на то, что общество пользуется прежнимъ довѣріемъ, чему лучшимъ доказательствомъ служить высокій курсъ облигацій. Свидѣтель попросилъ слова и сталъ объяснять, что курсъ облигацій ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ онъ обезпечены круговою порукою заемщиковъ, но г. *Шмаковъ* не далъ ему договорить, заявивъ, что „пренія закончены“. Свидѣтель возразилъ, что самъ же *Шмаковъ* своею защитительною рѣчью послѣ будто бы заключенія преній вызываетъ ихъ возобновленіе, но его заставили замолчать. Въ концѣ-концовъ, поставили на баллотировку въ одномъ ящикѣ всѣ подлежащія разсмотрѣнію вопросы, хотя одни изъ нихъ не могли быть рѣшены утвердительно, другіе—отрицательно. Одинъ изъ уполномоченныхъ, *Санинъ*, спросилъ г. *Шмакова*, какъ же ему быть, если онъ не согласенъ съ предлагаемымъ на баллотировку рѣшеніемъ какого-нибудь одного или нѣсколькихъ вопросовъ. На это г. *Шмаковъ* отвѣтилъ, что если онъ не согласенъ хотя бы по одному вопросу, пусть кладетъ налѣво. Шумъ и крики, не дававшіе возможности говорить, окончились было рѣшеніемъ баллотировать всѣ вопросы въ одномъ ящикѣ, и только когда указано было на

совершенную невозможность баллотировать вмѣстѣ со всѣми другими постановленіями и постановленіе о принесеніи благодарности министру финансовъ за вниманіе къ дѣламъ общества, рѣшили поставить нѣсколько ящиковъ. Все кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу правленія, и несогласному съ постановленіями собранія меньшинству пришлось подать жалобу прокурору. Жалобу эту подписалъ свидѣтель, прис. пов. Пржевальскій, А. и В. Вишняковы, инженеръ Ляминъ, М. Щепкинъ, кн. Вл. Голицынъ, Расторгуевъ и др. На вопросъ прокурора свидѣтель показалъ, что когда онъ былъ приглашенъ на собраніе, Шильдбахъ и Веніаминъ, правитель дѣлъ, привезли ему входной билетъ, а на вопросъ его о бюллетенѣ, на которомъ онъ долженъ будетъ написать имена своихъ кандидатовъ, ему совсѣмъ безцеремонно отвѣтили, что записка за него уже написана и положена въ ящикъ. Въ то время ему не хотѣлось совсѣмъ расходиться съ членами правленія, потому что, сдѣлавшись директоромъ кредитнаго общества взаимнаго кредита и заботясь о развитіи дѣлъ этого учрежденія, онъ склонилъ правленіе держать всѣ свои свободныя суммы въ этомъ обществѣ. Правленіе на это согласилось, и было условлено, правда, на словахъ, что деньги не будутъ взяты ранѣе года, за что и процентъ кредитному обществу назначенъ былъ выше. Но онъ, конечно, не могъ идти рука объ руку съ правленіемъ, когда оно дѣйствовало неправильно, и правленіе, какъ-бы въ отместку за это, взяло всѣ свои капиталы изъ взаимнаго кредита. На вопросъ, какой характеръ имѣло собраніе кредитнаго общества, что за люди тамъ были, свидѣтель отвѣтилъ, что публика была самая сѣрая: принадлежащая къ большинству, которое все и рѣшало, обыкновенно молчали, въ преніяхъ не принимали участія, и только по знакамъ, подаваемымъ имъ кѣмъ-либо изъ сторонниковъ правленія, начинали или аплодировать или шумѣть, кричать: „довольно!“ и т. п., чтобы помѣшать говорить противъ правленія. Такъ, онъ помнитъ, что по знаку члена наблюдательнаго комитета Руслова начался шумъ, когда говорилъ Дриттенпрейсъ. Бывали тамъ и пьяные.

Свидѣтель *Дриттенпрейсъ* тоже говорилъ о порядкахъ, господствовавшихъ въ собраніяхъ кредитнаго общества. Когда всѣ записки съ именами кандидатовъ были опущены въ ящикъ, ящикъ уносили въ комнату наблюдательнаго комитета, тамъ считали записки въ отсутствіи избирателей и потомъ объявляли результатъ. На протесты противъ такого порядка заправили общества говорили, что они вѣрятъ наблюдательному комитету. По требованію свидѣтеля, объ этомъ все-таки было записано въ протоколъ. Вообще протесты противъ установившихся въ обществѣ порядковъ, какъ бы неправильны они ни были, и возраженія противъ предложеній правленія ни къ чему не вели: большинство не желало слушать никакихъ протестовъ и возраженій и не давало говорить. Стоило заговорить кому-нибудь изъ противниковъ правленія, какъ сейчасъ же начинались свистки, крики: „довольно“, „не надо“ и т. п. Рѣши въ пользу правленія, напротивъ, сопровождался аплодисментами. Въ первомъ же собраніи свидѣтель видѣлъ, какъ какой-то господинъ подавалъ знаки, когда нужно аплодировать или вообще выражать знаки одобренія, когда шикать. Свидѣтель спросилъ предсѣдателя наблюдательнаго комитета, кто это, и узналъ, что это былъ членъ комитета Русловъ. Собранія затягивались иногда до утра слѣдующаго дня, несмотря на требованія нѣкоторыхъ членовъ отложить баллотировку до слѣдующаго дня. Многие прѣзжали только часу во 2-мъ и даже 3-мъ ночи, только къ тому времени, когда нужно было баллотировать какой-нибудь интересовавшій правленіе вопросъ. Предъявленіе облигацій на право участія въ собраніи въ качествѣ облигаціонера не

было ограничено извѣстнымъ срокомъ, такъ что никогда нельзя было знать, не явятся ли еще какіе-нибудь облигаціонеры, кромѣ уже записавшихся. На вопросъ прокурора свидѣтель показалъ, что правленіе, очевидно, желало знать, кто подастъ какой голосъ, и принимало для этого мѣры. Когда онъ написалъ свою записку, членъ наблюдательнаго комитета Королевъ взялъ ее у него и прежде, чѣмъ опустить въ ящикъ, поставилъ на ней №. На вопросъ свидѣтеля, что это онъ дѣлаетъ,—Королевъ отвѣчалъ, что такъ приказалъ предсѣдатель наблюдательнаго комитета. Онъ обратился къ послѣднему, объясняя, что такъ дѣлать нельзя, что баллотировка закрытая, но предсѣдатель сказалъ ему: „Прошу не вмѣшиваться въ мои распоряженія!“

Свидѣтель *Семеновичъ* показывалъ, между прочимъ, что для того, чтобы добиться желаемой оцѣнки дома, необходимо было давать взятки. Такъ, когда онъ задумалъ заложить свой домъ на Никитской, приносящій дохода около 18,000 руб., оцѣнщикъ потребовалъ съ него 3,000 р. за то, чтобы оцѣнка давала возможность получить ссуду въ 90,000 руб. Семеновичъ отказался заплатить, и залогъ не состоялся. По поводу этого показанія, защитникъ Шильдбаха указываетъ, что объ этомъ обстоятельстве въ предварительномъ слѣдствіи свидѣтель показывалъ иначе,—тамъ онъ говорилъ, что „отъ одного лица онъ узналъ, что залогъ ему будетъ стоить 2,000 р.“ Семеновичъ объяснилъ, что не желалъ тогда называть лицо, которое требовало отъ него деньги. Сношенія съ обществомъ приходилось вести черезъ комиссіонеровъ, которые ловили клиентовъ въ самомъ помѣщеніи общества. Такими комиссіонерами были Ида Шильдбахъ и конкурировавшій съ нею Лукашевичъ, затѣмъ Генераловъ, Софдовъ, Григорьевъ и много другихъ.

Защитникъ Шильдбаха указываетъ на то, что по вѣдомости, составленной экспертомъ Парчевскимъ, дома Борисовскаго и Галдобиной остались за кредитнымъ обществомъ еще въ 1889 г. при другомъ составѣ правленія. Тов. прокурора, съ своей стороны, указалъ на то, что послѣ 1889 г., когда директорами были уже обвиняемые, домъ Галдобиной былъ проданъ Ртищевой, послѣ чего опять вернулся въ общество.

Свидѣтель *Серебряковъ* въ 1895 г. былъ членомъ наблюдательнаго комитета и не разъ указывалъ на неправильности и даже злоупотребленія, допускаемыя при оцѣнкѣ закладываемыхъ имуществъ. Эти указанія вызвали противъ него неудовольствие правленія, при слѣдующихъ выборахъ онъ былъ уже забаллотированъ, а домъ его хотѣли продать за 130,000 р., тогда какъ земельный банкъ далъ подъ этотъ домъ 175,000 р., а потомъ свидѣтель продалъ его за 230,000 р. Свидѣтель подтвердилъ, что оцѣнщики брали взятки; онъ самъ далъ 100 р., чтобы добиться возможности получить на 5,000 руб. больше. При баллотировкахъ въ собраніяхъ только въ первомъ ящикѣ обыкновенно было надлежащее, т. е. соответствующее числу баллотирующихъ число шаровъ, въ остальныхъ же ящикахъ шары вѣкторами изъ избирателей клались горстями. Такъ при немъ Золотарскій, подойдя къ ящику Шильдбаха, сказалъ: „ну, это человекъ хорошій!“—и положилъ дѣлую горсть шаровъ. Разъ въ ящикѣ кн. Долгорукаго при 170-ти баллотированныхъ оказались 174 шара. Какой результатъ баллотировки заставилъ Цвѣтухина обратиться къ находившимся въ залѣ газетнымъ репортерамъ съ просьбой не указывать въ отчетахъ числа шаровъ. Свидѣтелю извѣстно, что комиссіонное вознагражденіе за продажу домовъ иногда получали не тѣ лица, которымъ оно было назначено. Напримѣръ, когда онъ однажды замѣтилъ Виноградову, что онъ теперь долженъ быть при деньгахъ, такъ какъ ему назначено комиссіонное вознагражденіе, на это Виноградовъ сказалъ, что деньги эти «другіе взяли».

Свидѣтель *Шатерниковъ* на вопросы прокурора показалъ, что разъ во время выборовъ Родзевича, имѣющей типографію въ домѣ кредитнаго общества, взялъ карточку, на которой поставлена была цифра, показывающая число сосчитанныхъ голосовъ, и переправилъ „1“ на „2“. Свидѣтель схватилъ его за руку и сказалъ: „что вы дѣлаете?“, потомъ заявилъ объ этомъ предсѣдателю, но это было замято. Свидѣтелю извѣстно, что на домѣ Гирша накопилось 75,000 руб. недоимокъ, которыя были обезпечены векселями Гирша на имя Цвѣтухина.

Свидѣтель *Александръ* показалъ, между прочимъ, о томъ, что въ отчетахъ кредитнаго общества нигдѣ не значится прибыль отъ непредъявленныхъ къ оплатѣ купоновъ и облигацій. Затѣмъ, свидѣтель подтвердилъ, что передъ выборами обыкновенно производились усиленные выдачи дополнительныхъ средствъ для того, чтобы покрыть недоимки и дать возможность недоимщикамъ участвовать въ собраніи.

Свидѣтель *Мисаевъ*, производившій ревизію въ кредитномъ обществѣ въ 1897 г., показалъ, что этой ревизіей были установлены неправильности, преувеличенность оцѣнокъ заложныхъ въ обществѣ имуществъ; продажи имуществъ назначались только уже послѣ многихъ просрочекъ; дополнительные ссуды, которыя по уставу могутъ быть выдаваемы только вполнѣ исправнымъ заемщикамъ, въ Московскомъ кредитномъ обществѣ выдавались именно неисправнымъ должникамъ для погашенія ихъ недоимокъ. При торгахъ правленіе не требовало отъ приобретателей имуществъ залога въ размѣрѣ 10% съ суммы, за которую приобретались имущества, а или совсѣмъ ничего не брали, или брали меньше.

На вопросы сторонъ свидѣтель объяснилъ, что расходы по домамъ, оставшимся за обществомъ, были очень значительны и обыкновенно не покрывались доходами. Правильность этихъ расходовъ провѣрить было трудно, потому что не велось правильной отчетности. Свидѣтелю въ первый же день его ревизіи, совершенно случайно, пришлось присутствовать на торгахъ въ кредитномъ обществѣ, и при этомъ, свидѣтель видѣлъ, какъ сидѣвшій за столомъ членъ наблюдательнаго комитета Бровкинъ дѣлалъ какіе-то знаки кому-то изъ публики, а въ заключеніе сильно замахалъ руками. Свидѣтель обратился по этому поводу къ одному изъ директоровъ съ замѣчаніемъ о неумѣстности такого поведенія при публикѣ, и тотъ ему откровенно сказалъ, что у нихъ это часто бываетъ, что Бровкинъ дѣлалъ знаки своему сыну, который торговался и сталъ зарываться.

Свидѣтели *Вейденбаумъ*, *Воронинъ*, *Кондратенко*, *г. Ланской* и *Ладженскій* производили при ревизіи осмотръ и оцѣнку нѣкоторыхъ изъ заложныхъ въ кредитномъ обществѣ имуществъ. Подробностей и цифръ теперь не помнятъ, но вообще ихъ оцѣнка была ниже оцѣнокъ, сдѣланныхъ оцѣнщиками кредитнаго общества при приемѣ этихъ имуществъ въ залогъ. Во всякомъ случаѣ они подтверждаютъ то, что записано въ составленныхъ ими протоколахъ.

Свидѣтель *Сафоновъ*, архитекторъ кредитнаго общества, показалъ, что архитекторъ производитъ только оцѣнку матеріальной стоимости имущества и то только приблизительно, — точную стоимость опредѣлить невозможно, такъ какъ, напримѣръ, фундаментъ находится въ землѣ, точная стоимость желѣзныхъ дверей, воротъ, лѣстницъ можетъ быть опредѣлена только по вѣсу, а онъ сдѣлать этого, конечно, не можетъ. На предварительномъ слѣдствіи свидѣтель этотъ, какъ это видно изъ прочитаннаго затѣмъ по просьбѣ прокурора показанія его, показалъ, что за отсутствіемъ детальныхъ чертежей, оцѣнки архитекторами не бываютъ чаще всего только приблизительноными и не имѣютъ серьезнаго значенія при разрѣшеніи вопроса о ссудѣ, такъ какъ имущество цѣнится, главнымъ образомъ, по его доходности, которая опредѣляется оцѣнщиками.

То же показалъ и свидѣтель *Загорскій*, другой архитекторъ кредитнаго общества.

На вопросъ, почему выдавались вознагражденія комиссіонерамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда домъ купленъ былъ кѣмъ-нибудь безъ участія комиссіонера, обвиняемый Герике объяснилъ, что оставшіеся за обществомъ дома назначались на торги только тогда, когда выяснилось, что есть покупатели. Если на торгахъ кто нибудь давалъ больше, чѣмъ подысканный комиссіонеромъ покупатель, то домъ и оставался за тѣмъ, кто давалъ больше, но правленіе считало себя обязаннымъ вознаграждать комиссіонера за его хлопоты. Иначе дѣлать и невозможно было: раньше бывали случаи, что купившіе на торгахъ имущество потомъ исчезали, и оказывалось, что ихъ отговорили комиссіонеры. Генералова Герике зналъ мало, но можетъ удостовѣрить, что это былъ исправный комиссіонеръ, — всѣ сообщенія его правленію оказывались вѣрными.

Свидѣтель мѣщанинъ *Игитовъ* показалъ, что по настоящему дѣлу ничего не знаетъ, могъ объяснить только, что состоитъ членомъ-заемщикомъ кредитнаго общества и участвовалъ въ баллотировкѣ „въ 200 человекъ“, которая потомъ была почему-то отменена. Оказалось, что свидѣтель говоритъ о собраніи, въ которомъ выбирались уполномоченные.

Какъ уже извѣстно, судебная палата, найдя возможнымъ продолжать засѣданіе, несмотря на неявку нѣкоторыхъ свидѣтелей, въ то же время постановила повторить вызовъ нѣкоторымъ изъ неявившихся свидѣтелей, въ томъ числѣ Яковлеву, Кузнецову и Генераловой. Яковлевъ и Кузнецовъ вчера явились и были приведены къ присягѣ. При этомъ Кузнецовъ, крайне смущенный, заявилъ, что онъ „ни въ чемъ не виновенъ“. Его успокоили, объяснивъ, что его ни въ чемъ и не обвиняютъ, а спросятъ только, какъ свидѣтеля. Что же касается свидѣтельницы Генераловой, проживающей въ Можайскомъ уѣздѣ, то она и до сихъ поръ не явилась, хотя вчера была получена отъ можайскаго исправника телеграмма, извѣщающая, что Генералова еще 21-го числа выѣхала въ Москву. Генераловъ объяснилъ, что мать его до сихъ поръ еще не пріѣзжала, вѣроятно, съ ней что нибудь сдѣлалось въ дорогѣ, такъ какъ она женщина больная. Въ виду всего этого тов. прок. Лузинъ просилъ палату телефонировать начальнику сыскаго полиціи о принятіи мѣръ къ доставленію Генераловой въ засѣданіе палаты. Не успѣла еще палата послѣ этого приступить къ допросу слѣдующаго свидѣтеля, какъ тов. прок. Лузинъ обратилъ вниманіе предсѣдателя, что одинъ изъ свидѣтелей, унтеръ-офицеръ Степановъ, очень близкій Генералову, затѣмъ то послѣднее удаляется изъ залы, и просилъ остановить его. Степанову предложено было остаться въ залѣ, что онъ и исполнилъ безпрекословно.

Свидѣтель *Яковлевъ* показалъ, что, проходя разъ Сандуновскимъ переулкомъ, онъ увидѣлъ объявленіе о продажѣ дома бывшаго Бучумовой. Осмотрѣвши домъ и найдя его для себя пригоднымъ, онъ обратился за справками въ кредитное общество. Тамъ ему сказали, что домъ продается за 158,000 р., и онъ подалъ заявленіе о желаніи купить его. Послѣ этого ему нужно было уѣхать въ Петербургъ, и онъ выдалъ довѣренность на покупку дома своему компаньону Фуртвенглеру, который и являлся на торги. Ни свидѣтель, ни его компаньонъ ни съ какими комиссіонерами дѣла не имѣли. Генералова свидѣтель совсѣмъ не знаетъ.

Товарищъ прокурора Лузинъ напоминаетъ, что Генералову за продажу дома Бучумовой было выдано 1,600 р. комиссіоннаго вознагражденія.

Свидѣтель *Тарасовъ*, московскій нотаріусъ, показалъ, что Шильдбахъ зналъ очень мало и познакомился съ нимъ черезъ служившаго въ его конторѣ г. Неважскаго. Послѣдній просилъ его достать для Шильдбаха денегъ подъ вторую закладную за домъ,

который числится домою Степановой, но въ сущности принадлежит Шильдбаху. Неважскій пояснилъ, что домоу былъ купленъ съ торговъ въ кредитномъ обществѣ, и потому Шильдбахъ, какъ директоръ, не могъ купить его на свое имя. Свидѣтель обратился къ д. ст. сов. Исакову, который послѣ долгихъ колебаній рѣшился, наконецъ, дать 80,000 р., увырившись, что деньги получаетъ действительно Шильдбахъ. Закладная была совершена къ конторѣ свидѣтеля, и деньги получилъ совершавшій закладную по довѣренности Степановой, членъ наблюдательнаго комитета Королевъ, хотя и сама Степанова была тутъ же. Послѣ этого устроенъ былъ обѣдъ въ ресторанѣ „Эрмитажъ“, на которомъ были свидѣтель, Королевъ, Шильдбахъ, Неважскій. Явился было и Генераловъ, но Шильдбахъ, отведя его въ сторону, что то сказалъ ему, и Генераловъ сейчасъ же ушелъ. За обѣдомъ Шильдбахъ благодарилъ свидѣтеля за оказанную ему услугу. При расчетахъ по закладной находился и Генераловъ и еще какой то Араловъ. Видно было, что у Генералова были какіе то счета по дому. Генераловъ требовалъ себѣ вознагражденія за хлопоты, и Шильдбахъ успокоилъ его какими то обещаніями. Впоследствии, — когда именно, свидѣтель не припомнитъ, — онъ былъ неожиданно вызванъ Исаковымъ, который, предъявивъ ему повѣстку кредитнаго общества о назначеніи въ продажу дома Степановой, рассказалъ, что, получивъ эту повѣстку, онъ ѣздилъ въ кредитное общество переговорить съ Шильдбахомъ, и тотъ заявилъ ему, что никакого отношенія къ этому дѣлу не имѣетъ, не допуститъ торговъ не можетъ, и посоветовалъ только оставить домоу за собой, чтобы не допустить его до окончательнаго разоренія, такъ какъ онъ находится въ управленіи извѣстнаго мощника Генералова. Исаковъ и оставилъ домоу за собой. Свидѣтель удостовѣрилъ еще, что когда онъ явился въ собраніе кредитнаго общества на выборы въ уполномоченные, ему дали шары и сказали, чтобы въ первые по порядку двадцать ящиковъ онъ клалъ направо, а въ остальные налево.

Свидѣтель *Водо*, казначей кредитнаго общества, объяснилъ порядокъ выдачи денегъ кассою. Лица, извѣстныя ему или служащимъ въ правленіи, получали деньги по выданнмъ на ихъ имя ордерамъ безпрепятственно, отъ лицъ неизвѣстныхъ требовалось какое нибудь удостовѣреніе, на примѣръ, паспортъ. Когда стали являться за полученіемъ коммисіоннаго вознагражденія завѣдомо для него, свидѣтеля, не тѣ лица, на имя которыхъ были выданы ордера и которыя расписались на нихъ, онъ обратился за разъясненіемъ своихъ недоразумѣній въ правленіе, и тамъ ему сказали, что правленіе само удостовѣряется въ самоличности тѣхъ, на имя которыхъ выдаются ордера, и потому онъ можетъ не стѣсняться тѣмъ, что ордера предъявляются другими. Чаще всего онъ обращался за разъясненіями и указаніями къ Цвѣтухину, какъ къ предсѣдателю правленія.

Затѣмъ была допрошена свидѣтельница *Мошкина* и прочитано показаніе неявившейся Власовой. Изъ этихъ показаній видно слѣдующее. Послѣ смерти мужа Власовой остался домоу, заложенный въ кредитномъ обществѣ, на которомъ числилось недоимокъ въ срочныхъ платежахъ около 11 тыс. руб., да была еще вторая закладная Федоровой въ суммѣ 19 тыс. руб. Мошкина, сестра Власовой, дѣйствуя по довѣренности послѣдней, обратилась къ Герике за совѣтомъ и при его содѣйствіи стала вносить въ кредитное общество срочные платежи не полностью, а частями. Затѣмъ, Герике посоветовалъ перезаложить домоу, для чего слѣдовало утвердиться въ правахъ наследства и получить согласіе владѣльцы второй закладной. Хлопоты по перезалогу принялъ на себя Герике; при этомъ онъ нѣсколько разъ повторялъ свидѣтельницамъ, чтобы онъ никому не говорили объ его хлопотахъ по этому дѣлу, такъ

какъ ему, какъ директору общества, за подобныя порученія не приходится браться, и что все бумаги будутъ писаться отъ имени его квартиранта Александра Ермолова. На расходы было потребовано 1.800 р., причемъ Герике настаивалъ на томъ, чтобы деньги были доставлены скорѣе, въ противномъ случаѣ грозилъ продажей дома съ торговъ. Свидѣтельницамъ съ большими затрудненіями удалось собрать только 1.300 р., которые и были переданы Ермолову. Перезалогъ не состоялся, и деньги потомъ возвращены послѣ предъявленія къ Ермолову требованія черезъ нотариуса. Дѣло это, какъ видно изъ справки, по отношенію къ Герике, разсматривалось совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, который опредѣлилъ поставить Герике на видъ неудобства рекомендаціи имъ, въ качествѣ директора кредитнаго общества, лица для ходатайства по перезалогу имущества въ томъ же обществѣ.

Обвиняемый Герике объяснилъ, что онъ не бралъ на себя веденія дѣла Власовой, а по усиленной просьбѣ Мошкиной рекомендовалъ ей Ермолова.

Прочитаны были показанія неявившихся свидѣтелей *кн. Долгорукова, Аничкина и Дужмасова*. *Кн. Долгоруковъ*, будучи членомъ наблюдательнаго комитета, всегда былъ противъ выдачи коммисіоннаго вознагражденія за продажу оставшихся за обществомъ домовъ, такъ какъ уставъ не давалъ къ этому никакихъ оснований. Онъ не разъ говорилъ объ этомъ съ директоромъ Цвѣтухинымъ, который заявилъ, что онъ и самъ находитъ выдачу вознагражденія неправильной и ненужной, но назначенія вознагражденія тѣмъ не менѣе продолжались. Разъ ему пришлось быть свидѣтелемъ грязной, неприличной сцены, какъ три члена наблюдательнаго комитета ссорились изъ-за коммисіоннаго вознагражденія за продажу дома Ключина. Спиридоновъ и Бровкинъ настаивали, что половина вознагражденія слѣдуетъ имъ, а Грачевъ говорилъ, что вознагражденіе должно быть раздѣлено между имъ и Григорьевымъ. Возмущенный этимъ, *кн. Долгоруковъ* просилъ Цвѣтухина принять мѣры противъ такихъ безобразій, иначе неминуемо пойдутъ разговоры о томъ, что наблюдательный комитетъ беретъ взятки. Въ другой разъ, директоръ замѣтилъ, что и вообще отмѣнить это вознагражденіе неудобно, такъ какъ въ немъ иногда бываютъ заинтересованы нѣкоторые члены наблюдательнаго комитета. На вопросъ *кн. Долгорукова*, кто же именно, Цвѣтухинъ отвѣтилъ: Спиридоновъ. При этомъ Шильдбахъ выразилъ негодованіе на то, что Спиридоновъ старается отнять часть вознагражденія у бѣднаго человека Михайлова, служащаго въ бухгалтеріи. Позвали Михайлова, и тотъ подтвердилъ, что изъ назначеннаго ему за содѣйствіе продажъ дома Каринской Кожину вознагражденія выдалъ всего 600 р., членъ комитета Спиридоновъ требовалъ отъ него 400 р., обѣщая за это похлопотать, чтобы вознагражденіе было увеличено до 1,000 руб.

Все это подтверждается и показаніемъ Аничкина.

Свидѣтель *Дужмасовъ* въ своемъ показаніи обвинялъ и оцѣночную коммисію, и правленіе, и наблюдательный комитетъ въ постоянныхъ нарушеніяхъ устава. Правленіе, виновное и въ бездѣйствіи и въ превышеніи власти, мѣшало и наблюдательному комитету исполнять свои обязанности.

Свидѣтель *Генераловъ* показалъ, что былъ коммисіонеромъ по продажѣ оставшихся за обществомъ домовъ, за что получалъ вознагражденіе. Одно время предсѣдатель правленія неизвѣстно почему приказалъ швейцару „не пущать“ свидѣтеля въ помѣщеніе кредитнаго общества, но скорѣе же это приказаніе было отгѣнено. Сначала онъ лично подавалъ заявленія въ правленіе, получалъ деньги и расписывался въ этомъ, но потомъ это нашли неудобнымъ, и тогда онъ сталъ беспокоить своихъ

знакомых, которые „не въ службу, а въ дружбу“ соглашались давать свои подписи. Дѣло онъ имѣлъ почти исключительно съ покойнымъ Цвѣтухинымъ, котораго хорошо зналъ. Такого случая, чтобы назначенная ему въ вознагражденіе крупная сумма въ 7,500 руб. была удержана въ свою пользу Цвѣтухинымъ, никогда не было, и если онъ показалъ такъ на предварительномъ слѣдствіи, то это — „одна голословность“. На самомъ дѣлѣ было такъ, что членъ наблюдательнаго комитета кн. Долгоруковъ воспротивился выдачѣ этого вознагражденія, и потому Цвѣтухинъ впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса оставилъ деньги у себя въ шкафу и потомъ выдалъ ему все сполна.

Это показаніе, находящееся въ полномъ противрѣчій съ первымъ показаніемъ Генералова на предварительномъ слѣдствіи, въ которомъ онъ говорилъ, что изъ 7,500 р. Цвѣтухинъ выдалъ ему только 1,000 р., а остальные 6,500 р. удержалъ, объяснивъ ему, что 1,000 р. нужно на покрытие расходовъ по общему собранію, 5,000 р. на поѣздку его и еще двухъ лицъ въ Петербургъ, а 500 р. еще на какіе-то расходы, вызвало рядъ вопросовъ какъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, такъ и защитниковъ. Тутъ свидѣтелю начала измѣнять память, и онъ на большинство предложенныхъ ему вопросовъ отвѣчалъ: „не помню!“, иногда даже не дождавшись конца вопроса. Впрочемъ, онъ и тутъ утверждалъ, что показаніе его о томъ, что онъ не получилъ слѣдовавшихъ ему денегъ, „одна голословность“, такъ какъ онъ получилъ все. Дѣло онъ имѣлъ съ Цвѣтухинымъ, а не съ Шильдбахомъ. Послѣдній кредиторомъ его не былъ, и дѣло объ его, Генералова, несостоятельности окончено было раньше, чѣмъ онъ былъ спрошенъ по настоящему дѣлу у судебного слѣдователя. Когда же справкой въ дѣлѣ было установлено, что во время его допроса судебнымъ слѣдователемъ онъ еще состоялъ подъ конкурсомъ и что Шильдбахъ былъ до конца его директоромъ, Генераловъ сказалъ, что считалъ дѣло о несостоятельности оконченнымъ съ тѣхъ поръ, какъ заплатилъ деньги, а о томъ, что Шильдбахъ былъ его кредиторомъ, онъ забылъ. Мать его — женщина со средствами, свои покупала дома, и у него былъ свой домъ.

Свидѣтель *Приваловъ* показалъ, что купилъ на торгахъ въ кредитномъ обществѣ домъ Клюгина за 165,000 р. безъ комиссіонеровъ. Волокитинъ рѣшительно никакого участія въ приобретеніи имъ этого дома не принималъ и познакомился-то онъ съ нимъ уже послѣ этого. Григорьевъ его, свидѣтеля, знакомый, человекъ солидный, съ которымъ у него были дѣла по торговлѣ, но комиссіонерствомъ, кажется, не занимался. Напротивъ, сначала онъ даже отговаривалъ его отъ покупки дома Клюгина, но потомъ, по его приглашенію, ѣздилъ съ нимъ осматривать домъ и въ кредитное общество, гдѣ познакомилъ его съ Шильдбахомъ. Этимъ и ограничилось участіе Григорьева въ дѣлѣ, такъ что комиссіонеромъ его считать нельзя. Ни ему, ни кому другому свидѣтель комиссіи не платилъ.

Свидѣтель *Волокитинъ* показалъ, что въ февралѣ 1896 г. онъ разъ былъ въ квартирѣ своего зятя Грачева, члена наблюдательнаго комитета кредитнаго общества. Въ это время свидѣтель управлялъ домами Грачева. У Грачева были Григорьевъ и Приваловъ, и послѣдній въ разговорѣ между прочимъ замѣтилъ, что ему надобно купить домъ, потому что его домъ сгорѣлъ. Когда онъ ушелъ, Грачевъ сказалъ, что Привалову, вѣроятно, подошелъ бы домъ Клюгина и что за продажу этого дома кредитное общество можетъ выдать даже вознагражденіе. Григорьевъ сказалъ на это: „Вотъ, дай-ка намъ съ Сережей (т. е. съ нимъ, Волокитинымъ) заработать ты человекъ одинокій, — тебѣ не нужно!“ Грачевъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ получить этихъ денегъ, такъ какъ служить въ кредит-

номъ обществѣ. Черезъ день или черезъ два Григорьевъ черезъ Грачева поручилъ свидѣтелю съѣздить въ кредитное общество и узнать, будетъ ли дано вознагражденіе за комиссію по продажѣ дома Клюгина. Онъ поѣхалъ, обратился за разъясненіемъ къ Шильдбаху, и тотъ, справившись, сказалъ, что домъ можетъ быть проданъ не ниже 160,000 р., а за комиссію дадутъ тысячи 2 или 3. Свидѣтель сообщилъ объ этомъ Григорьеву, а спустя нѣкоторое время узналъ отъ Грачева, что домъ Клюгина проданъ и имъ дадутъ вознагражденіе. Затѣмъ свидѣтель получилъ отъ Григорьева для подписи заявленіе въ кредитное общество о выдачѣ комиссіоннаго вознагражденія и, подписавъ эту бумагу, отослалъ ее Григорьеву. Григорьевъ вызвалъ его въ кредитное общество, далъ ему расписаться на ордерѣ правленія въ полученіи 3,000 р. и сказалъ, что по полученіи денегъ пришлетъ свидѣтелю его долю, и дѣйствительно, черезъ два дня онъ получилъ черезъ Грачева 1,000 р. Самъ свидѣтель никакихъ переговоровъ съ Приваловымъ не велъ, да и познакомился-то съ нимъ только черезъ два мѣсяца послѣ торговъ, т. е. въ маѣ 1896 г., когда состоялъ въ охранѣ. На вопросъ, почему онъ считалъ себя въ правѣ получить 1,000 р., если, по его словамъ, никакого посредничества при продажѣ дома Клюгина не имѣлъ, свидѣтель отвѣтилъ, что считалъ себя въ правѣ получить вознагражденіе, какъ родственникъ Грачева, черезъ котораго стало извѣстно о продажѣ дома Клюгина.

Показаніе слѣдующаго свидѣтеля, *Григорьева*, въ общемъ подтверждаетъ показаніе Волокитина.

Защитникъ Грачева заявилъ палатѣ, что въ VI-мъ гражданскомъ отдѣленіи московскаго окружнаго суда находится въ производствѣ дѣло по иску, предъявленному Клюгинымъ къ правленію московскаго городского кредитнаго общества и къ Привалову, объ уничтоженіи торговъ на его домъ. Однимъ изъ оснований иска приводится то обстоятельство, что Волокитинъ, бывшій комиссіонеромъ по покупке этого дома, являлся и подставнымъ покупателемъ, торговался на этотъ домъ. Защитникъ считалъ необходимымъ вытребовать это дѣло изъ окружнаго суда для справки, такъ какъ дѣло это объяснить, почему Приваловъ считаетъ нужнымъ отрицать посредничество Волокитина.

Послѣ довольно продолжительныхъ объясненій къ этому ходатайству присоединился и тов. прок. Лузинъ. Дѣло было доставлено, и оказалось, что искъ предъявленъ Клюгинымъ слишкомъ черезъ два года послѣ продажи дома. Приваловъ повѣстку по этому иску получилъ только въ апрѣлѣ нынѣшняго года, т. е. слишкомъ черезъ годъ послѣ допроса его судебнымъ слѣдователемъ, которому онъ показалъ то же, что и въ палатѣ, т. е. что Волокитинъ не былъ комиссіонеромъ.

О выдачѣ комиссіоннаго вознагражденія было допрошено еще нѣсколько свидѣтелей. Изъ всѣхъ показаній и изъ другихъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ видно, что всего на выдачу этого вознагражденія за продажу 35 имущества за время съ 1894 до 1896 г. издержано 39,860 р. Изъ нихъ лицамъ постороннимъ уплачено 5,400 р., около 17,000 р. получилъ Генераловъ самолично или чрезъ подставныхъ лицъ, остальное получено Волокитинимъ, Григорьевымъ, Араловымъ и ихъ знакомыми. Размѣръ вознагражденія подвергался большимъ колебаніямъ и нисколько не соразмѣрялся со степенью выгоды продажи для общества и даже съ цѣною продажи. Такъ, при продажѣ дома Новикова за 18,300 р., съ убыткомъ около 5%, комиссіонеръ Гельбрасъ получилъ вознагражденія 100 руб., за продажу дома Маклина за 6,003 р., съ убыткомъ около 8%, комиссіонеръ получилъ 200 руб., за продажу дома Магеровскаго за 80,000 р., съ убыткомъ около 69%, Степановъ получилъ вознагражденія 1,500 руб., при продажѣ дома Ададунова за 131,013 руб., съ убыт-

комъ въ 70,243 руб., вознагражденіе было назначено въ 7,500 руб. и т. д. Очень рѣдко вознагражденіе выдавалось лицу, дѣйствительно бывшему комиссіонеромъ, въ большинствѣ же продажъ, по которымъ было выдано комиссіонное вознагражденіе, или совсѣмъ не было посредниковъ, или ими оказывались вовсе не тѣ лица, которыхъ значились въ журналахъ правленія и которыя расписывались въ полученіи денегъ.

Въ дополненіе къ прежнимъ объясненіямъ г. Герике по поводу показаній Власовой и Мошкиной объяснилъ, что дѣлъ по перезалогу онъ на себя не бралъ. У него была только общая довѣренность Власовой на веденіе всѣхъ ея судебныхъ дѣлъ, по которой ему было поручено два дѣла,—одно съ арендаторомъ, другое объ истребованіи отъ казны залога, представленнаго мужемъ Власовой по подряду; дѣло это велъ его помощникъ Стуловъ. Для ходатайства о перезалогѣ онъ рекомендовалъ Ермолова. При этомъ онъ предупреждалъ ее, что хотя перезалогъ ей, вѣроятно, и разрѣшатъ, но что сумма по перезалогу ни въ какомъ случаѣ не превыситъ суммы недоимокъ и что ей не только ничего не останется для уплаты по 2-й закладной, но придется еще имѣть наготовѣ 1,800 р., именно 415 р.—на актовую бумагу, канцелярскаго и городского сбора—630 р. 60 к. и приплатъ за облигаціи—700 р., да необходимо еще имѣть согласіе держательницы 2-й закладной Федоровой на перезалогъ и на отсрочку продажи дома. Какъ Власова, такъ и сестра ея Мошкина увѣряли, что въ согласіи Федоровой и на перезалогъ, и на отсрочку продажи не можетъ быть сомнѣній, и что она возьметъ назадъ поданное ею въ правленіе прошеніе о назначеніи дома въ продажу. Между тѣмъ, согласія Федоровой не послѣдовало, и потому перезалогъ дома не могъ состояться. Въ рекомендаціи имъ Власовой повѣреннаго для хлопотъ о перезалогѣ онъ не видѣлъ ничего несогласнаго съ его положеніемъ директора кредитнаго общества, такъ какъ перезалогъ, при значительныхъ недоимкахъ, представлялся одинаково желательнымъ какъ для Власовой, такъ и для кредитнаго общества.

Свидѣтель *Стуловъ*, правитель дѣлъ кредитнаго общества, показавъ, что былъ прежде помощникомъ прис. пов. Герике и по его порученію велъ два дѣла Власовой объ истребованіи залога и съ однимъ изъ ея арендаторовъ, но не довелъ ихъ до конца, потому что пришлось уѣхать изъ Москвы.

Нѣкоторые изъ гражданскихъ истцовъ возбудили вопросъ о неправильныхъ оцѣнкахъ и о накопленіи сверхълиготныхъ недоимокъ. Опять былъ вызванъ свидѣтель Алексѣевъ, который настаивалъ на томъ, что накопленіе недоимокъ и затѣмъ убытки отъ оставшихся за обществомъ домовъ должны быть отнесены къ винѣ правленія, а не оцѣнщиковъ. Оцѣнщики не считали себя обязанными брать для себя непроданные дома, на которыхъ правленіе накопило по 5-ти, по 6-ти полугодій недоимокъ, и были, очевидно, правы, такъ какъ правленіе никогда не рѣшалось ни настаивать на своихъ требованіяхъ, ни увольнять отказывающихся. Г. Герике возражаетъ на это, что со времени его поступленія въ директоры правленія на заложенныхъ въ обществомъ имуществахъ было уже до 1.700.000 р. недоимокъ, за которыя онъ отвѣчать не можетъ. Если и послѣ этого не всѣ имущества, по которымъ было въ недоимкѣ по нѣскольку полугодій, поступали на торги, то только потому, что владѣльцы нѣкоторыхъ изъ такихъ имущества стали вносить сразу не по одному срочному платежу, а по полтора, иногда и по два, стараясь удержать домъ за собой и погасить недоимки. На вопросъ тов. прок. Лузгина, почему правленіе всегда принимало безъ всякихъ правокъ ту оцѣнку, которую дѣлала оцѣночная комиссія, г. Герике заявилъ, что это было далеко не всегда. Правленіе провѣряло оцѣнки, вызывало архитекторовъ и оцѣнщиковъ для объясненій, а нерѣдко

отправлялось на мѣсто для новаго осмотра и тамъ или оно убѣждалось въ правильности оцѣнки, или архитектора и оцѣнщики соглашались съ возраженіями правленія и понижали оцѣнку. Въ такомъ случаѣ писался совсѣмъ новый протоколъ; въ дѣлахъ такіе случаи слѣдовъ оставить не могли. Но бывало и такъ, что оцѣнщики настаивали на правильности своей оцѣнки, а правленіе, тѣмъ не менѣе, понижало ее. Такъ было, напримѣръ, съ домомъ Смирнова на Варваркѣ: правленіе оцѣнило его на 40.000 ниже оцѣночной комиссіи. На замѣчаніе обвинителя, что это — единственный случай въ практикѣ кредитнаго общества, г. Шильдбахъ возражилъ, что было и еще нѣсколько такихъ случаевъ, и свѣдѣнія о нихъ имъ представлены къ дѣлу и должны тамъ находиться.

Свидѣтель *Попандонуло* началъ съ того, что онъ въ дѣлахъ кредитнаго общества нисколько не заинтересованъ, такъ какъ домовъ не закладывалъ, что онъ уже старикъ, которому надо о смерти думать, и затѣмъ разсказалъ, какъ Генераловъ въ трактирѣ хвасталъ, что онъ „задалъ директорамъ, попомнить!“ На замѣчаніе свидѣтеля, что показывать ложно—грѣхъ, что Богъ накажетъ за это, Генераловъ сказалъ, что онъ всегда можетъ отказаться отъ этого показанія. Теперь онъ торгуется, проситъ 5.000 р. Дадутъ—дастъ новое показаніе, не дадутъ,—все останется по прежнему.

Свидѣтель *Смирновскій*, нынѣ предсѣдатель правленія кредитнаго общества, показавъ, что онъ одновременно съ Аничкинымъ (который, какъ извѣстно изъ предыдущаго, вмѣстѣ съ кн. Долгоруковымъ былъ противъ выдачи комиссіоннаго вознагражденія) былъ членомъ наблюдательнаго комитета. Въ то время на вознагражденіе всѣхъ членовъ комитета, 12 человекъ, назначалось по 25 р. за засѣданіе. Такимъ образомъ, на долю каждаго изъ членовъ приходилось въ сущности гроши, но г. Аничкинъ и ими не брезгалъ настолько, что однажды, не имѣя возможности быть въ засѣданіи, тѣмъ не менѣе расписался, какъ присутствовавшій. Когда нужно было дѣлать деньги, предсѣдатель комитета Дьячковъ заявилъ, что Аничкинъ не можетъ получить деньги за то засѣданіе, въ которомъ онъ не участвовалъ, хотя тамъ и есть его подпись. Аничкинъ выразилъ на это неудовольствіе. Тогда свидѣтель предложилъ ему, если онъ считаетъ себя очень обиженнымъ такимъ рѣшеніемъ, получить его, свидѣтеля, долю, и тотъ нашелъ возможнымъ согласиться на это. Затѣмъ свидѣтель показавъ, что его домъ при ревизіи Михалева былъ оцѣненъ архитекторомъ Вейденбаумомъ гораздо ниже, чѣмъ при залогѣ въ кредитномъ обществѣ, но свидѣтель не могъ оставить этого безъ возраженія и потребовалъ новой оцѣнки. На этотъ разъ Вейденбаумъ при архитекторѣ Загорскомъ увеличилъ оцѣнку на 6.000 р., но и эта оцѣнка была все таки ниже оцѣнки общества и впослѣдствіи онъ продалъ свой домъ тысячъ на 20 дороже противъ послѣдней. Затрудненія кредитнаго общества были слѣдствіемъ паденія цѣнъ на дома, вызваннаго разными случайными причинами: выселеніемъ евреевъ, послѣ котораго стали пустовать многія квартиры и торговые помѣщенія, повышеніемъ полицейскихъ требованій по части благоустройства, что повлекло за собой усиленіе расходовъ домовладѣльцевъ и т. п.

Наконецъ, явилась и свидѣтельница Генералова, которая, выѣхавши, какъ видно изъ телеграммы исправника, изъ Можайска 21-го сентября, вслѣдствіе переданнаго ей требованія палаты, явилась въ Москву только 24-го вечеромъ. По ее словамъ, она заѣхала къ дочери. На предложенные ей вопросы она показала, что покупала въ кредитномъ обществѣ дома для себя, а не для Шильдбаха, что деньги у нея были и свои, а больше сынъ давалъ. Въ виду полнаго противорѣчія этого показанія съ ея показаніями на предварительномъ слѣд-

ствія, послѣднія были прочитаны. Первый разъ она была допрошена по мѣсту ея жительства въ Можайскѣ и показала, что никакихъ довѣренностей своему сыну на покуку домовъ она не давала, да и не могла покупать домовъ, потому что ничего не имѣетъ; разъ только торговалась въ кредитномъ обществѣ на домъ Ермилова по просьбѣ сына и его начальника Шильдбаха. По требованію Шильдбаха свидѣтельница была спрошена вторично уже въ Москвѣ и въ присутствіи Шильдбаха, но показала то же самое, добавивъ, что ей было пояснено, что домъ только для виду покупается на ея имя, а настоящимъ хозяиномъ будетъ Шильдбахъ, который и деньги платитъ. Дѣйствительно, ей были даны и деньги, которыя она, когда кончались торги и домъ остался за ней, положила, не считая, на столъ, за которымъ сидѣли Шильдбахъ и другіе. Сколько было этихъ денегъ, она не знаетъ. Никакого объясненія такимъ противорѣчіямъ въ показаніяхъ Генералова не дала.

По просьбѣ обвиняемаго Герике вновь были допрошены свидѣтели архитекторы кредитнаго общества, *Ивановъ и Загорскій* и правитель дѣлъ *Стуловъ*. Первые два подтвердили, что объясненія оцѣнщиковъ съ членами правленія по поводу оцѣнокъ бывали довольно

часто, оцѣнки по возраженіямъ директоровъ иногда понижались, бывало иногда, что директоры сами ѣздили на осмотры. Свидѣтель *Ивановъ* слышалъ разъ въ канцеляріи кредитнаго общества о столкновеніи Герике съ однимъ изъ оцѣнщиковъ изъ-за высокихъ оцѣнокъ. Что оцѣнки провѣрялись правленіемъ и нерѣдко значительно понижались, это подтвердилъ и свидѣтель *Стуловъ*. Столкновеніе, о которомъ слышалъ свидѣтель *Ивановъ*, произошло у директора Герике съ оцѣнщикомъ *Соколовымъ*. Соколовъ вообще отличался особенной щедростью оцѣнокъ; Герике сдѣлалъ ему замѣчаніе, и это вызвало враждебныя отношенія къ нему Соколова. Недовольны были оцѣнками Соколова и другіе директоры, и даже грозили объ его дѣйствіяхъ довести чрезъ наблюдательный комитетъ до свѣдѣнія общаго собранія. Уволенъ онъ не былъ потому, что служилъ въ обществѣ съ самаго его основанія. Когда общество имѣло только трехъ оцѣнщиковъ, оцѣнку производилъ одинъ оцѣнщикъ; когда число ихъ было увеличено до пяти, на оцѣнки стали посылать по двое.

(Русск. Вѣд.).

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 4 октября, по общему собранію Касс. Департ.

Рапорты: воен. министра о пререканіяхъ, возникшихъ между воен. начальствомъ и Тульскимъ окр. судомъ, по дѣлу по обв. Булатова въ оружен. кражѣ; Астраханскимъ мир. създомъ о подсудности дѣла о Ляховѣ, обв. по 31 и 42 ст. ул.; Донскимъ 2 окр. създомъ о подсудности дѣла по обв. Малахова и др. въ кражѣ.

На 7 октября, по 1 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: по искамъ: торг. дома въ Генуѣ „Бр. Баумантъ“ къ Грибергу 2,834 р. 71 к.; фирмы „Бр. Собергеймъ“ къ фирмѣ „Бр. М. и Г. Фукельманъ“ 1,401 р. 78 к. съ % и по встречному иску въ суммѣ 1781 р. 25 к.; Грановскаго къ Шварцману о 1,500 р. съ %; Альбанга къ фонъ-Венигену о 13,500 р.; по ходатайству Римана объ обращеніи къ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ дѣла по иску Баптизмаскаго по векселю 3,550 р. съ %.

Частныя: по жалобамъ на Москов. коммер. судъ: пов. тов. мануфактуръ „Ивана Сидорова“; пов. Смирнова; пов. Прокофьева; по жалобамъ на Спб. коммер. судъ: Цѣховой; Мельцера; Афанасьева; пов. стр. общ. „Россия“; пов. торгов. дома „Дюфлонъ, Константиновичъ и Ко“, пов. Спб. учет. и суд. банка; по жалобамъ на Одесск. коммер. судъ: Бронштейна; Лицецкера; Шапиро; прошенія: Щипанова; Платоцина; объ освид. умств. способ.: Юрчатовой; Рыбника; Смутека; Избуцкаго; Климовичъ; Емельяновой; Вочарова; Захарова; Лушпанъ; Клорринга; Голембевскаго; Уфнарскаго; Ворецкаго; Шварцмана.

На 4 октября, по 2 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: крест. д. Солутовой и двор. Поршникова о возоб. межъ и межев. знаковъ; о возобн. межъ и межев. призн. въ дач. Стрѣльцкой и Ямской слободъ; о правахъ на землю кр. д. Верхне-Жадиной; о межеваніи дачъ Жуковского и Галерного острововъ и другихъ.

Частныя: инородцевъ 1 Малтанскаго наслѣга о покосной землѣ; Шанявскаго о возобн. границъ надѣла дер. Стехова; Берлина о возоб. межев. знаковъ; Иванова и др. объ измѣненіи пограничн. линій; кр. д. Логиновой о надѣленіи землей; Олопецъ. духовн. консист. о размежев. дачи Вознесенск. монастыря; Гоарина о высылкѣ выкопировки изъ плана; кр. с. Ковышина о возвращеніи жалобы; кр. м. Терлицы о возстановленіи апел. срока; Ерохиной о размежев. земли; кр. с. Чива о команд. землемѣра; кр. Вуйскаго селенія о приграниченіи земель; кр. д. Жукова о выдачѣ копии съ опред. Сената; Богданова о пересмотрѣ рѣш.; о прод., зал. и перезал. имѣній малол.: Атукиныхъ, Старова; Глембоцкой; Куденко; Калугиной; Гусевыхъ; Масленицкой; Коковой; Ушаковыхъ; Аксеновыхъ; Вабасинова; наслѣдниковъ: Хвостовыхъ; Косоротова; Те-

мели; Васильевыхъ; Толписа; Куприцъ; Мезенцева; Орещенко; Волдескулъ; Прокофьевыхъ; Трепольскаго; Троишна; Лодипскаго; объ освид. умств. способ.: Нагорнаго; Етихievыхъ; Ерохиной; Плеткина; Роговскаго; Мурашева; Аммона; Федоренко; Бурякина; Скряльникова; Союзова; Кайгородцева; Харламовой; Григорашъ; Аничковыхъ.

На 5 октября, по апелляц. столу Угол. Деп.

Отзывы: Алексѣева, Чебоевскаго и Алиенова Саратовск. с. п. 370 ст. ул.; Мищенко, Семенова и Крипичина Тифлисс. с. п. 362 и 404 ст. ул.; Грдзелова Тифлисс. с. п. 1039 ст. ул.; Богатурова Тифлисс. с. п. растрата.

Прошенія: Германа о возобн. дѣла; Цеслинскаго о при-мѣненіи Всемилоств. манифестовъ.

На 7 октября, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: упр. акц. сб. Самарск. о. с. по обв. Горуновой; Френка Кишиневск. о. с.; Доброминскаго Одесск. гор. м. с.; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Барскаго (2 дѣла); упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Тарговскаго; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Сикора; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Сикарь; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Гринберга; Адельсонъ Сувалск. 1 окр. м. с.; упр. акц. сб. Екатеринодарск. м. с. по обв. Дроботовой; Паеманъ Полоцк. м. с.; упр. акц. сб. Петроковск. 1 окр. м. с. по обв. Гаммера; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Ковальскаго; Вайнера З.-Острожск. м. е.; упр. акц. сб. Астраханск. гор. м. с. по обв. Постникова; Чернина Оршанск. м. с.; упр. акц. сб. Двинск. м. с. по обв. Цисеръ; упр. акц. сб. Вологодск. о. с. по обв. Гаркуновой; Вляхманъ Псков. 1 окр. м. с.; упр. акц. сб. Лепельск. м. с. по обв. Недвѣдкаго; Хаскиндъ Симферопольск. о. с.; Фодотова Спб. о. с.;—всѣ по обв. въ наруш. пнт. уст.; Гринберга и др. Люблинск. 1 окр. м. с. по обв. Вармана; Штеренштейнъ Ямпольск. м. с.; Гольдберга Петроковск. 3 окр. м. с.; Гринштейна Таганрогск. м. с. по обв. Варановскаго; Ивановой Спб. ст. м. с.; Ихельзона Винниц. м. с.; Прибель Кишиневск. о. с. по обв. Лейзеровича; Ковчанко К.-Пружанск. м. с.; Виленской Могилевск. м. с.; Гольдберга Спб. ст. м. с.; Браунштейна Сувалск. 2 окр. м. с.;—всѣ по обв. въ наруш. стр. уст.; упр. акц. сб. Петроковск. 1 окр. м. с. по обв. Кормана въ храненіи чая съ разорванными бандеролями; упр. акц. сб. Петроковск. 2 окр. м. с. по обв. Рудницкаго въ наруш. таб. у.; упр. акц. сб. Радомск. 2 окр. м. с. по обв. Либерманъ; Ладѣва Нижегородск. м. с. 41 ст. у.; упр. акц. сб. на опред. Петроковск. 2 окр. м. с. по дѣлу о Вознякъ; упр. акц. сб. Елсаветградск. о. с. по обв. Чекалова въ наруш. таб. у.; Вухгалтера Люблинск. 1 окр. м. с. контрабанда; Клярмана Кѣлецк. 1 окр. м. с. 2 ч. 4 ст. зак. 9 янв. 1895 г.; упр. акц. сб. Луцк. м. с. по обв. Бекерманъ въ наруш. таб. уст.; Петраковскихъ.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ *В. М. Гессенъ.*

Н. И. Лазаревскій.